ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Виктор Носатов

МГНОВЕНИЕ ИСТИНЫ

В августе четырнадцатого

Военно-исторический боевик

Виктор Носатов

Мгновение истины. В августе четырнадцатого

«Махров»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Носатов В. И.

Мгновение истины. В августе четырнадцатого / В. И. Носатов — «Махров», 2018 — (Военно-исторический боевик)

ISBN 978-5-04-092128-7

Тайные, незаметные сражения начались задолго до первого выстрела «августовских пушек» Первой мировой войны. К немалой досаде шефа немецкой разведки Вальтера Николаи, глава спецотдела штаба Варшавского военного округа полковник Евгений Евграфович Баташов оставил германскую армию на Востоке без «глаз и ушей», раскрывая самые сложные комбинации умного и хитрого врага, выявив и ликвидировав сотни агентов, проникших не только в военное ведомство и на оборонные предприятия, но и в ближайшее окружение императора.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092128-7

© Носатов В. И., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Предисловие 6
ГЛАВА I Варшава – Петербург. Апрель 1913 г 9
ГЛАВА II Берлин – Вена. Май 1913 г 19
ГЛАВА III Санкт-Петербург. Май 1914 г 30
ГЛАВА IV Лондон. Июль 1914 г 38
ГЛАВА V Берлин. Май 1914 г 52
ГЛАВА VI Белгородский уезд. Имение Баташовых. Июнь – июль 1914 г 58
ГЛАВА VII Киль – Берлин. Июль 1914 г 64
ГЛАВА VIII Петербург – Красное Село. Июль 1914 г 77
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Виктор Носатов
Мгновение истины. В августе четырнадцатого

© Носатов В.И., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

Несмотря на то что книга повествует в основном о российских разведчиках и контрразведчиках Первой мировой войны, я хотел бы вынести в предисловие слова бывшего начальника главного разведуправления Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии К. Теппельскирха, который после окончания Второй мировой войны писал: «…Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. Шпионаж не находил для себя в Советском Союзе… никакого поля деятельности…» Я привел эти слова для того, чтобы читатель понял – таких выдающихся успехов советские разведчики и контрразведчики смогли достигнуть лишь благодаря тому, что после переворота 1917 года приняли за основу и в полном объеме осуществили все наработки своих коллег, офицеров российской императорской армии, выверенные на фронтах Первой мировой войны.

В начале XX века, несмотря на то что за рубежом уже в полной мере внедрялись новые принципы и идеи обеспечения военной безопасности, высшее руководство Российской империи продолжало почивать на лаврах прежних побед и явно недооценивало святая святых любого государственного строительства – систематической и планомерной организации защиты внешней безопасности державы. Казалось, что все ждали какого-то импульса, толчка, чтобы эта необходимая для любой современной армии контрразведывательная деятельность стала предметом особой заботы государственных мужей России, облаченных в военные мундиры.

Поражение в Русско-японской войне, чему, кроме чисто военных причин, во многом способствовало и то, что японские шпионы буквально наводнили не только Дальний Восток, но и Центральную Россию, заставило высших правителей страны задуматься о значении контршпионской деятельности. После принятия ряда законов и постановлений российского правительства, перед Генеральным штабом российской императорской армии, который постоянно будировал эту тему, стала очередная, с трудом разрешимая проблема – кадровая. Конечно же, ближе всего к военной контрразведке были разведчики, которые по долгу своей службы зачастую выявляли шпионов, но это им в заслугу никогда не ставилось. Перед разведкой российского Генштаба стояли более глобальные задачи, чем поиск и задержание шпионов. Генерал-квартирмейстерская служба занималась не только агентурной разведкой, но и ликвидацией «белых пятен» на карте Российской империи. Многочисленные экспедиционные отряды, возглавляемые офицерами Генерального штаба, не только устанавливали пограничные знаки, возводили пограничные крепости, защищали иноверцев – подданных Ак-паши (Белого царя) в самых отдаленных и высокогорных уголках Памира, но и вели геодезические и географические исследования, внося свой достойный вклад в российскую науку.

Все знают о выдающихся заслугах ученых-географов Николая Михайловича Пржевальского, Андрея Евгеньевича Снесарева, Михаила Ивановича Венюкова, Владимира Клавдиевича Арсеньева, об исследователях Памира Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, Лавре Георгиевиче Корнилове и многих других, но мало кто знает, что все они прежде всего были офицерами Генерального штаба российской императорской армии и выполняли секретные задания высшего командования. В тайные задачи военных экспедиционных отрядов, которые они возглавляли, входило не только изучение окраин Российской империи с геополитическими и военными целями, но и противодействие любым посягательствам враждебных спецслужб. Ведь ни для кого не секрет, что параллельно с русскими Памир и Припамирье глубоко и настойчиво изучала и британская Сикрет интеллидженс сервис, главный организатор «Большой игры», основной целью которой было – закрыть для русских выход к границам главной жемчужины в короне Британской империи – Индии. Для этого британские разведчики и их подручные, наводнившие Северную Индию (нынешний Пакистан), не брезговали ничем. Путем подкупа

князьков многочисленных граничащих с Россией территорий они всячески пытались взбунтовать горские народы. Точно так же, как позже на Ближнем Востоке они подняли против союзника Германии – Османской империи аравийские племена. И то, что англичанам в большинстве своем так и не удалось осуществить свои враждебные планы, во многом заслуга офицеров генерал-квартирмейстерской службы российского Генштаба, которые зачастую с риском для жизни не только с честью исполняли свой воинский долг, но и в случае острой необходимости брали на себя ответственность и за решение чисто геополитических вопросов. Это благодаря им многие княжества Припамирья до их полного порабощения дружественно относились к России и никогда не покушались на целостность российских границ.

Накануне Первой мировой войны в высших кругах Российской империи считалось, что иностранный шпионаж как постоянно действующий фактор в международных делах можно нейтрализовать традиционными средствами: совершенствованием системы засекречивания документов государственной важности и политической полицией, и только внезапно нахлынувший поток шпионских дел, большинство из которых рассыпались в судах за недоказанностью, заставил Генштаб активизировать контршпионскую деятельность. Лучшим армейским разведчикам пришлось вплотную заняться явно запущенной отраслью. Лишь за три года до начала войны военный министр В. А. Сухомлинов утвердил два важнейших документа по контрразведке – «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов». Ведущая роль в разработке этих документов принадлежала, конечно, ответственным военным специалистам по разведке и контрразведке западных военных округов, среди которых приоритетными считались суждения Генерального штаба полковника Батюшина Николая Степановича. Это был блестящий разведчик, тайная агентура которого добыла в Германии и Австро-Венгрии не один десяток важнейших вражеских стратегических секретов и планов. Он не сразу принял предложение посвятить свою жизнь ловле шпионов. Это и понятно, ведь большинство офицеров российской императорской армии к этой сфере деятельности, которой в большинстве своем занимались жандармы, относились с презрением, граничащим с вызовом. Только прекрасное знание обстановки на западных границах Отечества российского и высокое чувство долга подвигли его на эту неблагодарную и непрезентабельную для кадрового офицера работу.

Вскоре полковник Батюшин стал известной фигурой и по ту сторону границ. Его оппоненты, противники, враги – австрийские и германские руководители спецслужб – узнали его мертвую хватку разведчика, масштабность и последовательность его действий. «Кипучую деятельность» Батюшина впоследствии признал не только шеф австро-венгерской контрразведки Максимилиан Ронге, который в своих мемуарах откровенно признался: «Ни себе, ни нам он не дает возможности расслабиться ни на один день», но и руководитель германской разведки Вальтер Николаи, который с началом войны по указанию германского Генштаба даже пытался устранить российского контрразведчика физически, засылая за линию фронта наемных убийц. И все же одного, и даже нескольких таких подвижников, было слишком мало, чтобы разведочные отделения, так назывались контрразведывательные подразделения, заработали в полную меру.

По взглядам российского Генштаба, разработавшего стратегию ведения войны, она предполагалась быть достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе нескольких крупных сражений уже в 1914 году, в крайнем случае – к весне 1915 года. Поэтому роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных мобилизационных планов, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий, особенно на начальном, решающем этапе войны, и сбережению сведений о новых образцах военной техники. С сожалением необходимо констатировать, что не только на начальном этапе, но и за весь период войны российская контрразведка так и не смогла обеспечить защиту совершенно секретной информации, распространяемой с помощью радиотелеграфных средств. Войсковое командо-

вание в силу новизны этого дела, а иногда по самонадеянности и глупости не могло и подумать, что к защите этого вида коммуникаций надо своевременно подключить контрразведку. Много лет спустя Батюшин с горечью скажет: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава». Наверное и поэтому славная российская армия терпела одно поражение за другим.

И только если на отдельных участках фронта вопросами военной контрразведки занимались глубоко и целенаправленно, а не от случая к случаю, то результат там, как правило, был на лицо! Это благодаря работе военной контрразведки были в строжайшей тайне от противника подготовлены и проведены Лодзинская операция и «Брусиловский прорыв», а также ряд боев местного значения, о которых в истории Великой войны, даже не упоминается.

Почти через десять лет после начала Великой войны, в январе 1924 года, состоялась встреча «трех китов» руководства спецслужб начала XX века – Макса Ронге, Вальтера Николаи и Николая Батюшина. Она не протоколировалась, ведь разведчики, даже в отставке, умеют хранить свои тайны. Однако в дневниковой записи Вальтера Николаи сохранилось краткое описание этой встречи. Она проходила по просьбе Николая Батюшина. «Встреча была назначена на середину января в Вене, – пишет Николаи. – На второй день на нее прибыл также бывший шеф австрийской службы разведки Макс Ронге, в настоящее время он работает на важном посту в Министерстве внутренних дел, это назначение он получил в качестве награды за свои заслуги в войне». Это была встреча и беседа трех знаковых фигур в истории спецслужб. Судя по дневниковым записям, она касалась в основном вопросов истории разведки, все остальные аспекты деятельности самых сильных спецслужб Европы, как и положено, остались за завесой, прикрывающей разведку и контрразведку непроницаемой тайной. Даже по окончании Второй мировой войны всесильным органам НКВД не удалось выведать у попавшего к ним в руки бывшего руководителя германской разведки, полковника Николаи, о чем же в самом деле говорили «киты разведки» в том далеком, 1924 году.

Начиная это историческое повествование о Великой войне, так о ней говорили в Европе, или об «империалистической войне», так ее окрестили в Советской России, я задался целью рассказать не только о предыстории и некоторых наиболее ярких эпизодах этой войны, о которых мы до сих пор знаем лишь понаслышке, но и о доблести русских солдат и офицеров, которым в полной мере пришлось хлебнуть военного лиха из-за бездарности генералов и неподготовленности российских спецслужб. Несмотря ни на что, эта тема и сегодня достаточно актуальна и прежде всего потому, что процесс формирования российской разведки, а затем и контрразведки зарубежные историки не могут или не хотят представлять своим доверчивым читателям правдиво, не вспоминая ничего иного, кроме как об опричнине и петровском Преображенском приказе, что имеет лишь опосредованное отношение к деятельности российских спецслужб. Для них воистину: медведи до сих пор непугаными гуляют по столичным проспектам России и «песьи головы» ведут хоровод на Лубянской площади. Эти «страшилки», оказывается, не исчезли до сих пор, как и русофобия в самом незамысловатом обличье вообще. А об истинной истории российских спецслужб и о блестящих успехах органов безопасности Советского Союза и современной России они, как и прежде, умалчивают.

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон…

Александр Блок

ГЛАВА I Варшава – Петербург. Апрель 1913 г

1

Генерального штаба полковник Евгений Евграфович Баташов, возглавлявший разведывательный отдел штаба Варшавского военного округа, слыл среди штабных человеком прямодушным и в меру терпеливым. Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения венной службы или усталость на псовой охоте. Широкое лицо его, обрамленное короткими русыми волосами, ниспадающими ровным пробором на крупный лоб, под которым за густыми бровями сияли крупные голубые глаза, в которых блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек большую часть своей жизни упорно добывал военные секреты потенциального противника и с неменьшим упорством защищал свои армейские тайны.

Баташов уже было закончил изучение донесений своих наиболее ценных агентов, когда к нему в кабинет заглянул генерал-квартирмейстер Постовский, худой, суетливый генерал, который с порога огорошил его словами:

– Евгений Евграфович, завтра мы выезжаем в Петербург!

– К чему такая срочность? – спросил удивленно Баташов. – У меня в разработке несколько неотложных дел.

– Приказ начальника Генерального штаба Янушкевича, – безапелляционно объявил Постовский, – предстоит очередное совещание по нашему ведомству.

В главном управлении Генерального штаба российской императорской армии, куда были приглашены руководители разведки западных приграничных военных округов, шел разговор о необходимости усиления контрразведывательной деятельности против разведки срединных империй – Германии и Австро-Венгрии.

Мнения были самые противоположные. От передачи контрразведывательных функций жандармским охранным отделениям до формирования самостоятельных органов, независимых от МВД. Этот серьезный разговор между профессионалами разведки состоялся после очередного скандала, связанного с бегством германского шпиона, выкравшего из штаба одного из округов карту с расположением воинских частей.

– До каких пор все это может продолжаться? – возмутился генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа. – Ведь уже почти пять лет прошло с тех пор, как высокая правительственная комиссия единодушно признала необходимость учреждения особого контрразведывательного органа, но, как говорится, воз и ныне там. Формирование отделений военной контрразведки идет слишком медленно…

– Тут уж ничего не попишешь, – отозвался обер-квартирмейстер Генерального штаба генерал Монкевиц, – где взять специалистов, способных противостоять шпионам? Да и средств, выделенных на это дело, явно не хватает. Не хочу быть голословным, скажу только, что в нынешнем году на формирование контрразведывательных отделений военных округов выделено немногим более 230 тысяч рублей…

– А я слышал, что только на содержание конюшен Генерального штаба в прошлом году было выделено полмиллиона рублей, – с горечью в голосе промолвил генерал Постовский, – а коней-то там много меньше, чем контрразведчиков…

Офицеры возмущенно заспорили по этому поводу, перебивая друг друга.

– Господа, разрешите высказать предложение, каким образом можно пополнить свой бюджет, – подал голос Генерального штаба полковник Баташов, желая прекратить ненужный спор, – необходимо совместить в своей контрразведывательной работе полезное с приятным. Ведь ни для кого не секрет, что разведки враждебных нам стран затрачивают немалые средства для добывания наших секретов. Так давайте же поможем им…

Услышав такое предложение, офицеры удивленно уставились на полковника, явно недоумевая, как такое могло прийти ему в голову.

– Я предлагаю довольно оригинальный план введения в заблуждение наших противников. Например, произвести штабную игру в нашем Генеральном штабе, взяв за основание ложные стратегические исходные данные, а затем широко торговать этими документами, выдавая их за материалы нашего действительного развертывания армий в случае войны. Если торговля этими фиктивными документами будет вестись всеми заинтересованными военными округами, то в Генеральном штабе противника почти что невозможно будет отличить в массе приобретаемых документов подлинные от фиктивных…

Все молча переваривали сказанное, но из субординации никто не проронил ни слова. Все ждали, что на это скажет генерал Монкевиц.

– Шпионы были, есть и будут, потому что нет такой тайны, которую бы невозможно было раскрыть, поэтому главная задача контрразведки – сделать все для того, чтобы противник узнал о наших замыслах как можно позже, – сказал задумчиво генерал, – а то, что предлагает полковник Баташов, конечно, заманчиво, но я думаю, что начальник Генерального штаба эту идею не поддержит. Уж очень он щепетилен в таких вопросах. – И, чтобы отвлечь внимание офицеров от насущной для всех финансовой проблемы, он неожиданно спросил: – Знаете, что по поводу сохранения тайны сказал Вильям Шекспир? – Все удивленно уставились на Монкевица. – А он сказал простые, но верные слова: Then only two secrets will save when one of them doesn't know her![1]

– И это слова настоящего разведчика! – продолжал обер-квартирмейстер. – Но оставим в стороне лирику. Сегодня наш брат должен быть, прежде всего, прозаиком и реалистом. Таким, как наш уважаемый Евгений Евграфович! По Высочайшему Указу его объемный отчет о памирских экспедициях удостоен большой золотой медали Императорского Русского географического общества. Разрешите мне от имени начальника Генерального штаба и от себя лично поздравить нашего коллегу и пожелать ему дальнейших успехов в его нелегкой службе…

– Я присоединяюсь к поздравлениям в адрес Евгения Евграфовича, – подошел к явно смущенному всеобщим вниманием Баташову Постовский, – и хочу непременно добавить, что за те два года, что он возглавляет разведывательное отделение Варшавского военного округа, где, вы все знаете, велась наиболее интенсивная борьба со шпионажем, была раскрыта деятельность около сотни иностранных шпионов…

– Правда, до суда удалось довести только семнадцать дел, – признался он, – но это не наша вина, а наша беда. До сих пор еще не в полной мере действует «Закон об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»…

– Господа! Господа! – выступил вперед генерал-квартирмейстер Киевского военного округа. – Вы, как всегда, многоуважаемый Петр Иванович, начали за здравие, а кончили за упокой, давайте хоть на минутку отложим дискуссию и поздравим Евгения Евграфовича с его исследовательскими достижениями!

Офицеры гурьбой направились к взволнованному и смущенному полковнику, искренне желая ему успехов в службе.

Дождавшись, пока коллеги поздравят Баташова, Монкевиц, обращаясь к Постовскому, сказал:

– Недавно я имел разговор с начальником Варшавского военного округа Георгием Антоновичем Скалоном. Он очень обеспокоен активностью вражеской агентуры в царстве Польском и просил меня ускорить формирование контрразведывательного отделения в Варшаве. Я готов помочь. Но я не знаю, кого поставить во главе. Может быть, у вас есть кто-то на примете?

---

[1] Тогда лишь двое тайну сохранят, когда один из них ее не знает… (Уильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»).

– Нет! – категорически заявил Постовский. – Но я догадываюсь, куда вы клоните, и Евгения Евграфовича не отдам. Он прирожденный разведчик, и другого такого профессионала у меня нет!

– Но вы же сами только что хвалили его и как опытного контрразведчика, который дезавуировал около сотни шпионов…

– Я все понимаю… Но может быть, следует порекомендовать на эту должность жандармского полковника Ежова – начальника Варшавского губернского жандармского управления, – предложил Постовский, – ведь и он приложил немало усилий для слежки и последующей ликвидации ряда дел вражеских агентов…

– Нет! И еще раз нет! – запротестовал Монкевиц. – Необходимо исходить из того, что жандармский офицер, как правило, не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранных армий и вследствие этого не может руководить контрразведывательной службой. Я полагаю, что офицеры-жандармы могут быть в отделении вспомогательной силой и вести контрразведку по указаниям стоящего во главе отделения офицера Генерального штаба…

– Это правильно!

– Так точно!

– По-другому и быть не должно, – послышались одобрительные возгласы офицеров.

– А как вы на это смотрите? – обратился обер-квартирмейстер к Баташову. – Может быть, преждевременно офицеру Генерального штаба брать на себя, по сути дела, жандармские функции?

– Я думаю, в нынешней военно-политической обстановке, сложившейся на наших западных границах, каждый офицер должен определиться, где он может больше всего принести пользы своему Отечеству! Не следует забывать, что времена «иду на вы» отошли безвозвратно в область преданий и что пренебрежение упорной и не всегда благородной контрразведывательной деятельностью в данное время может привести к излишним крупным жертвам в решительную минуту, когда российской армии и флоту необходимо будет развернуться в полную силу. Я готов потрудиться на этом важном поприще в меру своих сил и возможностей…

– Приказ о вашем назначении уже подготовлен, – обрадованно промолвил Монкевиц, – дело было за вашим согласием. Евгений Евграфович, разрешите поздравить вас с новым назначением и пожелать успехов в вашей дальнейшей нелегкой, но так необходимой для нашего Отечества службе.

Баташов словно сквозь туман выслушивал поздравления коллег с новым назначением, когда в помещение, где проходило совещание, постучавшись, вошел адъютант и, подойдя к генералу, что-то шепотом сообщил ему на ухо.

– Господа, нам придется сегодня отпустить полковника Баташова, у подъезда его ждет авто великого князя Николая Михайловича. Его высочество будет лично вручать награды Императорского Русского географического общества в своем Ново-Михайловском дворце.

На званом обеде, который великий князь Николай Михайлович устроил в честь награжденных в Банкетном зале дворца, среди приглашенных Баташов неожиданно встретил командира драгунского лейб-гвардии полка генерала Пустошина. Они обнялись как самые близкие друзья. После того как Константин Павлович Пустошин, будучи генерал-квартирмейстером Туркестанского военного округа, рекомендовал его в разведку, пути их периодически пересекались, все больше и больше укрепляя зародившуюся в Памирах настоящую офицерскую дружбу.

Неординарной и довольно бурной судьбе этого человека, напрямую связанного с военной разведкой, можно было позавидовать. После окончания Николаевского кавалерийского училища корнет Пустошин был направлен в самый знаменитый гвардейский кавалергардский полк, расквартированный под Санкт-Петербургом. Казалось бы, что блистательная карьера ему

обеспечена, но не тут-то было. Вырвавшись из казарменных стен на свободу, корнет по молодости и глупости пустился во все тяжкие. Хотя гвардейские кавалергарды не слыли праведниками и умели кутить, корнету Пустошину этого было мало, и он на свой страх и риск зачастил к кокеткам кафешантана, которые пользовались особым вниманием офицеров стоящего по соседству гвардейского пехотного полка. Однажды, пытаясь завладеть вниманием юной красотки, он поссорился с пехотным поручиком, который уже давно имел на нее виды. Дело дошло до дуэли, на которой Пустошин ранил пехотинца. Разгорелся скандал, и корнету пришлось продолжать службу на задворках Российской империи, в Туркестане. С этого времени и начинается его богатая лишениями и приключениями жизнь. Путешествие по Памирам, отражение набегов туземцев на российские посты и, наконец, проникновение с риском для жизни под видом торговца в закрытый для европейцев Афганистан для описания новой приграничной крепости Дейдади. Казалось, что отчаянный офицер, напрашиваясь на самые опасные предприятия, так и хотел угодить под пулю. Но судьба хранила его для более значимых дел…

2

Сразу же после окончания банкета в Михайловском дворце генерал Пустошин предложил Баташову отметить неожиданную встречу в яхт-клубе, где их разговору никто не будет мешать. Этот довольно знаменитый на весь Петербург яхт-клуб, как во всякой европейской столице, издавна служил прибежищем дипломатов и военных, где они могли не только отобедать, но и встретиться с друзьями и нужными людьми – членами этого в высшей степени элитарного заведения.

Как давнего завсегдатая заведения, Пустошина встретил сам метрдотель и, предупреждая желание генерала, сразу же проводил его вместе с гостем в самое тихое и спокойное место.

– Что прикажете подать-с? – подобострастно спросил он, как только офицеры заняли места за столиком.

– Как обычно, Петрович, – не заглядывая в меню, ответил генерал.

– Будет исполнено, ваше превосходительство-с, – склонил в полупоклоне голову метрдотель и, подозвав к себе официантов, начал им что-то строго толковать.

Не прошло и пяти минут, как на столе появился графин с шустовским коньяком и самые разнообразные холодные закуски.

– Я уже не раз бывал здесь, – признался Баташов, – но так лихо меня еще ни разу не обслуживали. В чем же секрет?

– Ну, секрета здесь никакого нет, – ухмыльнулся в усы генерал, – все до банального просто. У меня в полку служит брат этого самого Петровича.

Пустошин потянулся было к графинчику, чтобы разлить по бокалам коньяк, но его желание было тут же исполнено услужливым официантом.

– Выпьем за нашу встречу! – предложил первый тост генерал. – За нашу дружбу, скрепленную нелегкой службой на задворках Российской империи. – Выпив и закусив малосоленой семгой, офицеры принялись вспоминать о своей службе.

– После вашего отъезда в Варшаву мы, пожалуй, и не виделись, – сказал Пустошин, с интересом разглядывая Баташова, – вот уже и седина у вас на висках появилась, – неожиданно констатировал он.

– Да и вы не помолодели, – с грустью в голосе отозвался Баташов, – ну, что обо мне говорить, ведь я в отличие от вас ничего знаменательного для Отечества не совершил. Расскажите лучше о себе. Ведь несмотря на то что мы с вами уже не раз встречались в Петербурге, обстоятельно поговорить нам так и не удалось. То я куда-то спешил, то вы куда-то спешно уезжали…

– Это вы правильно заметили, Евгений Евграфович, чем мы становимся старше, тем время летит быстрее. А нам так много нужно друг другу сказать. Вы, наверное, хотите услы-

шать подробности о моей венской эпопее, ну что ж, извольте. – Пустошин, не дожидаясь официанта, плеснул себе из бутылки коньяку, сразу же его выпил и, даже не притронувшись к закуске, начал свой рассказ:

– Оказавшись после жаркого и непрезентабельного Ташкента в холодном и блистательном Ламберге[2] в качестве российского консула, я первым делом начал налаживать связи.

Через знакомых офицеров из Генерального штаба познакомился с городскими чиновниками из мэрии, русскими промышленниками, которые налаживали там свое дело. Через несколько месяцев наш венский военный агент, ознакомившись с проделанной мной работой, сказал по секрету, что в Петербурге ждут от моей работы большего. Что, будучи в Генеральном штабе, он слышал от офицеров генерал-квартирмейстерской службы в мой адрес слова осуждения, мол, вместо того чтобы добывать секреты австро-венгерского Генерального штаба, полковник Пустошин ведет неподобающе роскошную и разгульную жизнь. Я, конечно же, не стал ему доказывать, что в условиях постоянной слежки австро-венгерской политической полиции моей единственной возможностью поддерживать контакты с нужными людьми была простенькая роль прожигателя жизни.

Частенько выезжая в Вену, где по старой кавалергардской привычке я мог и покутить, и поволочиться за молоденькими балеринами Венского театра, я первое время не вызывал особых подозрений у австро-венгерской разведки, и это давало мне возможность работать довольно продуктивно.

Правда, тогда я еще не мог представить в Петербург копии мобилизационных планов австро-венгерской армии, которые так требовались нашему Генеральному штабу, но информацию о дислокации приграничных частей и схемы оборонительных сооружений Ламберга и других городов я передавал постоянно…

– О той довольно ценной информации, которую вы поставляли в Генеральный штаб, я знаю не понаслышке, уважаемый Константин Павлович, – отозвался Баташов, – ведь я тогда уже работал делопроизводителем в европейском отделе генерал-квартирмейстерской службы. Хочу сказать вам откровенно, что в нашей службе еще немало завистников, которые, не обладая ни достаточным опытом, ни достаточными знаниями, спят и видят себя этакими суперагентами, на деле же большинство из них способны только заносить в картотеки добытую настоящими разведчиками информацию. На большее они не годятся и потому частенько в поведении своих коллег за границей видят только плохое. И потому, нечего на их хулу обращать внимание…

– Есть на этот счет хорошая восточная пословица: «Собака лает, а караван идет», – улыбнулся генерал, – и если вам еще не надоели мои воспоминания, я, с вашего позволения, продолжу.

– Я прошу прощения за то, что перебил вас, – смущенно промолвил Баташов, – но я хотел, чтобы вы знали о том, что достойных людей в генерал-квартирмейстерской службе больше, чем всяких там завистников и чинодралов…

– В этом я никогда не сомневался, – убежденно промолвил Пустошин и после небольшой паузы продолжил свой рассказ:

– Решив в полной мере соответствовать роли этакого русского набоба, я частенько наезжал в Вену, бывал в самых дорогих ресторанах. Однажды, обедая в одном из лучших ресторанов Вены «Ридгоф», я на спор с австрийскими офицерами выпил сразу две бутылки шампанского. Сквозь крики, которыми приветствовали мою победу офицеры, я услышал глухой, вкрадчивый голос:

– Господин Пустошин, в молодости вы были менее сдержанны в вопросах пития и, насколько я знаю, могли на спор выпить семь бутылок шампанского.

---

[2] Ламберг – официальное название города Львов, в австрийский и австро-венгерский периоды его истории (1772–1918).

– Я и сейчас могу выпить не меньше, – ответил я, нисколько не удивившись осведомленности офицера, в котором признал начальника отдела Эвиденцбюро подполковника Редля, отвечавшего как за агентурную разведку, так и главным образом за контрразведку. С его описанием меня ознакомили перед отъездом в Ламберг. Это был высокий, крупный мужчина лет сорока пяти в недорогом, но элегантном коричневом костюме. Он сидел за соседним столиком вместе с офицерами и, самоуверенно подняв подбородок, над которым торчали по моде закрученные кверху густые, пшеничного цвета усы, то и дело бросал в мою сторону любопытные взгляды.

После этого знакомства я не упускал случая доказать проницательному контрразведчику, что тот оказался прав, видя во мне не разведчика, а беззаботного повесу и покорителя женских сердец.

Так и не заметив за мной каких-либо подозрительных контактов с подданными австро-венгерской империи, Редль по-своему заинтересовался моей особой и частенько приглашал меня на дружеские попойки. Как славянин, он втайне презирал чопорных австрийцев, которые постоянно держали с ним определенную дистанцию, которую никогда не переходили. Наверное, поэтому большинство его высокопоставленных друзей и знакомых тоже имели славянские корни. Только в их окружении он мог себе позволить не только покритиковать австрийского императора, но и высказать свою любовь и уважение к нам, русским. Это и понятно, ведь в Европе еще были живы те, кто на себе испытал гнет и жестокость Османских поработителей, которых, положив на алтарь победы тысячи жизней, изгнали русские братки. А после того как я в узком кругу избранных друзей и собутыльников Редля выиграл пари и в самом деле опустошил на спор одну за другой полдюжины бутылок шампанского, его признательности не было предела.

Прекрасно видя, что Редль питает ко мне искренне дружественные чувства, я решил однажды проверить меру его лояльности ко мне и пригласил отобедать в полюбившийся нам обоим ресторан «Ридгоф». Начав разговор об очередной премьере в Венском оперном театре, я после третьей рюмки коньяку откровенно признался в том, что хотел поговорить о нем самом.

– Чем может быть интересен для вас простой офицер австро-венгерской армии? – удивленно спросил он.

– Вот уже несколько месяцев, как я знаю вас, и, откровенно признаюсь, вы мне нравитесь все больше и больше, – начал я нелегкий для нас обоих разговор…

– Если вы выбрали меня в любовники, то очень ошиблись, – несколько смутившись, с напускным гневом произнес Редль.

– Вы меня неправильно поняли, господин подполковник, – в свою очередь сказал я, – я лишь хотел сказать, что вы мне нравитесь не как мужчина, а как человек и славянин, которому не безразлична судьба соотечественников, судьба русского народа.

– За время нашего знакомства вы неплохо меня изучили. Но не кажется ли вам, что мое дружеское к вам отношение продиктовано прежде всего моими служебными интересами к вам, российскому консулу в Галиции?

– Не кажется, – уверенно ответил я, – ведь мы знаем вас уже достаточно давно и все это время внимательно за вами наблюдаем.

– ??? – Маска искреннего недоумения возникла на лице Редля.

– Насколько я знаю, – продолжал я, – в 1900 году вы посетили Россию и около года повышали свою квалификацию в Казанском военном училище.

– Да-а, – удивленно промолвил подполковник.

– В свободное время вы не скучали и вели весьма светский образ жизни, не пропуская ни офицерские пирушки, ни балы, которые в ту пору частенько давали обеспеченные обыватели. Вспомните юного корнета Васнецова, вашего собутыльника, который вызвал вас на дуэль из-за одного неприличного с вашей стороны предложения.

– О да! – настороженно глядя мне в лицо, согласился Редль. – Как потом я узнал, корнет был отличным стрелком, и если бы не счастливый случай, я не знаю, чем бы наш поединок мог закончиться, – доверительно сообщил он.

– Просто начальник училища не допустил поединка и не стал раздувать этот довольно скабрезный для вас инцидент. А то бы вы без скандала из России не уехали.

– Не может быть! – воскликнул Редль. – А я-то думал, что все улеглось само по себе благодаря моей счастливой планиде.

– Прошу вас, господин подполковник, быть сдержаннее, – поостерег его я. – Хотя вокруг нас никого и не видно, но вы же прекрасно знаете, что сегодня и у стен зачастую имеются уши.

– Да, простите, господин полковник, – смутился Редль, – но я был просто поражен вашей осведомленностью.

– Но это еще не все, – продолжал я, – мы не упускали вас из виду и здесь. Мало того, мы постоянно заботились о вашем продвижении по службе.

– Но я в самом деле очень много работал, чтобы стать тем, кем стал, и… – начал было защищаться Редль, но я, видя, что наступил момент истины, резко оборвал его на полуслове:

– Не надо красивых слов о трудах наших праведных. Давайте лучше поговорим как офицер с офицером, коротко и ясно. Вспомните, как несколько лет назад вам неким неизвестным лицом были сообщены по телефону данные на нескольких малоценных для нас, да к тому же еще и подозреваемых в двурушничестве агентов из числа австрийцев. Я имею в виду унтер-офицера Боровца и артиллерийского лейтенанта Радича, которых вы вскоре и разоблачили. А совсем недавно с вашей подачи Эвиденцбюро приобрело за 10 тысяч рублей агентурный план развертывания российской армии, где не были обозначены – петербургский, финский, московский гренадерский, несколько кавказских и сибирских корпусов. Не фигурировали там и многие резервные дивизии, сформированные за счет французских кредитов. Насколько я знаю, данные из этого плана оказали большое влияние на разработку оборонительной стратегии вашего Генерального штаба. Благодаря этим организованным нами «успехам» вы сумели произвести достойное впечатление на руководство австро-венгерской военной разведки и лично на барона Гизлю фон Гизлингена, который рекомендовал вас вскоре на должность заместителя начальника Эвиденцбюро. Я ничего не напутал, господин подполковник? – спросил я у него.

– Все верно, за исключением нескольких мелочей. Вижу, что вам известно многое из моей служебной биографии, – глухо сказал Редль, сохраняя на лице спокойствие.

– И не только. Нам известно многое и из вашей довольно бурной личной жизни, – убежденно сказал я.

– Не может быть, – осевшим голосом пролепетал Редль, сразу же изменившись в лице. – Что вам от меня надо? – придя в себя, хрипло промолвил он.

– Неужели вы, профессиональный контрразведчик, не догадываетесь? Я хотел бы, чтобы вы помогли мне как славянин – славянину.

– Хорошо, – немного подумав, согласился Редль, – я буду вам помогать в меру своих сил и возможностей.

– А больше нам и не надо. Но мне удивительно, почему вы, как это обычно бывает, не торговались со мной, почему так сразу, без всяких условий решили нам помогать? – поинтересовался я.

– Прежде всего по причине растущей в душе ненависти ко всему, что олицетворяет Австро-Венгерскую монархию, – откровенно признался он, – кроме того, потому, что австрияки и немцы постоянно унижают меня, отказываясь от сатисфакции. Несколько лет назад австрийцы выгнали со службы моего отца, разорили брата, который осмелился открыть в Ламберге свое дело. Всю жизнь тупые австрийские и немецкие болваны получали по службе отличия и чины впереди нас, чехов и словаков, а ведь мы служили в армии этой прогнившей монархии отнюдь не хуже, даже намного лучше их. А наследник Франц-Фердинанд! Ведь эта свинья

в своем имении под Прагой просто истязает чешских работников! Ненавижу эту банду! К тому же мне очень не хотелось бы, чтобы между нашими странами разгорелся огонь войны. Уж очень много жизней может поглотить это страшное пожарище…

– С того момента подполковник Редль стал поставлять мне самую свежую военную информацию, – закончил свое повествование генерал Пустошин и, опрокинув еще одну рюмку коньяку, о чем-то задумался.

– Я, уже будучи подполковником, был назначен старшим делопроизводителем австро-венгерского делопроизводства и по долгу службы расшифровывал все телеграммы и сообщения, поступавшие в Санкт-Петербург окольными путями через Стокгольм или Берн из Австро-Венгрии, – нарушил явно затянувшееся молчание Баташов, – ваши обстоятельные и емкие доклады я читал с особым интересом. И прекрасно помню вашу срочную телеграмму о том, что начальник агентурного, контршпионского отдела Эвиденцбюро, подполковник Редль дал согласие работать на российскую разведку. Это сообщение, скажу откровенно, повергло меня в шок. И было от чего. Такого успеха в те времена, наверное, не знала ни одна разведка мира. Еще и еще раз перечитав телеграмму, я занес нового агента в свою картотеку под счастливым номером А-77. В тот же день я проинформировал начальника отдела и обер-квартирмейстера Генерального штаба о том, что вы завербовали ценного агента и уже в ближайшее время ожидаете важные документы о дислокации и вооружении приграничных частей австро-венгерской армии. К моему удивлению, это сообщение вызвало у высоких начальников лишь плохо скрываемую досаду. Скорее всего потому, что для них вербовка каждого нового агента в Европейской стране, будь она дружественной или враждебной, требовала дополнительных средств, как правило, еще не заложенных в бюджет, и, за редким исключением, ожидаемого эффекта не приносила.

Лишь после поступления в Генштаб обещанных вами документов о дислокации австро-венгерских войск в Галиции начальник отдела вызвал меня к себе и поздравил с успехом.

– Но здесь же моей заслуги нет, – возразил я, – благодарить надо полковника Пустошина, это его работа.

– Полковника Пустошина мы наградим в свое время, – обещал начальник отдела, – а пока потрудитесь, пожалуйста, перепроверить факты, изложенные в присланном документе, с теми, что у нас на сегодняшний день имеются.

К этому времени я уже проверил вашу информацию по другим каналам и сразу доложил об этом.

Удовлетворенный моим ответом, начальник распорядился:

– Будете составлять Константину Павловичу телеграмму, обязательно укажите, что его поздравляет начальник Генерального штаба, и намекните, что неплохо бы нам заиметь мобилизационный план развертывания австро-венгерской армии. Вот это будет достойная информация, за которую для агента никаких денег не жалко!

– Помню, помню, – оживился Пустошин, – когда я передал эту просьбу Редлю, тот, не сказав ни да ни нет, в большой задумчивости, даже не попрощавшись, оставил меня. А вскоре, как вы знаете, мне пришла пора снова надеть офицерскую лямку, получить гвардейский полк, а затем и генерала…

3

Баташов вспомнил их последнюю встречу, когда полковник Пустошин, скоропостижно оставив Ламберг, выехал в Петербург, к новому месту службы.

Первым он, конечно же, навестил Баташова. После вопросов о службе и семье Пустошин неожиданно спросил:

– Не надоело вам, господин подполковник, протирать штаны в Генштабе? Насколько я вас знаю, вы всегда стремились к живой и интересной работе.

– Я и сейчас не прочь, – откликнулся Баташов, – но начальство мои устремления не жалует.

– Если вы желаете сменить столицу на Варшаву, я могу порекомендовать вас на вакантную должность начальника отделения генерал-квартирмейстерской службы штаба Варшавского военного округа…

– Я был бы этому искренне рад, – с ходу согласился Баташов, – но боюсь, что начальство меня не отпустит.

– Ну, это моя забота, – уверенно произнес Пустошин и, хитро подмигнув, добавил: – А я поставлю Генштаб перед фактом, что единственный человек, с которым согласился работать мой ценный агент, – это вы. Я уже заранее наладил его непрерывную связь с Варшавой. Так что все будет зависеть только от вас.

Когда Баташов получил назначение в Варшавский военный округ, полковник Пустошин передал ему все свои негласные знакомства в Австро-Венгрии и Польше, которые тот с его легкой руки продолжил успешно развивать…

– Как поживает наш общий знакомый? – услышал Баташов давно ожидаемый вопрос, но, верный принципу не рассказывать о своей работе всуе, он несколько замялся. И только заметив в глубине глаз генерала не поверхностный, а искренний интерес, и то, как он напряженно и озабоченно по еще памирской привычке невольно захрустел пальцами, Баташов негромко, так, чтобы слышал его лишь только Пустошин, коротко доложил:

– Все прекрасно, Константин Павлович. Прежде всего я хочу вам сообщить, что «А-77» пошел на повышение…

– Не может быть! – неожиданно воскликнул генерал. Подозрительно осмотревшись вокруг, не слышал ли кто его невольного восклицания, он смущенно промолвил: – Теряю квалификацию. Строевая служба явно не на пользу нашему брату. Напрочь забываешь про осторожность. Кто же он теперь?

– Он теперь НШ восьмого АК, – вполголоса, доверительно сообщил Баташов.

– Оч-чень интересно, – ответил, заикаясь от волнения, Пустошин, – наверное, уже полковник?

– Вы правы, полковник! Недавно на фотопластинке получил от него самую свежую информацию. Я набросал черновик доклада для генерала Монкевица, если хотите, могу ознакомить.

– Спасибо, Евгений Евграфович, я знал, что вы настоящий друг, – искренне поблагодарил Баташова генерал и, внимательно оглядев пустующий зал, взял протянутый подполковником блокнот, затем с еле скрываемым волнением начал знакомиться с содержанием доклада.

«Обер-квартирмейстеру главного управления Генерального штаба, генералу Монкевицу Николаю Августовичу.

Докладываю:

Получил фотодонесение от агента «А-77», который сообщает:

1. Получена достоверная информация о том, что российского Генерального штаба полковник Кирилл Петрович Лайков имеет быть агентом австро-венгерской разведки и располагает мобилизационным планом русской армии для продажи агенту Эвиденцбюро.

2. В Галиции формируется группа армий под руководством эрцгерцога Фридриха. Начальник штаба – генерал Конрад фон Хетцендорф. В состав группы планируется включить:

Соединение генерала Г. Куммера. 2½ дивизии ланштурма; 1 кавалерийская дивизия.

1-ю армию. Командующий Виктор Данкль. 9 пехотных дивизий; 4 бригады ландштурма; 2 кавалерийские дивизии, 468 орудий.

4-ю армию. Командующий Ауффенберг. 9 пехотных дивизий; 2 кавалерийские дивизии, 438 орудий.

3-ю армию. Командующий Брудерман. 12½ пехотных дивизий; 4 бригады ланштурма; 4 кавалерийских дивизии, 644 орудия.

Кроме этого, формируется соединение Кёвесса, о составе и вооружении будет сообщено по окончании формирования.

Основные силы противника планируется расположить к востоку от реки Сан, в районе Львова. О более точном расположении войск в Галиции будет сообщено по окончании формирования группы армий.

3. На полигоне в Штайнфельде в присутствии комиссии для испытаний военного министерства проводились стрельбы новой мортиры калибра 30,5 см.

Вес орудия 20 880 кг

Угол вертикальной наводки +40° – +75°

Угол горизонтальной наводки 120°

Вес снаряда 287 кг

Начальная скорость снаряда 407 м/с

Максимальная дальность полета снаряда 11 км.

В стадии разработки находятся модификации орудия М11 и М16. Орудие испытывалось на различных дистанциях – 2, 4, 6 километров и на максимальной дальности в 11 километров. Наиболее эффективная дистанция стрельбы – 4 километра. При прямом попадании граната М11 пробивает два метра бетона и поражает солдат, укрывающихся в форте. Дополнительные поражающие факторы создают газы и дым от разрыва гранаты и детонации снарядов в казематах и коридорах фортификационных сооружений. Для М11 не являются препятствием укрытия под тремя метрами твердого камня или железобетона. При разрыве граната М11 делает воронку приблизительно 5–8 метров в диаметре, осколки от взрыва могут пробивать довольно прочное укрытие в пределах 100 метров и уничтожают пехоту противника в пределах 400 метров. Разработку и изготовление мортиры осуществляла фирма «Шкода» в Pilsen. После испытаний и доработок орудие М11 принято на вооружение под официальным обозначением 30,5-cm M11 Morser. Первая партия, состоящая из 24-х орудий, для вооружения двух дивизионов уже поступает в войска. О расположении новых мортирных дивизионов будет доложено позже…»

Ознакомившись с содержанием доклада, генерал удовлетворенно заметил:

– Первоклассная информация. Он даром время не теряет. Будет возможность, передайте ему от меня большой привет.

– Обязательно, Константин Павлович, передам, – пообещал Баташов, пряча документ во внутренний карман кителя.

ГЛАВА II Берлин – Вена. Май 1913 г

1

В мае 1913 года берлинский «Черный кабинет»[3], осуществляя перлюстрацию почты, обнаружил конверт, адресованный «до востребования» на венский главпочтамт некоему Никону Ницетасу, с тремя тысячами рублей, явно указывавший на крупное шпионское дело. Узнав об этом, шеф германской разведки, майор Вальтер Николаи, средних лет, уже полнеющий мужчина с худым, невыразительным лицом, острым, пронизывающим взглядом и слегка приплюснутым носом, сначала обрадовался этому. Но затем, после недолгого раздумья, ничем не заменимый опыт разведчика-профессионала подсказал ему: «Не спеши». Прежде всего он решил уведомить о находке своего австрийского коллегу, полковника Урбанского, с которым по долгу службы обязан был обмениваться разведывательной информацией. Так уж повелось, что каждый из разведчиков старался больше получить от союзника, чем отдать. Поэтому его звонок в Вену с информацией о найденном подозрительном конверте вызвал у начальника Эвиденцбюро[4] не только удивление, но и искренний восторг.

– Я уверен, что эта информация послужит дальнейшему укреплению нашей дружбы и сотрудничества, – заявил полковник.

Прекрасно понимая, что найти и даже схватить получателя такого письма в принципе возможно, а вот привлечь к ответственности – едва ли, Николаи, передав злополучный конверт полковнику Урбанскому, тем самым возложил на него всю меру ответственности за это довольно туманное дело. Сам же мудро предпочел роль активного наблюдателя.

На конверте, который Николаи вручил австрийскому полковнику, ровным, каллиграфическим почерком было написано:

«Господину Никону Ницетасу.

Австрия, г. Вена.

Главный почтамт, до востребования.

9 мая 1913 года».

– Кроме этого конверта, у нас нет никаких данных относительно личности адресата, – сказал он, – я предполагаю, что этот некто может жить в Вене или за ее пределами и лишь иногда приезжает в столицу…

– У нас тоже пока ничего не удалось выяснить, – озабоченно промолвил Урбанский, – предварительный опрос сотрудников на почте не дал никаких результатов. Там не помнили, поступали ли раньше письма по этому адресу. Остается лишь надеяться, что адресат или сам лично явится когда-нибудь за письмом, или пришлет другое лицо, – заключил он и, внимательнее присмотревшись к конверту, добавил: – Слишком заметно, что конверт кто-то вскрывал.

– Вы правы, наши сотрудники еще не научились как следует обращаться с такими документами. Никто не мог и предположить, что там окажутся большие деньги, – сконфуженно промолвил Николаи, но тут же, вызывающе взглянув на Урбанского, добавил: – Скажите спасибо, что вовремя предупредили вас о предателе, который окопался в Вене или где-то рядом. Надо признать, что не мелкая сошка за этим стоит, а дичь крупная, разовый гонорар которой равняется, наверное, вашему годовому окладу, господин полковник. А наше упущение с конвертом можно быстро исправить.

---

[3] Орган, занимающийся перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции, и помещение, служащее для этих целей, обычно тайная комната в почтовом отделении.

[4] Управление военной разведки Австро-Венгерской императорской армии.

– По прибытии письма в Вену мы уж не упустим предателя, – возбужденно воскликнул полковник, напружинившись, словно охотник, почуявший долгожданную добычу, – будем денно и нощно наблюдать за почтовым окошком.

«Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», – хотел осадить австрийского коллегу Николаи, но раздумал.

– А что вы планируете предпринять потом, после того как получатель письма будет схвачен? – спросил неожиданно он. – Допустим, что вы хватаете на почте человека, получившего в конверте кучу рублей, но в чем же вы сможете его обвинить? Он вам тут же расскажет замечательную историю о том, как ехал несколько месяцев или недель назад на поезде, там ему попался странный спутник – пьяный русский купец. Этот пьяница, допустим, по имени то ли Иванов, то ли Рабинович, то ли как-то еще, приставал, предлагая сыграть в карты; пришлось согласиться во избежание худшего скандала, да и пьяница был чем-то симпатичен. Русский затем проиграл кучу денег – и расплатиться нужной суммой не смог. Однако клятвенно обещал прислать весь проигранный долг. Рассказчик в это не очень-то и поверил, но и не собирался требовать не совсем честный выигрыш – с учетом сильного опьянения проигравшего. Пришлось, однако, дать ему адрес – тут же придуманный, чтобы тот мог выслать карточный долг по почте. И надо же – прислал-таки, сукин сын! Адресат может дать объяснение и тому, почему он не приходил получать письмо раньше: не очень-то и верил в возможность присылки обещанных денег! И что вы будете делать с таким рассказчиком, ведь при избранной легенде он полностью неуязвим?

– Что же делать? – озабоченно спросил австрийский полковник.

– Сфабрикуйте письмо-ловушку, чтобы никакой шпион не смог отвертеться от сотрудничества с иностранной разведкой, а мы организуем его прохождение через все германские почтовые инстанции так, чтобы комар носа не подточил, – ввернул Николаи русскую поговорку, но, заметив недоуменный взгляд коллеги, объяснять, что это такое, не стал.

– Я буду рад, если вы будете подробно информировать меня о ходе операции. Кстати, вы не придумали еще название?

– Мы назовем эту операцию «Аноним».

Через несколько дней Николаи получил по почте пакет из Вены, в котором был новенький конверт с уже известным адресом:

«Господину Никону Ницетасу.

Австрия, г. Вена.

Главный почтамт, до востребования.

9 мая 1913 года».

На вложенном в конверт листе бумаги было отпечатано по-немецки на пишущей машинке:

«Глубокоуважаемый г. Ницетас.

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г. Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы.

Уважающий Вас И. Дитрих.

P. S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборггате, № 1, Элизе Кьерили».

Зачем австрийцам в письме-приманке понадобился еще и норвежский адрес, Николаи уточнять не стал, а, проинструктировав сотрудника, отправил его в Берлинское почтовое ведомство.

Через неделю раздался звонок из Вены:

– Господин майор, – радостно сообщил полковник Урбанский, – письмо находится на почте, организовано круглосуточное наблюдение…

– А я-то думал, что вы уже поймали изменника, – скептически промолвил Николаи, – не понимаю, зачем понадобилось круглосуточное дежурство ваших агентов, ведь, насколько я знаю, почта работает с 8 до 18 часов. Не думаете же вы, что агент попытается проникнуть туда ночью.

– Это так, на всякий случай, – попытался оправдаться полковник, – а постоянно держать там людей порекомендовал мой заместитель, майор Ронге, которого я назначил руководить операцией.

«Видно, полковник тоже смекнул, что дело это бесперспективное, – подумал Николаи, – вот он передал его в руки своего главного контрразведчика, из которого в случае чего можно сделать «стрелочника».

– Я думаю, вы правильно поступили, назначив главным Ронге. Из его рук уж точно никто не ускользнет. Главное, чтобы он не переусердствовал, – сказал Николаи и как в воду глядел.

С интервалом в несколько дней шеф германской разведки получил из Вены еще два сфабрикованных австрийцами письма самого различного содержания, основная цель которых была во что бы то ни стало уличить получателя в шпионстве. Направляя с этими письмами сотрудника в почтовое ведомство, он подумал про себя: «Видно, майор Ронге и в самом деле решил землю рыть, но выявить русского агента во что бы то ни стало. А свою довольно некачественную, дилетантскую работу прикрывает количеством писем-ловушек. Он расставляет их, словно капканы. Только настоящий профессионал все эти ловушки обойдет и, получив письмо, оставит Эвиденцбюро с носом». И здесь майор Николаи был недалеко от истины. Впрочем, все по порядку.

В середине мая из Вены поступило долгожданное известие о том, что схвачен с поличным получатель письма. Им оказался никому не известный чиновник, который не имел никакого отношения к военным и государственным секретам.

– Задержанный молчит, – сообщил в заключение австрийский полковник, – но майор Ронге развяжет ему язык.

– Только не переусердствуйте, господин полковник, – вновь предупредил коллег Николаи, – не то вы лишитесь единственной нити, ведущей к русскому агенту. Скорее всего это его помощник…

– Я тоже так думаю и обещаю, что через день мы будем знать имя предателя.

Неожиданный ночной звонок разбудил Николаи. Не открывая глаз, он нащупал трубку телефона.

– Срочный звонок из Вены. Будете говорить? – послышался заспанный голос телефонистки.

– Соединяйте, – сказал, окончательно просыпаясь, Николаи и мельком взглянул на часы, которые показывали два с четвертью пополуночи.

– Господин майор, – срывающимся от волнения голосом прокричал Урбанский, – мы знаем имя предателя!

– Поздравляю вас! Но зачем же будить меня посреди ночи, – недовольно проворчал Николаи, – могли бы позвонить и утром.

– Я бы никогда не позволил себе звонить вам в такой поздний час, если бы не экстраординарная новость. Дело в том, господин майор, что получатель письма наконец-то признался, что выполнял поручение моего бывшего заместителя, полковника Редля… Подробности этого дела я отправляю вам с курьером. Спокойной ночи, господин майор!

– Какая теперь спокойная ночь, – пробурчал Николаи, положив трубку на место, – разве после такой вести заснешь.

2

Ворочаясь в постели, Николаи вдруг вспомнил свою первую встречу с Редлем в Вене, куда прибыл после окончания Берлинской академии для изучения опыта австрийских спецслужб. О незабываемом походе в Венскую оперу. Об обворожительной русской балерине Кшесинской, которая гастролировала тогда в Вене. О знакомстве с прелестными балеринами, которые, увидев Редля, кинулись его обнимать как самого завзятого театрала. Он и познакомил его с одной из девиц, по имени Зи-Зи, с которой обер-лейтенант Николаи и проводил потом вечера после изнурительной и нудной работы с документами в архиве Эвиденцбюро. Никто, даже жена не знала об этом его легком увлечении. А Редль многозначительно молчал, тем самым давая понять, что личные дела коллег его не касаются. Наверное, поэтому Вальтер всегда был ему чем-то симпатичен. Не только из-за своей лощеной, великосветской внешности, но и за то, что с особым усердием выполнял некоторые служебные просьбы своего германского коллеги еще до того, как между Эвиденцбюро и германской разведкой установились тесные рабочие связи и постоянный обмен разведывательной информацией.

После того как Редль возглавил агентурный отдел Эвиденцбюро, Николаи не переставал удивляться его успехам в этой сложной и кропотливой работе. Только благодаря его стараниям и удаче были раскрыты несколько шпионских организаций, работающих главным образом на Италию и Францию, агентурным путем получены планы развертывания русских войск в приграничных районах российской империи. Все это не могло быть не замечено руководством Эвиденцбюро, и вскоре Редль стал подполковником, был награжден орденом Железной короны III степени. Несмотря на то что он все выше и выше взлетал по служебной лестнице, Николаи не завидовал ему. Он знал, что рано или поздно он тоже добьется своего и станет во главе германской разведки. А еще он знал, что в Вене у него есть верный товарищ, который всегда поможет в решении сложных и запутанных задач разведки…

Так и не сомкнув глаз, Николаи, стараясь не разбудить супругу, тихонько направился в столовую. Хотел открыть буфет, где у него стояло несколько бутылок шустовского коньяка, который полюбился ему еще в Петербурге и который теперь ему поставлял знакомый лавочник. Но дверца не поддавалась.

«Опять Мария хочет уберечь мое здоровье, – с теплотой в душе подумал Николаи о супруге, – благо, что она до сих пор не догадывается о том, что вскрывать с помощью подручных средств самые сложные замки разведчиков учат еще в самом начале их секретной карьеры».

Достав из шкафа вилку для устриц и ловко поддев язычок замочка, открыл буфет. Достав начатую бутылку, он налил коньяк в серебряную рюмочку и сразу же опрокинул в рот. По телу разлилась теплая волна, заставив чаще биться сердце и функционировать мозг.

«Может быть, все это просто роковая случайность? – задал он себе вопрос. – Ну, конечно, и охотничьи собаки ошибаются, когда идут по следу зверя, а человеку и подавно свойственно ошибаться».

Но это умозаключение не удовлетворило Николаи, и он, верный своему принципу во что бы то ни стало докапываться до сути, еще раз прокрутил в голове свой разговор с Редлем в ресторане отеля «Кломзер», то, как подполковник явно смутился, услышав вопрос о происхождении его богатства. Сопоставил этот факт с необычными для разведчика удачами, тем, как Редль в ходе их периодических встреч и служебных разговоров незаметно подводил разговор к русской теме. Все это раньше не вызывало в голове германского разведчика никаких подозрений. Только теперь, сопоставив известные ему факты из жизни подполковника Редля, Николаи допустил, что австрийский офицер, возможно, был завербован русской разведкой.

«Что же могло стать причиной падения Редля, – напряженно думал он, опрокинув в рот, не закусывая, третью рюмку коньяку, – неужели деньги? Или, может быть, что-то другое».

Николаи вдруг вспомнил, что докладывал ему однажды берлинский полисмен о проделках этого австрийского офицера в притоне гомосексуалистов. Было это год назад, когда Редль приезжал в Берлин, чтобы ознакомиться с материалами подозреваемого в шпионаже французского отставного капитана Ларгье, которым занималось и Эвиденцбюро. Тогда он не придал этому довольно щекотливому делу никакого значения, посчитав, что его давний товарищ просто пошел на поводу у своих новых немецких друзей и собутыльников, в то время как он, обремененный семьей и службой, просто не имел возможности скрасить долгие и тоскливые берлинские вечера.

«А может быть, все это серьезно? – неожиданно подумал Николаи. – Ведь русские, наверное, знали о его наклонностях еще в то время, как он совершенствовал свои военные навыки в Казанском военном училище. Видимо, еще оттуда за ним тянется ниточка». Эта мысль вызвала у Николаи почему-то не ярую ненависть к предателю, как у его сослуживцев, а непонятную скорбь, как о рано ушедшем в мир иной близком человеке.

Раздался звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть? – подумал он, направляясь к двери. – А появись на пороге сейчас опальный Редль, я бы непременно помог бы ему бежать! Хотя бы и для того, чтобы оставить с носом этих чопорных, самодовольных австрияков…»

– Господин майор, вам срочный пакет из Вены, – доложил курьер, подавая Николаи пакет.

– Спасибо, Шульц. Пришли машину на час раньше, – приказал он.

– Яволь, господин майор, – отчеканил солдат.

Прежде чем ехать на службу, Николаи решил заехать на Унтер-ден-Линден, чтобы еще раз переговорить с шуцманом, заставшим Редля в притоне гомосексуалистов. Он видел его там накануне вечером и знал, что дежурство полицейских заканчивалось в восемь часов утра.

Сделав распоряжение горничной о своем раннем завтраке, Николаи направился в свой кабинет, на ходу вытаскивая из кожаного чехольчика перочинный ножичек для вскрытия пакета. Плотно закрыв двери, он торопливо распечатал пакет и вытащил лист, на котором торопливой рукой был составлен отчет о задержании помощника Редля, который признался об этом только после применения к нему, как писал Урбанский, мер устрашения.

«…На первом допросе задержанный при получении письма на имя Никона Ницетаса назвался Бераном и сказал, что является помощником важного господина, который за услуги платит ему большие деньги. Поэтому он не вправе назвать его имя…

На втором допросе Беран уверял, что он ни в чем не виноват, и объяснял свое знакомство с важным господином развратными привычками последнего, для удовлетворения которых тот искал знакомства с одним офицером, а Беран ему в этом помогал. Этот господин хорошо ему платит, и поэтому он не вправе назвать его имя…

На третьем допросе под угрозой применения мер устрашения Беран признался, что его господина зовут Вальтер Редль и что он периодически приезжает развлечься в Вену. А несколько дней назад попросил его об услуге – «забрать на почтамте письмо, адресованное Никону Ницетасу, за что обещал целых пять крон…»

В пакете также оказалась записка с рассуждениями и планом задержания полковника Редля следующего содержания:

«…Как нам стало известно от Берана, он не имел практической возможности напрямую информировать Редля, находящегося в Праге, обо всех подробностях того, что с ним могло происходить. Но о возможных болезнях или несчастных случаях, о возможных подозрениях и опасностях, о неожиданном аресте, о вынужденной затем работе под контролем арестовавших его и обо всех других предусмотренных и, главное, непредусмотренных неожиданностях. Но для профессионала такого уровня, как Редль, на самые шаблонные случаи должны были быть предусмотрены особые сигналы-предупреждения, состоящие из каких-либо заранее согласованных слов, выражений или фраз, которые должны были вызывать у него опреде-

ленные меры безопасности и ответные действия. Находясь под постоянным прессингом, Беран рассказал, что в случае острой необходимости он может с «хозяином» связаться путем телефонного звонка по определенному номеру и обязательно сказать абоненту набор ничего не значащих для обывателя слов. В этом случае через день или два Редль должен непременно приехать в Вену, чтобы на месте разобраться, что к чему. Не сразу, но мы уговорили Берана позвонить полковнику Редлю и произнести обусловленный для экстренного случая этот набор слов. Мы проконтролировали звонок помощника, который повторил в трубку слова, которые заучил наизусть. Ронге только попросил его дополнительно передать хозяину, что якобы он неизлечимо болен. Будем надеяться, что после этого звонка полковник Редль обязательно появится у Венского почтамта в четверг или в пятницу. За письмами теперь некому идти, кроме него…»

«Вот болваны, – возмутился про себя Николаи, – лишние слова могут навести профессионала, каким Николаи считал Редля, на подозрение. В таком случае он может и не приехать, и тогда вся операция непременно провалится. Ведь даже если Редля задержат при получении письма-ловушки, Урбанскому и его верному заместителю, Ронге, нелегко будет доказать его виновность. А в случае если он не явится за письмами, и вообще нечего говорить о его вине. Уж тогда-то он непременно выйдет сухим из воды. Ну что же, как говорят русские: «Поживем – увидим».

3

Прошло несколько дней. Безвыездно проработав всю неделю в управлении, майор Николаи в понедельник решил отдохнуть и всей семьей выехал в поместье ушедшего в отставку тестя. Уйдя на покой, генерал Кольгоф стал ярым сторонником войны с Россией и постоянно упрекал кайзера в нерешительности. Николаи, чтобы лишний раз с ним не спорить, сбежал от назойливого тестя, сославшись на то, что редко видит своих девочек. Он повел их всех в парк. Старшие с удовольствием играли в бадминтон, а малышка Мари-Луиза неотступно следовала за отцом, засыпая его самыми необычными вопросами:

– А почему солнце не падает на землю? – и не дослушав обстоятельного ответа отца, задавала новый вопрос:

– А почему на всех деревьях не растут яблоки? – и тут же, увидев приближающегося кавалерийского унтер-офицера, закричала и захлопала в ладошки:

– Дяденька солдат, дяденька солдат, покатай меня на своей лошадке.

– Господин майор, вам срочный пакет из Вены, – доложил военный, протягивая покрытый сургучовыми печатями плотный коричневый конверт.

– И здесь мне покоя нет, – недовольно проворчал Николаи и, подтолкнув Мари-Луизу к старшим девочкам, поспешил к дому.

Дочь, недовольная тем, что отец не разрешил ей покататься на лошадке, на которой прискакал гонец, захныкала, направляясь к сестрам.

«Так и не увижу, как девочки мои повзрослеют и выйдут замуж. Только и останется, что на старости внуков нянчить», – удрученно подумал Николаи, заходя в дом.

К радости Николаи, Кольгоф после сытного обеда пошел отдыхать. Воспользовавшись его отсутствием, майор зашел в кабинет и, плотно прикрыв дверь, быстро распечатал конверт.

Первая же строчка, написанная твердой рукой Урбанского, ошеломила его так, что он мешком рухнул на стул.

«…Полковник Редль покончил жизнь самоубийством…»

«Как же это могло произойти?» – всплыла в мозгу единственная мысль. Только по истечении какого-то времени Николаи усилием воли заставил себя думать отвлеченно о произошедшем трагическом событии. Он знал много смертей, но все они были вполне предсказуемым результатом человеческой жизнедеятельности, связанной с войнами, несчастными случаями и

болезнями. С суицидом же всегда жизнерадостного, находящегося на взлете карьеры человека сталкивался впервые. Ведь даже его бывший руководитель, аристократ до мозга костей, граф Эйленбург, после того как за гомосексуальные склонности от него отвернулись кайзер и все высшее общество, и тот живет себе поживает и, как говорят русские, «в ус не дует». Что же такое могло произойти, чтобы жизнелюб Редль наложил на себя руки? Этот простой вопрос не находил в его голове вразумительного ответа. Ведь даже в случае задержания его при получении письма-ловушки он мог запросто отвертеться. Неужели костоломы Эвиденцбюро заставили его расколоться? Нет, и еще раз нет! Не тот Редль человек, которого могли запугать. Но могли же применить к нему физическую силу. И опять нет! Полковник Редль слишком известный человек, а не какой-то там мелкий чиновник или обыватель. Может быть, под грузом осознанной вины он наложил на себя руки? Тоже нет! Он никогда не был щепетильным в вопросах совести и чести, впрочем, как и большинство офицеров Эвиденцбюро. «Разведка, так же как и политика, не делается чистыми руками», – часто повторял он чьи-то мудрые слова. «Может быть, это неожиданное самоубийство объяснит мне полковник Урбанский?» – Николаи поднял с пола выпавшее письмо и начал внимательно вчитываться в него, стараясь прочитать что-то необычное между строк.

«…Приняв в прошедшую пятницу сообщение о том, что необходимо немедленно выехать в Вену, и, по всей видимости, предупреждение о том, что нужно действовать с предельной осторожностью, полковник Редль в тот же день получил, по его собственной просьбе, разрешение на кратковременный отпуск для улаживания личных дел. Разрешение отдал генерал Гизль – командующий 8-м армейским корпусом. Затем он выехал на машине из Праги в Вену. Около шести вечера Редль вошел в здание почтамта и, подойдя к окошку, протянул почтовой служащей лист бумаги, на котором было написано: «Никон Ницетас».

В соответствии с полученной инструкцией женщина постаралась привлечь к этому внимание окружающих:

– Никон Ницетас? – переспросила она громко.

Незнакомец ничего в ответ не сказал, явно не желая продолжать диалог. Ей оставалось приступить к поиску требуемой корреспонденции на соответствующих полочках «до востребования». Она занималась этим по возможности долго, но в конце концов протянула получателю найденные письма. Клиент расписался на формуляре о получении и покинул почтамт. К нашему стыду, в это время оставленные для наблюдения агенты где-то расслаблялись. В целях конспирации Ронге при инструктаже не указал, что они должны вести слежку именно за полковником Редлем, которого они хорошо знали в лицо…»

«Прибыть перед закрытием почтамта! До этого мог додуматься только профессионал экстра-класса», – удовлетворенно подумал Николаи и продолжил чтение.

«…Приблизительно час спустя или более того так и не нашедшие след получателя писем сыщики по команде майора Ронге выехали на такси в отель «Кломзер». И тут им безмерно повезло. В ходе разговора с таксистом выяснилось, что он подвозил солидного господина, который обронил кожаный футляр от перочинного ножичка. Когда агенты стали выяснять, откуда ехал этот господин, выяснилось, что от почтамта и что он довез его до кафе «Кайзерхоф». По прибытии в гостиницу «Кломзер» преследователи начали опрос обслуживающего персонала. Первым делом они поинтересовались, кто за последний час приехал в отель. Портье, глянув на ячейки с ключами, ответил, что за указанное время в отель проследовали человек двадцать пять. Потом они показали потерянный футляр и поинтересовались, не спрашивал ли кто-нибудь из постояльцев о нем. Портье ответил отрицательно. Увидев, что по мраморной лестнице спускается высокий модно одетый господин в мягкой шляпе, наполовину скрывающей лицо, один из сыщиков на всякий случай обратился к служащему отеля с просьбой:

– Спросите, не его ли это футляр.

Подойдя к полковнику Редлю, явно собравшемуся на вечернюю прогулку, портье вежливо спросил его, не терял ли он футляр от перочинного ножичка. Полковник уверенно заявил, что футляр принадлежит ему, поблагодарил швейцара и, положив находку в карман, вышел из отеля.

Сыщики, сразу узнав в высоком шикарно одетом господине полковника Редля, неуверенно последовали за ним. Опытный разведчик сразу заметил это, и, чтобы окончательно убедиться в том, что после опознания им своего футляра за ним установлено наблюдение, он порвал какую-то бумагу, оказавшуюся в кармане и веерообразным движением руки разбросал клочки по тротуару. Сыщики кинулись собирать клочки бумаги, думая, что это какие-то важные документы, а Редль в это время поймал такси и умчался в неизвестном направлении. Зная о предпочтениях Редля, Ронге направил агентов в места, которые он мог непременно посетить. Только через несколько часов они обнаружили его у дома, где проживал Беран. Не застав помощника дома, Редль направился в «Кломзер». Где он еще был, с кем встречался в этот вечер, нам неизвестно. Возвратившись под наблюдением сыщиков в отель, полковник сразу же направился в свои апартаменты.

В это время Ронге, которому доставили бумажки, разорванные Редлем на улице, потратил немало времени на их разборку, но это оказался лишь какой-то никому не нужный денежный счет.

Прекрасно понимая, что у нас на руках нет никаких доказательств вины полковника Редля, мы с Ронге решили доложить обо всем начальнику Генштаба, генералу Конраду фон Хётцендорфу, который в это время обычно ужинал в «Гранд-отеле». Узнав о предательстве полковника Редля, генерал был крайне потрясен, начал метать громы и молнии. Но вскоре, немного успокоившись, сказал:

– Мы должны узнать всю меру его падения и избавить вооруженные силы от этого потрясения! Предатель должен быть арестован, он не имеет права жить! Если нет причин против этого, то предатель должен предстать перед небесным судьей!

– Но господин генерал, – возразил я, – у нас нет никаких реальных доказательств его вины, которые мы могли бы предъявить начальнику полиции или прокурору для получения санкции на арест! Ничего, кроме показаний его помощника Берана, у нас нет.

– Тогда мы должны от него самого услышать, насколько далеко зашло его предательство, – воскликнул генерал, – потом он должен умереть… Причину его смерти не должен знать никто. Полковник Урбанский, возьмите еще троих офицеров – Ронге, Хофера и Венцеля Форличека. Все должно быть закончено еще сегодня ночью. Во времена моей молодости, если какой-нибудь офицер уличался в заведомо неблаговидном поступке, то его коллеги клали у изголовья его кровати записку с разоблачением и заряженный револьвер, после чего все однозначно решалось во имя чести и справедливости! – Эти слова прозвучали для нас как руководство к действию…

В полночь я, генерал-майор Хофер, майоры Ронге и Форличек направились в апартаменты полковника Редля. Он сидел за столом и писал, но при нашем появлении встал и вежливо поклонился.

– Я слушаю вас, господа, – бодро произнес он.

Генерал Хофер высказал все свои подозрения.

– Я буду говорить с майором Ронге, – твердо сказал полковник, – только он может понять меня как разведчик разведчика.

Оставшись наедине с майором, Редль спросил:

– Вы арестовали Берана?

– Да! – ответил Ронге.

– А что было в конверте, который получил мой помощник?

– Три тысячи рублей!

– Теперь мне все ясно, – глухо промолвил Редль и попросил выполнить его единственную просьбу, дать пистолет.

Направляясь в апартаменты Редля, мы, несмотря на прямое указание генерала Конрада о необходимости его ликвидации, хотели просто побеседовать с ним, и поэтому у нас с собой никакого оружия не было. Я сразу же послал майора Ронге за пистолетом в его служебный кабинет! Получив оружие, Редль сразу стреляться не стал, но пообещал застрелиться позже.

Мы тщетно прождали в холле отеля обещанного самоубийства. В четыре часа пополуночи послали в номер к Редлю гонца, в ответ он пригрозил, что в случае появления на пороге незваных гостей будет стрелять без предупреждения.

Утром, поняв из доклада генерала Хофера, что Редль не собирается стреляться, Конрад предложил произвести негласный обыск пражской квартиры полковника Редля. Для этого он выделил свой спецпоезд. Ронге остался караулить Редля, а я вместе с генерал-майором Хофером и майором Форличеком в полдень был уже в Праге. Сразу же с вокзала мы выехали на такси в штаб 8-го армейского корпуса, в котором находилась и квартира Редля. Чтобы проникнуть туда, пришлось вызвать слесаря. Обыск мало чего дал, несмотря на то что мы обнаружили там оборудование целой фотолаборатории. Фотоаппараты фирмы Цейсса, наборы фотообъективов фирмы Теззара, копировальный аппарат, штативы, рефлекторы и лампы специального освещения, кассеты с фотопленками, но и для всего этого в штабе, как оказалось, не было специального помещения, а свою служебную фотоработу Редль производил прямо в комнате, плотно завешивая окно и действуя при искусственном освещении. Найденные нами нечеткие фотоснимки некоторых служебных документов, скорее говорили о том, что Редль тренировался, набивал себе руку, готовясь к какой-то важной фотосессии. Единственными компрометирующими личность полковника Редля документами была масса порнографических фотоматериалов, воспроизводящих сексуальные сцены между гомосексуалистами. Обо всем этом я доложил генералу Конраду.

В полдень по докладу оставленных в «Кломзере» агентов полковник Редль спустился в холл отеля, где встретился со своим давним другом, доктором Поллаком, главным прокурором генеральной прокуратуры верховного кассационного суда Австро-Венгрии. Они, горячо обнявшись при встрече, направились в ресторан «Ридхоф», который находится в Йозефштадте – старинной части Вены, несколько отстоящей от центра. Для этого друзья воспользовались машиной Поллака с шофером. По информации нашего постоянного агента в «Ридхофе», который, к счастью, работал в этой смене официантов, застолье происходило в отдельном кабинете. По его показаниям, разговор шел о щекотливой ситуации, в которую попал Редль, а также о том, что он собирается вернуться в Прагу и предстать перед своим командиром, генералом Гизлем. Это довольно нелегкое для обоих выяснение отношений завершилось телефонными переговорами с начальником венской полиции Гайером, которого Поллак попросил обеспечить полковника Редля автомобилем с шофером для поездки в Прагу, на что полицейский, сославшись на позднее время, попросил перенести решение вопроса на утро. Они договорились о том, что в понедельник Гайер примет полковника Редля. После этого разговора Поллак постарался поскорее закончить ужин и, холодно попрощавшись с Редлем, укатил на своем авто домой. Полковник Редль прибыл в отель вечером и сразу же направился в свои апартаменты.

Вечером, узнав обо всем этом, генерал Конрад вновь не на шутку разбушевался, призывая на голову предателя, который хочет всячески вызвать скандал и увильнуть от возмездия, кары небесные. Будущий вселенский скандал казался неизбежным. Ведь для того, чтобы такой скандал разразился, было достаточно, чтобы Редль официально предстал перед начальством, готовым его благосклонно выслушать.

– Что будем делать, если предатель рискнет откровенно высказаться перед начальником венской полиции Гайером и тот даст ему сопровождающих для поездки в Прагу, на суд гене-

рала Гизля? – спросил генерал Конрад, и тут же сам ответил: – Надо сегодня же во что бы то ни стало покончить с ним. Если он не хочет стреляться, значит, ему должен помочь кто-то другой.

– Необходимо действовать немедленно, – поддержал его Ронге.

Ронге, прекрасно понимая, что при попытке проникновения в апартаменты Редля может получить пулю в лоб, решил, прежде чем вламываться в номер, разузнать у персонала отеля, давал ли полковник Редль им какие-либо указания.

В результате опроса портье майор Ронге узнал о том, что Редль ничего себе не заказывал, но позвонил сразу же после полуночи и попросил, чтобы в случае поступления на его имя телеграммы немедленно доставить ее к нему в номер. Чтобы его разбудили, даже если он будет спать.

– Позвоните полковнику Редлю и передайте, что пришла телеграмма, которую через несколько минут принесет посыльный, – приказал майор Ронге.

Перепуганный портье сейчас же исполнил приказание.

Майор Ронге послал своего сотрудника, которого Редль по прежней работе не знал, чтобы тот, вручив ему фальшивую телеграмму, на месте оценил обстановку. Посыльный поднялся по лестнице и постучал в дверь номера первого. Не получив ответа, он нажал на ручку двери, которая оказалась незапертой. В ярко освещенной комнате он увидел Редля, лежавшего под зеркалом, в которое, видимо, смотрелся, когда целился себе в голову. Сотрудник сразу же вышел из номера, стараясь никому не попадаться на глаза, он незаметно прошмыгнул мимо дремлющего портье, вышел из отеля и сразу же доложил майору Ронге о происшедшем.

После доклада Ронге генерал Конрад сразу же собрал комиссию в прежнем составе, к тому времени я уже прибыл из Праги.

Чтобы не вызвать подозрения, мы решили, чтобы о происшедшем первыми узнали работники отеля. Майор Ронге набрал номер портье и попросил пригласить к телефону полковника Редля. Таким образом и был обнаружен труп.

О случившемся сразу же оповестили полицию. Начальник полиции Гайер примчался в «Кломзер» вместе с врачом. Нашего вмешательства в этот момент не предполагалось. Однако денщик Редля, чех по имени Иосиф Сладек, который утром приехал из Праги к своему полковнику, и вместе с Гайером оказавшийся в апартаментах, сразу же показал, что валяющийся возле тела полковника Редля браунинг не был собственностью его господина. А еще он утверждал, что узнал от портье, что в номер первый нанесли полночный визит четверо офицеров, как они сказали, его верных друзей. Начальник полиции, которому мы рекомендовали версию о самоубийстве полковника Редля, порекомендовал денщику молчать. Об этом же был предупрежден и персонал «Кломзера»

Тем же утром генерал Конрад фон Хётцендорф составил краткую докладную записку в военную канцелярию императора такого содержания: «…В соответствии со служебным регламентом, часть первая, сообщаю вам, что проведенное непосредственно после смерти полковника Альфреда Редля расследование показало с полной достоверностью следующие причины его самоубийства: 1) гомосексуальные связи, которые привели к финансовым затруднениям, и 2) продал агентам иностранной державы служебные документы секретного характера. Самое вероятное и простое объяснение мотивов: Редлю нужно было много денег, и русские их ему предложили…»

Отложив в сторону исписанные нервным, торопливым почерком листки бумаги, майор Николаи задумался. Описанные полковником Урбанским события больше походили на занимательный детектив, если бы не страшный, трагический конец, которым закончилась наполненная опасными приключениями и шиком жизнь человека, которого он считал своим хорошим товарищем.

«Это было страшное и ничем не оправданное убийство, которое санкционировал лично генерал Конрад, а майор Ронге и его подручные хладнокровно его совершили, – подумал Нико-

лаи, – и все шито-крыто. Свидетелей убийства практически нет. Почти не оказалось и тех, кто всерьез мог заподозрить убийство в контексте происшедших событий. Даже офицеры, что ездили в Прагу, включая Урбанского, могли просто узнать, что после их отъезда произошло самоубийство Редля – и ничего неожиданного и удивительного в этом для них не было. Узнав об этом, они, наверное, лишь вздохнули с облегчением и удовлетворением! Что и говорить, австрийцы умело замели все следы этого необычного и – страшного дела. Что же из всего этого трагического дела мне следует извлечь?» – задумался Николаи.

«Надо провести полную реорганизацию военной разведки. И в самом деле, ведь кайзер дал мне карт-бланш! Другой такой возможности у меня уже никогда больше не будет!»

ГЛАВА III Санкт-Петербург. Май 1914 г

1

Юнкер Аристарх Баташов, среднего роста, стройный юноша с яркими голубыми глазами, настойчиво пробивающимися рыжими усиками и светло-русой шевелюрой, всегда с огромным удовольствием облачался в свой парадный мундир. Но сегодня он одевался особенно тщательно, потому что предстояла встреча с таинственной незнакомкой – подругой сестры Лизоньки, с которой та училась в Смольном институте благородных девиц. Парадная форма юнкеров Николаевского кавалерийского училища, или, как любовно называли свою альма-матер николаевцы – Славной школы, была чрезвычайно нарядна и красочна. Надевая парадный мундир, который состоял из кивера драгунов наполеоновского времени, черного мундира с красными лацканами, красно-черного пояса и длинных брюк с красными лампасами при ботинках, Аристарх с замиранием сердца представлял себе, как будет купаться в восхищенных взглядах петербургских красавиц и как обязательно поразит в самое сердце прекрасную подругу Лизоньки. По тому, как он тщательно подгонял обмундирование, доводил до блеска обувь, к месту и не к месту щелкал каблуками, чтобы еще и еще раз услышать малиновый звон шпор, можно было догадаться, что юнкер собирается на свое первое и самое волнующее свидание.

Выйдя из ворот училища, Аристарх, прежде чем нанять извозчика, прошел несколько кварталов пешком, ловя на себе восхищенные взгляды изредка попадающихся на пути прохожих.

К Смоленскому собору, где договорился встретиться с сестрой и ее подругой, он подлетел на извозчике без четверти одиннадцать, немного пораньше, с тем чтобы заранее оценить обстановку и занять наиболее выгодную позицию. К его огорчению, у знаменитого храма уже околачивались юнкера других столичных военных училищ – два павловца и три михайловца.

Заметив юнкера Николаевского училища, все они поспешно отвернулись, с умным видом обсуждая достоинства и недостатки собора при организации круговой обороны. Больше всего усердствовали артиллеристы, которые утверждали, что пехота без пушек не продержится и часа. До Аристарха изредка долетали утверждения тех и других юнкеров, казалось, вот-вот готовых в споре схватиться друг с другом. Но неожиданно из храма вышел штаб-офицер, и юнкера, все как один став во фрунт, четко, каждый со своим училищным шиком, приветствовали его. Тем самым тема спора была исчерпана. Теперь военные, сплоченные нелюбовью к николаевцам, искоса поглядывали на Баташова, который, находясь на площади, оказался не только в центре внимания, но и в объятиях только что выглянувшего из-за туч не по-весеннему жаркого солнца. Видя, что наиболее удобные для свидания тенистые места у собора заняты явно агрессивно настроенными военными, ему ничего не оставалось делать, как со стойкостью оловянного солдатика стоять в ожидании девушек на самом солнцепеке. Пот градом выступил на лбу, заструился по спине, доставляя юнкеру, тщательно застегнутому на все пуговицы, неимоверные страдания.

Сестра с подругой явно запаздывали, и Аристарх, изнывая от жары, терпеливо стоял на одном месте, словно Симеон-столпник. Откровенно говоря, ему не позволяла гордость воспитанника Славной школы взять и расстегнуть ворот кителя, удавкой сжимающий горло, так, как это уже давно сделали «павлоны», или подозвать расторопного разносчика сельтерской и вдосталь напиться холодной, ледяной воды, так, как это делали михайловцы. Традиции Николаевского кавалерийского училища, являющегося в столице государства Российского одним из самых престижных учебных заведений, заставляла каждого юнкера, унтер-офицера и офицера держать свою марку достаточно высоко.

Аристарх даже не пытался вытереть обильно струящийся пот, стоически ловя исподтишка брошенные на него недоуменные и изумленные взгляды военных, которые, казалось, только и ждали, когда он, не выдержав испытания, позорно оставит «поле битвы».

Со стороны Петропавловской крепости донесся хлесткий пушечный выстрел, извещающий о наступлении полудня. Баташов, простояв на площади уже более часа, на чем свет корил необязательных девиц и намеревался уже покинуть свой пост, когда со стороны Смольного института показалась стайка одинаково одетых в белые платья и шляпки девушек.

– Это моя подруга Лара. Прошу любить и жаловать, – виновато пряча глаза, сказала Лиза, подталкивая вперед смущенную, вспыхнувшую алым маком девушку.

– Лара, – прозвучал ее тихий и настороженный голосок. Девушка чуть присела, изящно наклонив свою курчавую головку. С большим достоинством, непринужденно выполнив официальные экзерсисы, она протянула вперед свою маленькую ручку.

Аристарх, позабыв обо всем на свете, нежно взяв ее пышущие жаром пальцы, самозабвенно поцеловал их один за другим, чем вызвал у девушки еще большее смятение чувств.

Отступив на шаг, он лихо отрапортовал:

– Честь имею представиться, Аристарх Баташов, юнкер Славной школы гвардейских подпрапорщиков, – сделав ударение на слове «гвардейских».

В томных темно-голубых глазах Лары затеплился огонек искреннего любопытства.

Молодые люди, несколько минут не замечая никого вокруг, стояли и удивленно и в то же время восторженно рассматривали друг друга.

Под пристальным взглядом юнкера девушка неожиданно смутилась и опустила глаза долу.

Аристарх, пораженный стрелой амура в самое сердце, не зная, с чего начать разговор, напряженно топтался на месте.

– Я предлагаю прогуляться до Исаакия, – спасая брата, предложила Лиза.

Лара, мельком взглянув на юнкера, сразу же согласилась.

Провожаемый восхищенными взглядами институток и юнкеров, Аристарх в душе искренне ликовал. Все его мучения на площади не прошли даром. Он выдержал испытание солнечным огнем и в награду за это теперь купался в лучах обожания и славы дорогих ему женщин – сестры и, конечно же, новой своей знакомой – Лары.

Воздушная и вместе с тем неторопливая походка, спокойные и робкие движения новой знакомой, ее умные и добрые глаза, курносый носик и пухлые губки – все это вызвало в его сердце настоящий пожар. Как говорил на занятиях артиллерийский поручик Лиходеев, говоря о знакомстве со своей будущей супругой: «Ее трехдюймовые глазки путем меткого попадания в мое сердце зажгли в нем незатухаемый пожар, который горит до сих пор». А еще он, инструктируя юнкеров о том, как обращаться с девицами, говорил: «Чтобы добиться любви женщины, необходимо заворожить ее нежными и ласковыми словами о ее внешности. Как неустанно река точит нависший обрыв, так и льстивые слова о ее несравненной красоте пролагают кратчайший путь к сердцу чаровницы. Только не уставай восхвалять лицо ее, волосы, руки, ножки-малютки следок и, конечно же, ее стана тонкий изгиб. Слышать хвалу своей красоте и стыдливая рада, каждая собственный вид ценит превыше всего. Так говорил Овидий, а он был большим знатоком женского пола».

Вспоминая эти наставления, юнкер напряженно думал, какие же слова нужно сказать в первые минуты знакомства с понравившейся ему девушкой, чтобы вызвать у нее ответное чувство, но ничего путного в голову не приходило.

– Мой брат увлекается поэзией. Только самым близким читает стихи своего собственного сочинения, – вновь бросила брату «спасательный круг» Лиза.

– Неужели? – Глаза подруги загорелись. – Не прочтете ли вы нам свои стихи? – заинтересованно спросила она.

– Мои вирши личные уж очень, – смущенно пролепетал Аристарх. – Хотите, я продекламирую стихотворение моего любимого поэта, Михаила Юрьевича Лермонтова? – предложил он.

– Он, по-моему, тоже из военных, – неожиданно выпалила Лара, явно желая показать свою осведомленность, но, заметив на лице своего нового знакомого удивление, покраснела до корней волос.

– Вы правы. Юнкер Лермонтов учился в нашей Славной школе, – тоном знатока пояснил Аристарх, – здесь, в стенах училища и в кавалерии, уже став офицером, Михаил Юрьевич написал свои самые гениальные стихи о гусарах, о любви и еще много чего…

– …скажем так, не предназначенного для нежных женских ушек, – после небольшой паузы добавил он, чем окончательно заинтриговал девушек, которые не сговариваясь, в один голос воскликнули:

– Прочитайте нам про гусар!

Подойдя к Исаакиевскому собору, юнкер, картинно опершись о колоннаду, не замечая ничего вокруг, с чувством продекламировал:

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай – покой души не вечен,
И счастье на земле – обман.
Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь шум пиров;
Но берегися думы черной,
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит,
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь – и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал…
Увы – зачем от жизни прежней

Ты разом сердце оторвал!

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил…
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил[5].

Осененный гением великого поэта, а особенно восхищенными взглядами Лизы и Лары, Аристарх самозабвенно купался в лучах славы, когда неожиданно раздался высокий резкий голос:

– Юнкер, вы почему не приветствуете господина благородного офицера?

Баташов запоздало вытянулся в струнку и лихо повернулся на голос. Перед ним стоял не кто иной, как его давний недруг по училищу корнет Шварцман.

– Извините, господин корнет, я вас не заметил.

– Чтобы впредь замечали, я вас примерно накажу! Доложите своему командиру, что я сделал вам замечание! – и, не дожидаясь реакции юнкера, неторопливо скрылся за колоннами собора.

У Аристарха, ошарашенного полученной на виду у девушек явно несправедливой выволочкой, на глазах выступили слезы обиды. Но в следующее мгновение он, быстро придя в себя и стараясь выглядеть как можно более спокойным, сказал:

– Прошу прощения, mademoiselle, мне надо отлучиться на несколько минут.

– Я никуда тебя не отпущу! – заявила Лиза, поняв по лицу брата о его намерении. Одновременно она мертвой хваткой вцепилась в рукав мундира. – Ты забыл, что рара тебе перед поступлением в училище говорил?

Эти слова остановили оскорбленного юнкера. Он отчетливо вспомнил разговор с отцом о долге и чести русского офицера, который произошел между старшим и младшим Баташовыми перед выпуском из кадетки, и усилием воли сумел сдержать свой искренний порыв.

Прекрасно поняв, куда и зачем намеревался отлучиться Аристарх, Лара благожелательно окинула его своим лучезарным взглядом и тихим голосом заметила:

– Рара частенько говорил моему старшему брату Николя, погибшему два года назад на дуэли, что в вопросах чести нельзя опускаться до мелочей и при каждом косом взгляде хвататься за оружие. Но он так и не послушался его совета… – На глазах девушки выступили слезы.

– Об этом же мне постоянно напоминал и мой рара, – признался Аристарх, старясь успокоить Лару. Но девушка была безутешна и, извинившись, поспешно направилась к себе, в Смольный.

Проводив Лару в Смольный, Аристарх кликнул извозчика и вместе с сестрой направился домой, где его с нетерпением ждала маменька.

Расцеловав в обе щеки новоявленного юнкера, она первым делом спросила о Ларе, о свидании Аристарха с которой ей уже успела сообщить дочь.

– А кто ее родители? – поинтересовалась Варвара Петровна.

– Отец Лары – действительный статский советник Владислав Герасимович Лыков, предводитель дворянства Пензенской губернии, – словоохотливо доложила Лиза, – она очень рано потеряла свою мать: та умерла вскоре после ее рождения. Первые годы жизни Лара провела в Пензенской губернии, в родительском имении. У нее был старший брат, но он погиб. Первоначальное образование Лара получила дома, а затем была отдана учиться в Петербург, в Смольный институт благородных девиц, – вот и вся ее биография.

---

[5] Лермонтов М. Ю. «Гусар», дата написания 1832 год.

– Хотела бы я познакомиться с твоей избранницей поближе, – сказала мадам Баташова, взглянув на явно смутившегося сына, – мне интересно было бы с ней поговорить.

– Я постараюсь пригласить ее к нам после выпускного бала, – обрадовалась Лиза.

– Хорошо! Я с нетерпением буду ждать этой встречи…

– Я тоже, – возбужденно воскликнул Аристарх.

– Но тебе не придется ждать так долго, – загадочно промолвила Лиза, многозначительно взглянув на брата, – через неделю в Смольном состоится весенний бал, на который будут приглашены кавалеры – родственники курсисток. Так что я приглашаю тебя. С собою ты можешь пригласить кого-то из своих лучших друзей.

2

Сразу же после обеда юнкера, назначенные командиром эскадрона полковником Соколовским на бал, быстро облачились в отутюженные училищными лакеями мундиры, начищенные до зеркального блеска сапоги и в ожидании команды бесцельно слонялись по спальному помещению.

– Господа юнкера, «ваньки» поданы, – громко объявил дежурный офицер. – Желаю хорошенько повеселиться!

Надевая на ходу шинели, юнкера шумной толпой устремились к проходной, где их уже ждали заблаговременно созванные услужливым швейцаром лихачи. Где по трое, а где и по четверо запрыгнув в коляски, они, пообещав извозчикам по полтиннику сверх тарифа за скорость, громко выражая свои восторженные чувства, устремились к сказочному женскому царству под названием Смольный институт.

Коляска, в которую успел вскочить Аристарх, обгоняя остальные, уже начала настигать впереди идущий довольно богатый генеральский экипаж с гербами на дверцах.

– Эй, милейший, – тронул за плечо извозчика Аристарх, – не гони так быстро!

– А что, господа юнкера, небось разбиться боитесь? – обернулся словоохотливый «ванька».

– Ничего мы не боимся! – ответил юнкер Казакевич. – Просто существует субординация, согласно которой мы не имеем права обгонять экипаж старшего по званию, – объяснил он. Возница пожал плечами и услужливо придержал свою излишне резвую кобылу.

У входа в здание Смольного института благородных девиц всех прибывающих на бал встречал седовласый швейцар в парадной белоснежной ливрее. Он проверил у юнкеров пригласительные билеты и, окинув их пристальным взглядом, строго сказал:

– Подождите в сторонке, господа юнкера. Сначала пройдут господа офицеры, и только затем я пропущу вас!

Строгий швейцар, как и обещал, пропустил николаевцев в последнюю очередь, к самому открытию бала. Аристарх с товарищами, сдав шинели в гардеробную, только-только привели себя в порядок, когда в коридоре, ведущем в зал, показалась процессия, во главе которой шла директриса. За ней шествовали почетные гости – опекуны и попечители при лентах, орденах и звездах.

– Nous avons l'honneur de vous saluer![6] – дружно приседая классами, восклицали хором институтки, стоящие по обе стороны широкого коридора.

За начальством шли кавалеры: молодые офицеры и ученики лучших военных и гражданских учебных заведений столицы, прибывшие в Смольный по «наряду», в среду которых затесались и припоздавшие юнкера.

[6] Мы имеем честь вас приветствовать! (*фр.*).

Под звуки марша институтки в белоснежных нарядах вошли в просторный, богато убранный зал и предводительствуемые танцмейстером, высоким, стройным и грациозным стариком с тщательно расчесанными бакенбардами, прошлись полонезом.

Директриса шла впереди, сияя радостной улыбкой, в обществе инспектора – маленького, толстенького человечка с лентой и звездой.

Мадам начальница вместе со своим кавалером заняли подобающие их рангу места среди попечителей и гостей.

Проходя мимо начальства, институтки останавливались парами, отвешивали низкий, почтительный поклон и лишь потом занимали предназначенные им места, расположенные по периметру зала.

Вскоре полонез сменился нежными, замирающими звуками ласкающего вальса. Кавалеры торопливо натягивали перчатки и спешили пригласить «дам» – из числа старших институток. Минута-другая – и десятки пар грациозно закружили в вальсе.

Вскоре все – институтки в белоснежных платьях, высокопоставленные чиновники с орденскими лентами, офицеры, пажи и юнкера – перемешались в одну огромную вальсирующую, праздную массу, которая уверенно и неотвратимо охватывала собой все вокруг.

Аристарх, ослепленный ярким светом многочисленных люстр, растерянно озирался по сторонам, горя желанием поскорее увидеть Лизу и, конечно же, ее удивительную и неповторимую подругу – Лару. Пристроившись подальше от вальсирующих, у колонны, он, стремясь унять волнение, в такт очередного исполняемого оркестром вальса, напевал про себя:

Этот юнкерский бал…
Он звенел и сверкал,
Он искрился, как брызги шампанского,
Этот танец полет,
Нас с собою зовет,
В бесконечную юность зовет, —

отбивая при этом такт носком сапога.

– Вот он где спрятался от нас! – донесся до Аристарха радостный голос сестры, стремительно выплывающей из-за колонны под руку со своей неразлучной подругой.

Аристарх, вытянувшись в струнку, сделал почтительный кивок головой и лихо щелкнул каблуками.

Девушки в ответ грациозно присели в глубоком реверансе.

После этого церемонного раскланивания юнкер поочередно коснулся губами нежных ручек сестры и ее раскрасневшейся подруги.

В это время зазвучали волнующие звуки вальса Штрауса «Сказки венского леса». К Лизе тут же подскочили юнкер Михайловского артиллерийского училища и паж, чтобы пригласить ее на танец. Артиллерист лишь на мгновение опередил пажа и, получив согласие Лизы на танец, закружил с ней в вальсе. Видя, что растерявшийся было паж перевел свой взгляд на Лару, Аристарх, переборов смущение, поспешно выпалил:

– Разрешите пригласить вас на тур вальса!

Лара вместо ответа, потупив взор, доверчиво вскинула ему на плечо руку и, обдав нежным ароматом духов, закружила с ним в танце, невесомая и пластичная, словно сказочная фея, неожиданно залетевшая на огонек.

– Merci, monsieur, – еле слышно пролепетала Лара, как только замолчал оркестр.

Аристарх, взяв девушку под руку, хотел отвести ее к креслам, где, часто обмахиваясь веером, стояла, озираясь по сторонам, Лиза, но Лара, смущаясь и краснея, неожиданно заявила:

– Классные дамы запрещают нам на балу ходить под руку с кавалерами и тем паче беседовать!

Она сделала едва заметное движение, чтобы высвободить свою руку, но не тут-то было. Аристарх лишь крепче сжал локоть.

– Вы делаете мне больно, – чуть слышно промолвила девушка.

– Я только провожу вас до Лизоньки, – уверенно сказал он. Лара молча кивнула головкой, и они, медленно пробираясь сквозь толпу возбужденных близостью юношей и девушек, направились к сестре. Неожиданно на их пути оказался Алексей Свиньин. Увидев, что Аристарх направляется куда-то с девушкой, он хотел пройти мимо, но юнкер жестом остановил его:

– Познакомьтесь, Лара, это мой друг Алексис Свиньин.

– Лара, – еще больше смущаясь, промолвила девушка и протянула для поцелуя руку.

Алексей прикоснулся к ее ручке губами и, улыбнувшись, сделал девушке комплимент:

– Вы прекрасно танцуете! Я с восхищением наблюдал за тем, как вы с Аристархом вальсируете. Да и не только я…

– Что вы! Что вы! – запротестовала девушка. – Это кавалер мой так прекрасно ведет! – При слове «мой» Лара неожиданно вспыхнула как маков цвет и, чтобы скрыть свое смущение, спряталась за спину вовремя подошедшей подруги.

– Лизонька, познакомься с моим лучшим другом, Алексеем Свиньиным! Прошу любить и жаловать!

– Это моя сестра Лиза, – добавил он, видя, как загорелись глаза Алексея.

– Очень приятно, – радостно произнес Свиньин, еще вначале бала приметивший тонкую и стройную черноглазую брюнетку, которая в паре с михайловцем несколько раз вихрем пронеслась мимо него.

– Какое счастье, наверное, иметь такую красавицу сестру? – неожиданно спросил он, обращаясь к Аристарху, не спуская взгляда с девушки.

Тут настала очередь вспыхнуть Лизе. Но ей тут же пришла на помощь Лара:

– Господа, вы не забыли о том, что мы на балу? За разговорами такой прекрасной музыки не слышите…

И в самом деле, за представлениями и комплиментами молодые люди и не слышали, что оркестр наигрывает знакомую, волнующую сердца молодежи мелодию. Ловкий, необычайно оживленный старичок-танцмейстер составлял пары для большой и малой кадрили. Пока они наблюдали за предкадрильной суетой, царящей в зале, к Лизоньке неожиданно подскочил юнкер, которому явно понравилось кружить в танце с черноглазой красавицей, на которую все обращали внимание.

– Mademoiselle, – произнес он шепелявя, – puis-je vous inviter à la quadrille?[7]

Лиза, не зная, что ответить, вопросительно взглянула на брата, но Аристарх был так занят Ларой, что больше ни на кого не обращал внимания.

– Merci, monsieur, – покраснев, сказала она, – je promis quadrille à un autre gentleman![8]

Заметив, что настойчивый михайловец не собирается ретироваться, Аристарх, окинув его внимательным взглядом, примирительно промолвил:

– В самом деле, господин юнкер, моя сестра обещала танец Алексею Свиньину, – подтвердил слова Лизоньки Аристарх.

---

[7] Мадемуазель, разрешите пригласить вас на кадриль (*фр.*).

[8] Спасибо! Я приглашена другим кавалером! (*фр.*).

– Везет же вам, юнкер, – добродушно сказал артиллерист, недовольным взором окинув Алексея, и, щелкнув на прощание каблуками, направился к стайке институток, толпящихся у буфета.

– Mademoiselle, – срывающимся от волнения голосом промолвил Алексей, обращаясь к Лизоньке, – я приглашаю вас на кадриль и на все последующие туры.

– Bon, monsieur! – радостно пролепетала девушка и уверенно направилась к суетящемуся в центре зала танцмейстеру. Алексей, Лора и Аристарх немедленно последовали за ней.

За кадрилью последовал вальс, затем мазурка, полька и снова вальс, которые перемежались котильонами. Несмотря на духоту и усталость, ни Алексей, ни Аристарх не пропустили ни одного танцевального тура, чем доставили своим партнершам истинное и незабываемое удовольствие.

ГЛАВА IV Лондон. Июль 1914 г

1

Однажды, туманным лондонским утром на Виктория-стрит, 64, в просторной комнате, меблированной тремя двухтумбовыми столами, тремя креслами и шестью стульями, стоящими у глухой стены, а также массивным сейфом, с трудом уместившимся между высоких и широких окон с плотными серыми шторами, выходящими во двор, собрались три джентльмена. У самого внушительного по размерам стола, стоящего у глухой стены, сидел человек, уже немолодой, с седыми волосами, загорелое и обветренное, безукоризненно выбритое лицо которого выдавало человека, часто бывающего на открытом морском воздухе. Он, вставив в глаз монокль, внимательно рассматривал большой, исчерченный прямыми и округлыми линиями лист. Судя по всему, это был начальник.

Сбоку от него, за столом поменьше, сидел мужчина совсем другого вида. Высокий, худой и смуглый, с орлиными чертами лица, выступающим властным носом и массивным подбородком, глаза его были такими же серыми и холодными, как Северное море. Он представлял собой тот тип бравого вояки, который характерен для офицеров колониальной британской армии.

У себя за столом он молча и сосредоточенно перебирал листы, испещренные мелким почерком.

Третий обитатель комнаты сидел за столом у самого входа и явно не подходил под описание никого из здесь присутствующих. Этот бравого вида джентльмен с приятными чертами шоколадного от загара, полученного явно на Востоке, лица, ежиком седых волос на голове и седыми же усами, по-кавалерийски загнутыми вверх, отличался прежде всего необычайно острым взглядом своих пронзительных и настороженных глаз. Рассматривая лежащие на столе фотографии, он, словно гриф, надолго впивался взглядом в каждую из них, потом резко вскидывал голову и, пробормотав что-то невнятное типа «черт побери», проделывал это же и с другими.

После серии снимков, на которых были изображены генералы и офицеры русского Генерального штаба, а также лица из ближайшего окружения императора Николая II, в его руках оказался портрет мрачного вида старца с продолговатым лицом, крупным носом и большой округлой бородой.

– Ну и страшное же лицо у этого бородатого господина, – нарушил стоящую в комнате деловую тишину человек, рассматривающий снимки.

– О-о, – сразу поняв, о ком идет речь, подал голос господин, изучающий чертеж, – не удивляйтесь, капитан Джилрой, вы еще не все его фотографии видели.

– Уильям, покажите нашему коллеге самые последние, – обратился он к третьему обитателю этой загадочной комнаты.

– Дорогой мой Вернон, вы же видите, что я занят. Сами же просили меня перлюстрировать эти письма до конца рабочего дня, – проворчал подчиненный, но приказ выполнил. Нехотя отложив в сторону конверты, он резко встал из-за стола и, подойдя к капитану, протянул ему пачку еще совсем свежих снимков.

– Вот, только вчера доставили. Прямо из Петербурга, сэр, – сквозь зубы процедил он и, тут же возвратившись на свое место, вновь углубился в изучение своих бумаг.

– Не может быть! – удивленно воскликнул Джилрой, рассматривая несколько групповых портретов, где бородач позировал с самой императрицей и ее дочерьми, и отдельно с самим Николаем II. – Как это волосатое чудовище оказалось в кругу императорской семьи?

– Здесь нет ничего удивительного, – многозначительно промолвил начальник, – это же Григорий Распутин.

– Да, я что-то читал о нем в вечерних газетах, – стараясь не обнаружить своей неосведомленности, сказал капитан, медленно раскуривая сигару и стараясь вспомнить, что же он и в самом деле мог слышать об этом русском.

Ну конечно же, это о нем говорила русская дама, путешествовавшая в одном с ним железнодорожном вагоне до Лондона. Он вдруг отчетливо вспомнил оброненную женщиной фразу по-русски, которую та произнесла, увидев небритого, заросшего черной щетиной носильщика, который не торопясь величественно прошествовал в вагон за ее чемоданами:

– Ну и образина, точно Гришка Распутин! – и, взглянув на попутчика, она зачем-то добавила уже по-английски: – Woe to these porters, it is important to go, like lords, not in Russia. True lately we, as in Europe, commoners come into force, some even familiar terms with the king as Grishka Rasputin[9].

Как это обычно бывает, ему хорошо запомнились именно последние слова русской путешественницы.

– Этот бородач, по-моему, лучший друг российского императора, – растягивая слова, продолжал Джилрой, затянувшись сигарой, – и я должен с ним обязательно подружиться!

– Я правильно понял? – сделав еще одну довольно продолжительную затяжку, спросил он.

– Вы настоящий разведчик, – удовлетворенно произнес Вернон, – и сразу хватаете быка за рога. Именно таких, как вы, людей нам сегодня и не хватает. Видели бы вы, с каким материалом нам приходится работать. Не разведчики, а сплошные дилетанты. Недавно даже один лорд решил проверить на себе, что значит быть «рыцарем плаща и кинжала». Путешествуя на своей яхте по Балтике, он, на свой страх и риск приблизившись к германскому порту, забитому военными кораблями, сразу же нарвался на морской патруль и был водворен в крепость. В ту самую крепость, которую решил обследовать…

– Не пойте мне новеллы, лучше скажите прямо, зачем вызвали меня?

– Работая на Востоке, вы хорошо изучили не только варварский русский язык, но и знаете русские нравы и обычаи, – внимательно присматриваясь к капитану, промолвил Вернон.

– Но, насколько я знаю, мы уже довольно продолжительное время, с тех пор как были разграничены имперские границы на Востоке, не конфликтуем с Россией. Мало того, я, неоднократно бывая у туркестанского генерал-губернатора Самсонова, встречал там самый дружественный прием…

– Вы меня удивляете, сэр, – растягивая слова, сухо произнес Уильям и, вытащив из стола толстую сигару, начал медленно ее раскуривать.

– Англия никогда не дружила с Россией, – раскурив сигару, цедя слова сквозь зубы, промолвил он, – правда мы иногда позволяли думать русским, что с ними дружны. Может быть, вы и хороший разведчик, но, как я вижу, в большой политике мало чего смыслите.

– Просветите же меня, сэр, – насмешливо глядя на него, сказал Джилрой.

– Не смейтесь, сэр, – все так же медленно и сухо произнес Уильям, – в том деле, которое Первый лорд Адмиралтейства по нашей рекомендации намерен вам поручить, необходимо не только добывать нужную Британии информацию, но и разбираться в политических течениях, во множестве существующих в России, с тем чтобы направлять их в нужное русло, способствующее дальнейшему процветанию британской короны.

– Скажет мне здесь кто-нибудь, в чем дело, черт побери, – внезапно взорвался капитан, поняв, что из-за напущенного Уильямом тумана он так и не может сообразить даже о приблизительных очертаниях поручаемого ему дела.

---

[9] – Горе с этими носильщиками, ходят важно, словно лорды, не то что в России. Правда, в последнее время у нас, как и в Европе, простолюдины в силу входят, некоторые даже с царем запанибрата, как Гришка Распутин… (*англ.*)

– Уильям, вы снова за свое, – пожурил подчиненного Вернон, – я прошу вас больше не испытывать на людях ваши дипломатические способности.

– Да, сэр, – виновато откликнулся тот и вновь углубился в изучение писем подозрительных личностей.

– Вы, наверное, уже читали о том, что произошло в Сараеве…

– Да, сэр.

– И, наверное, понимаете, что Европа стоит на грани войны. Великобритания, испытывая дружеские чувства к Франции и России, в то же время не горит желанием ввязываться в драку на чьей-то стороне. Мой дом – моя крепость, этот постулат был и остается для нас главным. В то же время вы должны понимать, что если Германия и Австро-Венгрия не направят оружие против Франции, а Россия, являясь ее союзником, обязательно вступит в войну на ее стороне, то тевтоны направят свой довольно окрепший за последние годы флот на нас…

– Значит, необходимо политическими и другими путями заставить Францию, а затем и Россию воевать с Германией и Австро-Венгрией, – понятливо отозвался Джилрой и победоносно взглянул на Уильяма…

– Ну, в общем, верно, – кивнул головой Вернон. – Первый лорд Адмиралтейства попросил нас подыскать знающего и опытного разведчика для выполнения важного государственного задания. Он хочет направить вас в Россию, на помощь к нашему военному агенту в Петербурге, майору Альфреду Ноксу. Майор прекрасно разбирается в политике и дворцовых интригах, а вы, капитан, имеете огромный опыт разведчика, прекрасно знающего русские нравы и обычаи. Я думаю, что из вас выйдет прекрасный тандем!

– Но в чем все-таки государственная важность моего задания? – решил расставить все точки над «i» Джилрой.

– Я, право, не знаю, – откровенно признался Вернон, – но Первый лорд Адмиралтейства намекнул мне, что за успешное выполнение этого задания он не пожалеет ничего, чтобы возвести героя в рыцари Королевского Викторианского ордена, который, как вы знаете, вручается только людям, оказавшим монархам личные услуги…

– Лорд хотел побеседовать с вами, как только вы будете готовы выехать в Россию, – после небольшой паузы добавил Вернон, – так что без спешки изучайте фотографии ваших будущих знакомых и тех, за кем вам надо будет присмотреть. А еще вам рекомендовано посетить Уайтхолл-Корт, там сейчас располагается контрразведка. Наш коллега майор Мэнсфилд Камминг горит желанием проинструктировать вас…

Все, как прежде, молча занялись каждый своим делом. Прошло не меньше получаса, прежде чем деловая тишина была прервана вновь.

– Кстати, капитан, из вашего личного дела явствует, что вы, кроме всего прочего, еще и специалист по крепостям, – промолвил Вернон.

– Да, сэр. Я в свое время не только участвовал в их создании на северных границах Индии, но и в уничтожении, – охотно откликнулся Джилрой, которому явно надоело изучать портреты, на запоминание которых ему достаточно было нескольких секунд. Да и характеристики каждого он уже знал почти наизусть.

– Так вот, как специалист по крепостям, вы не могли бы оценить значение этого документа? Я хочу, чтобы вы взглянули на этот с трудом добытый нами план австрийской крепости, который вы, находясь в России, можете представить русской разведке как свою верительную грамоту.

– Буду рад вам помочь, сэр.

Вернон, шурша большим, с развернутую газету, листом, подошел к столу капитана и осторожно разложил перед капитаном драгоценный чертеж.

– Крепость «Перемышль» построена в 1878–1879 годах, реконструкция крепости закончена 25 июня 1914 года, – прочитал Джилрой заглавие вслух и сразу же углубился в изучение плана крепости и ее описания, делая на клочке бумаги, лежавшем на столе, свои заметки.

Почти через час, усталый, но довольный, он оторвал голову от схемы и удовлетворенно произнес:

– Все! – И, видя, что не только Вернон, но и Уильям с нетерпением ждут его оценки, добавил: – К сожалению, джентльмены, хочу вас огорчить. Это хоть и настоящий документ, но давно устарел и не представляет сегодня никакой ценности.

– Не может быть! – воскликнул Вернон.

– Да мы же за этот чертеж заплатили почти тысячу фунтов, – недоверчиво глядя на Джилроя, произнес Уильям.

– Подходите поближе, джентльмены, я вам докажу, – уверенно произнес капитан.

Разведчики окружили стол и начали внимательно вглядываться в переплетение линий и окружностей, явно не находя подделки.

– Прежде всего меня насторожила дата окончания реконструкции этого объекта, – начал Джилрой, указывая на лист, где черным по белому было написано «25 июня 1914 года». – Неужели ваш агент смог всего лишь за неделю выкрасть этот сверхсекретный документ и доставить его вам? Это маловероятно. Смотрите дальше. Крепость, как сказано выше, только что реконструирована. Это и понятно, ведь с окончания ее строительства прошло 35 лет. За это время многое изменилось, и прежде всего стала мощнее артиллерия, а это значит, должны измениться и сами укрепления. Правильно? – взглянул капитан на Вернона.

– Правильно, правильно! – нетерпеливо выпалил тот.

– Сегодня снаряды способны пробивать 6-метровый слой земли, а также бетонные стены метровой толщины. А здесь, в описании, я нашел данные крепостных стен и перекрытий, которые были заложены еще во время строительства, более тридцати лет назад. Реально я бы на месте австрийцев увеличил толщину стен, усилил бы их бетонными заборами не менее метра толщиной, увеличил бы толщину сводов фортов до 3,5 метра и укрепил бы их дополнительными стальными плитами. Ничего этого здесь нет. Перед вами всего-навсего план и пояснительная записка тридцатилетней давности…

Джилрой победоносно взглянул на вытянутые лица коллег и, не щадя их самолюбия, добавил:

– Кроме того, современная крепость или форт оборудуются уже более мощными орудиями, чем указаны здесь, – 150-мм гаубицами, 53-мм скорострельными орудиями и 210-мм мортирами. В полной мере используются и достижения современной цивилизации – электроснабжение, лифты, вентиляторы и рефлекторы. Ничего этого в вашем документе нет и в помине… Хорош бы я был, джентльмены, если бы представил эту вашу бесценную добычу русским, – после небольшой паузы озабоченно сказал Джилрой.

– Да-а! – задумчиво промолвил Вернон. – Теперь мошенника, всучившего нам этот старый хлам, и днем с огнем не сыщешь.

– Впредь будем осмотрительнее, – философски заметил Уильям.

– Суть не в словах, а в делах, – заметил Вернон, – наши люди словно помешались на германских и австрийских военных разработках, тащат их нам, словно все эти секреты продаются оптом и в розницу на рождественских распродажах. Вот и попробуй тут разберись, – указал он на стопки разнокалиберных по размеру бумаг, с трудом уместившиеся на столе…

Указав на карту, лежащую сверху, Вернон задумчиво сказал:

– Теперь и не знаю, что сказать об этом документе, который мы недавно получили от нашего давнего и довольно результативного агента «М» из Бельгии. Насколько я разбираюсь в морском деле, здесь хоть и малоопытной рукой, но указаны все существенные характеристики Боркума, маленького островка у побережья Фризии, который представляет важную часть стра-

тегической позиции Германии в Северном море. Именно быстрый захват этого острова в случае возникновения конфликта с Германией составлял существенную часть его плана по противодействию немецкой морской угрозе. Схема, начерченная «М», показывает расположение каждой батареи с числом и калибром всех орудий, размещение складов боеприпасов, всех бомбоубежищ, наблюдательных постов и подготовленных в песчаных дюнах позиций для подвижных скорострельных 105-мм пушек, железную дорогу и мощеные дороги, предназначенные для перевозок войск и грузов. Здесь даже подробно обозначены и охарактеризованы радиотелеграфные станции – основная и вспомогательная, секретные телефонные кабели, протянутые от командного пункта гарнизона на континент – и отдельно подводные кабеля, пересекающие Боркум. Одним словом, вся оборонная система острова в полном объеме. К карте прилагается и подробный рапорт о мероприятиях, подготовленных немецкими военными для быстрого усиления гарнизона острова путем переброски из Эмдена войск и военных грузов…

– Что вы на это скажете, сэр? – победоносно взглянул он на Джилроя.

– Я, конечно, не специалист по морским крепостям, но, если позволите, взгляну.

– Прошу вас, сэр.

Капитан подошел к столу начальника и, подробно изучив карту и все нанесенные на ней записи, неожиданно спросил:

– Сколько вы заплатили за нее?

– Нисколько, – сухо сказал Уильям, – это работа нашего платного агента.

– Вот за этот документ я бы, без сомнения, выложил не одну тысячу фунтов, если бы, конечно, эти деньги у меня были.

– Вы правы. У меня есть несколько донесений по этому острову, и они во многом совпадают с информацией «М». Но это, к сожалению, чуть ли не единственный добытый агентурным путем документ, который не стыдно положить на стол Первому лорду Адмиралтейства, – удовлетворенно сказал Вернон и тут же с сожалением добавил: – Я уже неоднократно докладывал сэру Черчиллю о том, что в нынешний сложный период, когда наш маленький остров просто напичкан германскими шпионами и всякого рода авантюристами, мне просто не хватает людей, особенно специалистов. Нам хотя бы с десяток офицеров, разбирающихся не только в кораблях и морских орудиях, но и в фортификационных сооружениях, артиллерийских орудиях…

Об особенностях работы своей службы подробнейшим образом рассказал капитану Джилрою Мэнсфилд Камминг, руководитель британской контрразведывательной службы, который, так же как и Первый лорд Адмиралтейства, снисходительно относился к Вернону и его службе, ставя во главе угла контрразведку.

На вполне резонный вопрос капитана:

– Что делать, если мной заинтересуется российская контрразведка, могу ли я рассчитывать на помощь британского посла?

Уильям откровенно ответил:

– Ни в коем случае. В противном случае мы будем вынуждены от вас отказаться.

– Что же вы мне посоветуете?

– Ну, прежде всего не попадать в поле зрения генерал-квартирмейстерской службы Генерального штаба русских. И еще один совет: старайтесь обделывать все дела не лично, а желательно чужими руками.

Ознакомив капитана с основами контрразведки, Мэнсфилд отметил, что настоящий разведчик должен различать шесть «типов» иностранных агентов: путешествующий, или разъездной агент, работающий под прикрытием коммивояжера, путешественника-яхтсмена или журналиста; стационарный агент, собиравший новости и служивший «почтовым ящиком», в их число входили официанты, фотографы, учителя иностранных языков, парикмахеры и владельцы пабов; агенты-казначеи, финансировавшие агентов; инспекторы или главные резиденты; агенты, занимавшиеся коммерческими вопросами; а также британские предатели.

– О, это особая категория людей, – откровенно признался Мэнсфилд, – которая, прикрываясь патриотизмом, как щитом, зарабатывает свои серебреники, продавая британские секреты. Их труднее всего распознать, вследствие чего они и наносят наибольший вред нашей стране.

– Я несколько раз был в России, – неожиданно признался Мэнсфилд, – и знаете, что меня больше всего там удивляло? Добродушие русских. Они никогда не помнят зла. Поэтому посоветую вам поближе познакомиться со столичными англофилами и почаще бывать на светских приемах. Там любят поболтать. Иногда там можно услышать такое, что не купишь ни за какие деньги. При этом хочу предупредить, особенно остерегайтесь начальника контрразведывательного отделения штаба Петербургского военного округа полковника Ерандакова и еще полковника Баташова, который возглавляет контрразведку штаба Варшавского военного округа и частенько наведывается в столицу. По имеющимся у меня сведениям, это опасные враги не только для разведок Германии и Австро-Венгрии, но и для нашего ведомства. Сегодня русские шпионы, наводнившие Берн и Лозанну, держат под колпаком не только врагов России, но и резидентуру союзников. Агенты Баташова всюду, один из них сумел проникнуть даже в австро-венгерский Генеральный штаб. Вы, наверное, слышали о самоубийстве полковника Редля…

– Да! Я что-то читал об этом в венских газетах…

– Так вот, наш венский военный агент предполагает, что полковник Редль, возглавлявший австрийскую контрразведку, был не кем иным, как русским шпионом. Но в этом деле столько неясного, что сказать что-то определенное довольно трудно. Может быть, вы, находясь в России, сможете прояснить это дело? – с надеждой в голосе произнес Мэнсфилд.

Представив капитану для ознакомления с десяток досье на немецких шпионов, а также на русских разведчиков и контрразведчиков, Мэнсфилд, пожелав удачи, быстро распрощался с ним.

«Окрыленный» советами и рекомендациями британских шефов разведки и контрразведки, Джилрой через две недели доложил Вернону о готовности к выполнению задания государственной важности.

2

Первый лорд Адмиралтейства Великобритании Уинстон Черчилль был явно не в духе. Это было видно по тому, как он, нервно обрезав края толстой гаванской сигары, несколько раз пытался безуспешно ее зажечь, пока ему на помощь не поспешил только что пришедший с докладом майор Вернон Кэлл.

– Спасибо, сэр! – поблагодарил он и, глубоко затянувшись, подошел к высокому и широкому окну, выходящему на Уайтхолл, по которому туда-сюда сновали медлительные кареты и стремительные кэбы, прохаживались укрытые зонтиками вальяжные джентльмены и очаровательные леди.

Сделав несколько довольно продолжительных затяжек, лорд повернулся к стоящему у его стола офицеру и, не вынимая изо рта сигары, раздраженно промолвил:

– Чем вы сегодня можете меня порадовать, сэр?

– Есть хорошие новости, сэр.

– Неужели Германия объявила войну России? – спросил лорд, запечатлев на губах свою загадочную, словно у «Моны Лизы», улыбку.

– О нет, сэр. Но я думаю, объявления войны надо ждать со дня на день!

– А точнее вы не можете сказать? – помрачнел лорд и, вновь повернувшись к окну, глубоко затянулся.

– Государство тратит на ваше бюро большие деньги, а результатов нет. Вы даже не знаете, когда и откуда начнется война! Хотите, я бесплатно раскрою вам главный секрет кайзера Вильгельма?

– ???

– Вы знаете, за какое время Германия может провести полную мобилизацию?

– По имеющейся у меня информации – за две-три недели…

– Ваши сведения неверны. Я вам скажу точно – за семнадцать дней. А Россия?

– Но мы же против России не работаем, сэр, – пытался оправдать свое незнание майор.

– И здесь я вас выручу. России необходимо для полной мобилизации 40 дней. А что это значит? А это значит: а) исходя из того, что в Германии уже неделю полным ходом идет мобилизация, то объявления войны надо ждать где-то в конце июля или в начале августа; б) война начнется с Франции. Здесь вступает в дело простая арифметика: 40–17 = 23. А это значит, что тевтоны планируют за двадцать три дня разделаться с французами, чтобы потом все свои силы бросить на Россию. Вам понятно, сэр?

– Гениально, сэр, – промолвил Вернон и восхищенно добавил: – Вы прирожденный разведчик!

– В свое время, будучи в Индии, я занимался и этим, – многозначительно сказал лорд и снова повернулся к окну.

В кабинете наступила тишина, нарушаемая лишь тиканьем напольных часов.

– Вы сказали, что у вас есть для меня хорошая новость? – спросил хозяин кабинета.

– Да, сэр. Я принес вам очень важный для королевского военно-морского флота документ, – явно волнуясь, сказал майор и, торопливо развернув карту, положил ее на стол Первого лорда Адмиралтейства.

Черчилль, отложив в сторону сигару, достал из стола лупу в золоченом ободке с костяной ручкой и начал внимательно изучать документ.

– А это не подделка? – подозрительно глянув на Вернона, спросил он.

– Нет, сэр.

– Вы в этом уверены?

– Да, сэр! Большая часть информации о фортификационных сооружениях на острове Боркум проверена по другим источникам. Кроме того, свои положительные заключения дали морские специалисты и военные.

– Оставьте карту у меня, я еще раз проверю указанные там сведения по своим каналам. Этот документ может понадобиться нам при подготовке стратегического плана действий королевского флота на Северном море.

– У вас есть еще какие-то сведения о планах германского военно-морского флота и его оснащении? – спросил лорд.

– Наша информация почти полностью зависит от сообщений, которые Тирпиц разрешает публиковать в немецкой печати. Кроме этого, мы получаем доклады от «М» из Брюсселя и еще от двух агентов, очень подозрительных, работающих в том же городе. Эти два типа уже не раз предлагали нам якобы очень важные военные тайны, касающиеся строительства новых кораблей и их вооружения, но то, что я получал от них, показалось мне весьма подозрительным и не имеющим большого значения…

– Но как мы можем что-то реальное предпринять накануне войны, если над всеми замыслами Тирпица будет по-прежнему висеть густой лондонский туман незнания, – задумчиво сказал лорд, – не слишком ли это опасно? Если немцы действительно захотят нанести по нам неожиданный удар с моря, они могут это сделать так, чтобы мы заранее ничего не заподозрили. Мне кажется, в настоящее время мы двигаемся на ощупь и можем запросто попасть в западню, которую, возможно, готовят нам тевтоны.

– Это точно, сэр, – с сожалением произнес майор, – но у нас слишком ограниченное количество агентов в Германии…

– Но почему же мы до сих пор не можем организовать более широкую разведывательную сеть в Германии? – возмущенно промолвил лорд, пыхтя дымом, словно набирающий скорость пароход.

– Есть некоторые препятствия, сэр, – ответил офицер. – Во-первых, «Форин офис» против, и я вполне понимаю его опасения, что, если мы предпримем определенные действия, это может хоть в какой-то степени подтвердить немецкие обвинения в том, что мы поощряем шпионаж в этой стране. Уже несколько раз немцев захватывала шпиономания, и некоторые абсолютно невиновные английские туристы были арестованы как подозрительные лица. Во-вторых, предоставленные в наше распоряжение фонды слишком скудные, чтобы мы могли создать действительно эффективную разведывательную службу. В-третьих – и это самая большая трудность, – допустим, что у нас будет официальное разрешение на эту деятельность и увеличенное финансирование, нам все равно было бы чертовски трудно найти хороших агентов. Не может быть и речи о кадровых морских офицерах: они попадут «под колпак», как только пересекут немецкую границу. Нам, таким образом, следовало бы использовать гражданских лиц, которые должны были бы обладать не только хорошей репутацией, но и исключительными знаниями морского дела, особенно его технической стороны. Если найти такого человека, его следовало бы хорошо подготовить, дать ему инструкции, чтобы он знал, на что нужно обращать внимание, как оценивать значение увиденного, но все это потребовало бы много времени и средств. И несмотря на все это, в преддверии войны я считаю, что это дело из тех, что не терпит отлагательства. Вам, сэр, необходимо поставить этот вопрос в парламенте.

– Я тоже считаю, что, несмотря ни на что, деятельность вашей службы необходимо расширять, охватывая в первую очередь территории Германии, но не надо забывать и о России. – Уловив недоуменный взгляд Вернона Кэлла при слове «Россия», лорд повторил: – Да, вы не ослышались, и России, потому что с судьбой этих двух стран в этом столетии будут связаны судьбы всего человечества, – сказав эти пророческие слова, лорд задумался. Взял сигару и, глубоко затянувшись, продолжил: – Я прекрасно понимаю стоящие перед вами трудности. Что касается официального разрешения, я готов взять на себя ответственность за то, что вам его дадут. Конечно, мне придется проконсультировался с некоторыми из моих коллег, но я не думаю, что там не будет споров, когда я объясню им серьезность ситуации. Но вы должны быть готовы к тому, что, если кто-то из наших агентов в Германии будет, к несчастью, арестован, от них ваша служба откажется.

– Вы можете быть уверены, сэр, в том, что правительство его величества не будет вовлечено в этот процесс ни при каких обстоятельствах, – подтвердил сухим тоном майор.

– Я рад это от вас слышать, сэр, – удовлетворенно произнес лорд, – и думаю, что следующий ваш доклад будет более оптимистичным, – давая тем самым понять, что разговор окончен.

– Сэр, вы просили представить вам помощника военного атташе в России…

– Да! Пригласите его.

Вернон Кэлл, выйдя в приемную, указал капитану рукой на дверь и, глубоко вздохнув, участливо напутствовал:

– С богом!

3

– Капитан Уинстон Джилрой, сэр, – представился разведчик, твердым, устойчивым, привыкшим к горным походам шагом промаршировав к столу Первого лорда Адмиралтейства Уинстону Черчиллю.

Хозяин кабинета, услышав имя Уинстон, насторожился.

– Я рад приветствовать вас, сэр, на родине, – сказал он и, достав из стола коробку, великодушно предложил: – Сигару, сэр?

– Спасибо, сэр!

– Спасибо, да или спасибо, нет? – спросил лорд, внимательно приглядываясь к офицеру.

– Я с удовольствием попробую вашу «гавану», – с одного взгляда определил капитан сорт сигар.

Джилрой не торопясь обрезал сигару, прикурил ее от своей серебряной, отделанной лазуритом зажигалки. Затянулся и неожиданно закашлялся.

– Простите, сэр, – извинился он, преодолев приступ кашля, – я так давно не курил настоящих сигар, что мне показалось, что по горлу провели наждаком.

Лорд понятливо улыбнулся и пригласил гостя присесть на стоящее у стола кресло.

– Вы когда последний раз были в Малаканде? – неожиданно спросил он.

– Лет двадцать назад, – удивленно глядя на лорда, сказал капитан.

– Вы случайно не были среди защитников читральской крепости?

– Был! А в чем дело? – искренне удивился Джилрой и внимательно взглянул в лицо лорда, будто хотел что-то вспомнить.

– Не морщите лоб. Меня во время осады крепости повстанцами там не было. Я, будучи военным корреспондентом, был командирован в Малаканд и прибыл с войсками в Читрал, когда вы оттуда уже куда-то бесследно исчезли. Мне много порассказал о вашем мужестве и смекалке комендант крепости. Я даже отправил в «Пионер» и «Дейли телеграф» очерки о вашей беспримерной храбрости. Жаль, что фотографии вашей не нашел…

– И слава Всевышнему, – неожиданно перебил лорда капитан.

– ??? – удивленно взглянул на Джилроя Первый лорд Адмиралтейства.

– Не раз видел я эту газетенку под названием «Пионер» в руках горских грамотеев, и если бы в ней был напечатан мой портрет, то я не разговаривал бы сегодня с вами, сэр.

– Но почему?

– Я выполнял важное правительственное задание, – просто и ясно объяснил капитан.

– А, теперь я все понимаю. Вы были одним из действующих лиц знаменитой «Большой игры» на Востоке. Я предварительно просмотрел ваше личное дело, но не нашел там об этом ни строчки. Скажу больше, меня искренне удивило то, что Имперский орден Индийской короны вы получили не за героизм и мужество, проявленное во время осады читральской крепости, а за какие-то гидрографические работы, – с недоумением в голосе произнес лорд.

– Наши гидрографические и подобные им экспедиции по изучению «белых пятен» на Востоке и на Памире в частности и были главными элементами «Большой игры», – сухо, не вдаваясь в подробности, объяснил Джилрой особенности своей работы на границах Индии. – А орден я получил за то, что направил одну русскую военную экспедицию на верную смерть, – с видимым сожалением добавил он.

– Но вы выполняли свой долг! – с пафосом воскликнул лорд.

– Да, я только выполнял свой долг! – согласился, тяжело вздохнув, капитан.

Они помолчали.

Неожиданно лорд резко встал и, неторопливо приблизившись к буфету, предложил:

– Хересу, сэр?

– Не откажусь, – приподнялся с кресла капитан.

– Сидите!

Лорд достал из буфета красного дерева небольшой серебряный поднос с графином, двумя рюмками и тарелочкой с бисквитами и поставил его на стол. Наполнив рюмки, он дружески произнес:

– Прошу!

Джилрой взял рюмку, но прежде чем поднести ее к губам, взглянул на неожиданно посветлевшее лицо Первого лорда Адмиралтейства.

– Выпьем за наше героическое прошлое, – высокопарно предложил тот.

Произнеся еще один тост за процветание Великобритании и ее короля, лорд резко перешел к делу.

– Вы знаете, кто наш главный враг? – ошарашил он капитана неожиданным вопросом.

– Германия и Австро-Венгрия, – предчувствуя в этом простом вопросе какой-то подвох, неуверенно произнес Джилрой.

– Ответ неверный! – словно учитель нерадивому школьнику объявил лорд. – Главный враг нашей многострадальной британской империи не Германия и Австро-Венгрия, а Россия. – Заметив недоуменный взгляд капитана, он с чувством глубокой ненависти повторил: – Нашим главным врагом была и остается Российская империя! Еще со времен царя Ивана IV, прозванного в Европе Грозным, более трех с половиной веков назад предпринимались попытки поставить в зависимость от России земли, лежащие на пути в Индию, путем простого перехода тамошних владык под руку русского царя.

То есть еще в те давние времена интересы развивающейся Российской империи столкнулись с интересами британской короны и с тех пор постоянно находились в жестоком противоречии. Я, чтобы лишить вас любых иллюзий в отношении этого враждебного не только для нас, но и для всей Европы государства, лишь коротко расскажу вам о самых критических моментах британско-российских отношений, чуть было не отразившихся на целостности нашей индийской колонии. Как только эти варвары начали обретать государственность и объединять вокруг себя славянские и неславянские народы, они перебежали дорогу английским купцам. В середине семнадцатого века шведский купец Де-Родес предлагал боярину Милославскому, тестю царя Алексея, организовать компанию, которая во вред британской торговле захватила бы в свои руки всю персидскую торговлю, а кстати и долю торговли с Индией и Китаем. Только неспокойная обстановка в государстве российском не позволила осуществить эти торговые замыслы.

Вплотную к воплощению идеи Де-Родеса российское купечество подошло лишь в период правления Петра I. Только-только провозглашенная империя нуждалась в новых землях и товарах, и тогда взгляд русских вновь обратился на Восток. Только смерть императора не позволила осуществить захват Индии.

В восемнадцатом веке француз де Сент-Жени предложил Екатерине II конкретный план индийского похода, который должен был начаться манифестом императрицы о восстановлении династии Великих Моголов. Поход предполагалось вести из Оренбурга через Бухару и Кабул. Только вмешательство русских вельмож, благоволивших Британии, отсрочили это неминуемое вторжение в пределы Индии.

В 1800 году уже более известный француз – Наполеон предложил императору Павлу совместную экспедицию в Индию. Российский император принял предложение и предложил удар по английским интересам в Индии нанести силами совместного русско-французского корпуса. Причем французы выставляли 35-тысячную группировку войск, которая должна была прибыть в персидский Астрабад, где и предстояло воссоединение с такими же по численности русскими войсками для совместного похода в Индию. По плану Павла I Астрабад должен был стать главной базой экспедиции, куда перебрасывалось оружие из русских арсеналов, а также продовольствие из приволжских губерний. По расчетам царя, от момента отправки французских войск с Рейна до полного завоевания Индии должно было пройти не более пяти месяцев. В конце 1800 года по настоянию императора произошел разрыв дипломатических отношений с Англией, и вскоре атаман донских казаков Орлов получил приказ о вторжении в Индию. Поход на Восток начался в конце февраля 1801 года…

– Я еще в военной школе слышал, сэр, что, когда русские войска двинулись через Среднюю Азию в Индию, послу его величества в Петербурге пришлось составить заговор и убрать императора Павла, – решил показать свою осведомленность капитан.

– Вы правы, – недовольный тем, что его прервали, буркнул лорд, продолжая свое повествование. – И в самом деле только смерть императора не позволила русским осуществить грандиозный план вторжения на территорию нашей благословенной Индии. Весь девятнадцатый век Российская империя упорно продвигалась на восток, колонизируя племена, жившие за Уралом. И уж совсем нетерпимо для нас стало то, что Россия вышла к Тихому океану, провела разграничение с Китаем и вступила в пределы Средней и Центральной Азии! С методическим упорством были покорены Хива, Бухара и Коканд, шло планомерное освоение Памиров. В Генеральном штабе российской армии прекрасно понимали, что дорога через памирские перевалы есть самый удобный путь в Индию…

– Прошу прощения, сэр, я хотел бы добавить, – вновь прервал познавательную речь Первого лорда Адмиралтейства капитан, – во время моих скитаний на севере Индии я повстречал офицера русского Генерального штаба, который, подозревая, кто я, разоткровенничавшись, сказал, что в случае осуществления похода в Индию их главные силы будут выдвинуты через памирские перевалы в Кашмир, что не только вынудило бы нас отказаться от мысли воспользоваться кашмирскими войсками для борьбы с Россией, но в силу недовольства кашмирцев действиями там наших войск заставило бы нас выделить часть войск из Внутренней Индии для наблюдения за Кашмиром. Таким образом, заключил русский офицер, появление даже небольшого отряда со стороны Памира отвлечет достаточно много наших войск и в значительной степени облегчит задачу главного операционного корпуса, которому предстояло бы действовать уже с территории Туркестана…

– Вот видите, эти русские никогда не отказывались от похода на Индию, – удовлетворенно произнес Черчилль, попыхивая сигарой, – и эта идея еще недавно как никогда была близка к осуществлению. Русские промышленники решили построить железную дорогу из Персии в Индию. Вот текст секретной телеграммы нашего посла в Петербурге Джорджа Уильяма Бьюкенена:

«Крупные российские промышленники, возглавляемые бывшим председателем Государственной думы Хомяковым, подали в правительство прошение с просьбой о государственной поддержке проекта строительства железной дороги, проходящей в пределах России через Ростов и Баку и далее следующей на Тегеран и Керман до станции Нушки индийских железных дорог, заверяя председателя правительства Столыпина в том, что теперь русские и британцы – близкие союзники, а потому никаких препятствий для строительства железной дороги в Индию через Персию не предвидится. Премьер-министр склоняется к тому, чтобы поддержать эту идею промышленников. А наш верный друг статс-секретарь Коковцев выступает против. Пользуясь своим влиянием на ряд высокопоставленных чиновников российского правительства, я предпринимаю все возможные шаги для того, чтобы этот проект так и остался на бумаге…»

– Вы прекрасно понимаете, что по такой железной дороге можно перевозить не только товары, но и войска. А это значит, что над самой большой жемчужиной британской короны нависла смертельная опасность. И только благодаря активным и результативным шагам Бьюкенена проект строительства этой железной дороги до сих пор находится под сукном. Но это временная отсрочка. Это видно потому, как широко русские осваивают северную Персию…

– Я слышал, сэр, от российских офицеров, когда был на приеме у генерал-губернатора Туркестана Самсонова, – решил вызвать лорда на откровение Джилрой, – что в деле устранения Столыпина прослеживается и британский след.

Черчилль, изучающе взглянув на капитана, скривил свою толстую губу и неопределенно буркнул:

– Об этом история умалчивает… – И тут же резко перешел на другую тему: – Вы лично знакомы с генералом Самсоновым?

– Да, сэр. В некоторых конфликтных ситуациях, которые периодически возникают на границах, я представлял интересы колониального командования в Туркестане.

– Это хорошо! А вы знаете, что он командует Варшавским военным округом?

– Да, сэр. Я был приглашен на прощальный ужин, который устраивали офицеры Туркестанского военного округа по случаю отъезда генерала Самсонова в Варшаву.

– Вы приобретаете в моих глазах все большую и большую ценность, – хитро прищурил глаза Первый лорд Адмиралтейства, – но возвращаемся к нашей главной теме. Ведь вы понимаете, что я вызвал вас не только затем, чтобы прочитать лекцию по истории взаимоотношений Великобритании и России.

– Да, сэр.

– Я хочу, чтобы вы уяснили главное, то, что на протяжении столетий благодаря влиянию на отдельных сановников и политических деятелей при российском дворе нам без особых затрат и кровопролития удавалось ограждать границы Британской империи от захватнических посягательств русских. Все это мы могли осуществить лишь благодаря хорошему знанию людей, окружающих царствующих особ, противоречий, которые существовали между ними. Благодаря плодотворной деятельности нашего посла и военного агента нам известно, что при дворе российского императора существует несколько антагонистических групп, которые оказывают свое влияние на царя. Вы должны знать, что нам откровенно симпатизируют прежде всего великий князь Николай Михайлович и его окружение, а также министр иностранных дел Сазонов, бывший премьер Коковцев и многие другие. Но особо не обольщайтесь, у русских сегодняшние партнеры зачастую быстро становятся врагами, все зависит от того, кого царь милует в настоящий момент, а кого не жалует. Поэтому всегда и везде, а в России особенно, «держи порох сухим». Только личное расположение царя уберегло однажды нашего Джорджа Бьюкенена от грандиозного скандала, связанного с кражей секретнейших документов русского Генерального штаба. А дело было так, наш морской атташе сумел соблазнить изрядной суммой одного из штабных чиновников и чуть ли не стал обладателем книги морских сигналов русского флота. Операция сорвалась из-за своей излишней самоуверенности морского агента, который, понадеявшись на нерадивость русской контрразведки, не предпринял необходимых мер безопасности и попался в момент передачи денег и документов. Только покровительство царя помогло замять скандал «малой кровью»…

– Я слышал, сэр, что морского агента лишь выслали из России, – показал свою осведомленность капитан, – а вы не знаете, что стало с русским чиновником?

– Его осудили на двенадцать лет каторжных работ!

– Не может быть! – искренне удивился Джилрой. – Значит, если бы не заступничество Бьюкенена, то и нашему моряку грозила бы такая же кара?

– Возможно. Вполне возможно, – выдавил из себя лорд, – а что, это вас пугает?

– Нет, сэр! Я просто должен знать, с чем мне придется столкнуться в случае неудачи.

– Вы правы, сэр. В случае вашей неудачи посол, так же как раньше, уже не сможет прийти к вам на помощь, потому что вы направляетесь в Россию на свой страх и риск. В нынешних, таких непростых для Британии условиях, правительство вынуждено будет отказаться от своих проваленных агентов. Об этом я вас и предупреждаю! – Черчилль налил в рюмки херес и торжественно произнес: – За бойцов невидимого фронта!

Опустошив бокалы, хозяин кабинета и гость помолчали, глядя на язычки пламени, разгорающиеся в камине, после того как Первый лорд Адмиралтейства подкинул туда несколько брикетов спрессованного угля.

– Вот так будет разгораться и война, – многозначительно взглянув на капитана, промолвил лорд, – только топлива побольше подкидывай! Именно поэтому я должен знать, что пред-

примут наши враги, много раньше, чтобы вовремя подкинуть в прожорливое жерло Ареса очередную порцию. Несмотря ни на что, Россия должна завязнуть в этой войне. А значит, мы должны знать об этой стране все! Для того чтобы можно было свободно ориентироваться в довольно сложном механизме императорского двора, вы должны знать не только наших друзей, но и наших злейших врагов. Это прежде всего бывший премьер Витте, который, как я недавно узнал, пытается установить прочные отношения с «царским другом» Григорием Распутиным. Это они пока что поодиночке всячески пытались склонить императора к миру с Германией. Скажу больше, этот необычайно живучий «старец», чуть оправившись от тяжелого ранения, слал царю телеграмму за телеграммой с призывом к миру. Нами перехвачено несколько таких депеш. Я вам прочту только одну из них: «Грозна туча над Россией: беда, горя много, просвету нет, слез-то море, и меры нет, а крови? Слов нет, а неописуемый ужас. Знаю, все хотят от тебя войны. Ты царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Григорий». Представляете, подобные телеграммы чуть было не остановили всеобщую мобилизацию в России. И только личное вмешательство министра Сазонова заставило царя подписать указ о всеобщей мобилизации. Этот мужик оказывает на супругу императора, а через нее и на самого Николая II прямо-таки магическое воздействие. И Бьюкенену сегодня с большим трудом удается сдерживать от пацифистских настроений царя и его семью, в которой главенствующее положение занимает отнюдь не император, а его самонадеянная и эксцентричная истеричка-супруга. Именно поэтому, пока эти два «миротворца», Витте и Распутин, не объединили свои усилия, необходимо их во что бы то ни стало остановить!

– Но это будет нелегко сделать, – задумчиво сказал Джилрой, – как я понял из ваших слов, на очередной заговор надежды мало.

– Да! У нас слишком мало времени.

– Может быть, тогда использовать тактику, которую мы с успехом использовали в ходе «Большой игры»?

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался лорд.

– Когда какой-нибудь князек горского племени противился британскому влиянию и намеревался стать под руку «Белого царя», наши люди под видом ученых брахманов и дервишей рассказывали на всех перекрестках, базарах и в караван-сараях о таком строптивце разные басни, распространяли нелицеприятные картинки с правителем, которые подрывали устои ислама…

– Ну что же, в этом есть резон, – поддержал капитана лорд, задумчиво глядя на разгоревшийся в камине огонь. – Я попрошу моего лучшего друга редактора журнала «Панч» помочь мне в этом деле. У него наверняка есть карикатуристы, которые за деньги и мать свою в объятиях с любовником нарисуют. Я думаю, неплохо бы было запустить серию листовок, в которых царица была бы представлена в объятиях Распутина, а император освещал бы эту оргию свечой…

– Прекрасный сюжет, сэр, – воскликнул Джилрой, – это же просто гениально! Только необходимо завуалировать эти действия так, чтобы прослеживался не британский, а германский след.

– Вот этим вы и займетесь в Петербурге, – заключил Первый лорд Адмиралтейства.

– Но, сэр, а если нам не удастся скомпрометировать бывшего премьера и «друга» царской семьи до такой степени, что они сгинут с политической арены. Что делать тогда?

– Тогда остается последнее средство, – многозначительно взглянул на офицера Первый лорд Адмиралтейства. – Именно поэтому я и выбрал вас, сэр. И знайте, что Британия ждет от вас самых решительных действий для достижения главной задачи – подвигнуть Россию к войне с Германией и Австро-Венгрией и далее делать все от вас зависящее, чтобы русские из этой войны не вышли победителями…

– Но тогда победят боши, – недоуменно произнес Джилрой.

– За годы войны боши потеряют столько людей и материальных ресурсов, что нам останется только протянуть руку, чтобы схватить их за горло. Ослабленные войной Франция, Австро-Венгрия и Турция, не говоря уже об остальных европейских странах, тоже будут для нас легкой добычей, и тогда над всем миром будет гордо реять один-единственный «Юнион Джек»![10]

[10] Так называется в английском флоте имперский флаг.

ГЛАВА V Берлин. Май 1914 г

В начале XX века Берлин был не только самым крупным городом в Германии, но и самым современным, являясь неоспоримым свидетельством прогрессивного духа и энергии германской нации. Кайзер Вильгельм II хотел, чтобы его столица была признана «самым прекрасным городом в мире». Согласно его видению, Берлин должен был стать городом памятников, проспектов, величественных зданий, фонтанов и статуй, возможно, даже статуй его самого. Он страдал от отсутствия в Берлине этих необходимых, по его мнению, элементов прекрасного города. «В Берлине нет ничего, что могло бы привлечь иностранца, за исключением нескольких музеев, замков и солдат», – однажды заметил он. Но кайзер явно лукавил. Знаменитый американский писатель Марк Твен, гостивший у американского посла в Германии за несколько лет до Великой войны, сравнил головокружительный рост Берлина и его жажду всего нового и современного с Чикаго. И в самом деле, перед войной этот город был настоящим генератором инноваций и технологического прогресса, страстно желая обрести статус города мира или «Weltstadt». И для этого были все возможности. Он становился своего рода колыбелью новой на тот момент эры науки, особенно в области физики и медицины. Берлин быстро рос и развивался. Настоящим центром общественной жизни развивающегося Берлина была Унтер-дер-Линден, без преувеличения будет сказать, самая красивая и современная улица города, которая связывала резиденцию кайзера и его ближний дворец. Наверное, поэтому уже во время правления императора Вильгельма здесь были сооружены величественные каменные здания самого различного назначения. Среди них отели «Пиккадилли» и «Эксельсиор». Именно в «Эксельсиоре» кайзер любил устраивать «джентльменские вечера» со своими ближайшими друзьями. А помпезное здание Прусской государственной библиотеки Вильгельм открывал лично. Очередной виток прогресса чувствовался не только на улице, но и в поднебесье. На самых высоких зданиях Унтер-дер-Линден были установлены электрические рекламные щиты, высвечивающие на ночном небе слово «Шоколад». Широкие тротуары были всегда многолюдны, особенно по вечерам. Дамы в роскошных нарядах и в самых немыслимых шляпках прогуливались по улице под руку со знатными и галантными кавалерами. Стайками собирались юные курсистки, с восхищением обсуждая наряды прогуливающихся по бульвару дам. По середине улицы, грохоча, величаво катились трамваи, а между ними неудержимым потоком сновали взад и вперед кареты, скрипучие возки и пароконные пролетки. Распугивая лошадей и пассажиров, с бешеной скоростью, аж до сорока километров в час, проносились авто, обдавая прохожих газолиновым чадом.

Однажды поздним весенним утром по Унтер-дер-Линден проследовал кортеж, состоящий из нескольких «Мерседесов», который возглавлял огромный лакированный «Даймлер» на высоких колесах с тонкими белыми шинами, украшенный миниатюрными императорскими коронами на медных, отполированных до блеска фарах. Снабженный серебряным рожком этот роскошный экипаж то и дело оглашал еще немноголюдную в это время улицу мелодичными звуками «Ти-та-та-те-та!», явно заимствованными из оперы Вагнера «Золото Рейна».

– Наш Великий император спешит из резиденции в свой ближний дворец! – восторженно восклицали лавочники, выбегая из своих магазинов и магазинчиков, и верноподданнически махали руками вслед удаляющемуся кортежу, с удовольствием принюхиваясь к запаху газолинового перегара, оставленного несущимися на огромной скорости авто.

– Да, его величество любит быструю езду, – со знанием дела переговаривались официанты, которые, заслышав клаксон, высыпали из дверей гостиницы «Пиккадилли». Их слова быстро тонули в общем говоре обывателей, которые приурочивали свои утренние прогулки к моменту проезда высочайшего кортежа, по которому можно было сверять время. Кайзер любил точность во всем, кроме своей политики, и выезжал из резиденции не позже девяти тридцати.

– По кайзеру можно проверять время! – вытащив луковицу серебряных карманных часов, провозгласил вышедший из гостиницы добропорядочный бюргер.

– Не пришлось бы в этом кайзеровском времени затягивать ремни, – проворчал угольщик, с ног до головы запорошенный черной пылью, но на него сразу же зашикали со всех сторон лавочники, приказчики, владельцы «гастштедтов», официанты и другие праздношатающиеся по Унтер-дер-Линден, высыпавшие на улицу для того, чтобы еще раз засвидетельствовать личное почтение и восторг своему германскому императору и полубогу.

Неожиданно вслед за высочайшим кортежем в запале верноподданничества рванул посетитель пивного бара, одной рукой придерживая вывалившийся из жилетки пивной животик, другой махая что было сил, стараясь привлечь внимание обожаемого им императора. И ему удалось на какое-то время привлечь внимание кайзера, который, увидев, что его обожатель, неожиданно споткнувшись, растянулся в луже посреди дороги, громко рассмеялся. Что для него падение какого-то там излишне фанатичного немца, ведь он, окрыленный идеей фикс, спешит отдать должное своему новому, страшному и коварному богу – Марсу. И пусть небо, затянутое черными тучами, преподносит берлинцам мрачный, серый весенний день, он безмерно, словно ребенок, радуется и этому дню, и этим восторженным лицам, радостно вскидывающим в приветствии руки и кричащим ему здравицы, и даже распластанному в луже неизвестному почитателю. А все объясняется просто. В середине недели во дворце проходил большой прием, на котором император принимал только соратников по своей пангерманской идее, а также военных и руководителей спецслужб. Никто другой во дворец не допускался, чтобы не дай бог не испортить хорошее настроение императора.

Получив ранним утром от своего адъютанта известие о том, что главный противник и злейший конкурент пангерманистов, владычица морей Великобритания, один за другим потеряла два своих крупнейших корабля, которые сгорели со всеми своими пассажирами и экипажами в открытом океане, кайзер был в особенно приподнятом настроении. И потому, прежде чем оседлать своего любимого конька на долгожданной встрече со своими сподвижниками, чтобы там высказать свои самые свежие мысли и призывы, главные из которых: «…оградить Европейский континент от русских стремлений к мировому господству», «обеспечить культуртрегерскую миссию немцев и австрийцев среди «варварских славянских народов» для последующего сплочения самых черных империалистических сил Европы, Вильгельм решил выслушать сначала доклад начальника разведки Большого Генерального штаба подполковника Вальтера Николаи.

Кайзер вошел в свой кабинет, двери которого как по мановению волшебной палочки бесшумно растворились перед ним. Одновременно в глубине залы часы мелодично начали вызванивать десять.

Вильгельм, позвякивая шпорами, подошел к огромному покрытому зеленым сукном дубовому письменному столу, посреди которого лежала красная папка с бумагами, и с ходу бросил свое тело в мягкую округлость дубового резного кресла с высокой спинкой. Вслед за ним вошел генерал-адъютант и, склонив в полупоклоне голову, приготовился выслушать приказание. Всем своим видом он внушал царедворцам страх и почтение, граничащие с фанатизмом, и потому даже ближайшие к нему генералы старались не пропустить ни одного его слова, ни одного жеста.

Подписав неотложные документы, генерал тут же промокнул их и спешно сунул в руки младшего адъютанта.

– Пригласите ко мне подполковника Николаи, – приказал император и, резко соскочив с кресла, подошел к карте Европы, занимающей половину боковой стены, прикрывающей даже дверцы книжных шкафов, на многочисленных полках которых уместились, наверное, вся мудрость и культура мира. Только так и нетронутые руками Вильгельма искусные переплеты этих книг говорили о том, что ни вся мудрость, ни вся культура мира ему неинтересны. Единственно

потрепанными в этих шкафах были книги Бисмарка, Штибера, брошюры теоретиков пангерманизма Хассе, Класса, Ревентлова, Рорбаха и других. Удивляться этому нечего, поскольку традиции Бисмарка и его «короля шпионов» – Штибера упали на благодатную почву в довольно амбициозной натуре германского кайзера. Пристального наблюдателя удивить могло только одно, то, что в ряду востребованных книг оказалось и Евангелие. Можно предположить, что занятый перекройкой мира кайзер иногда заглядывал туда, но лишь за тем, чтобы найти в текстах христианских апостолов оправдания своим будущим, далеко не христианским поступкам и решениям. Но к своему удивлению, постоянно натыкался на предупреждения сподвижников Христа о том, что в конце концов ждет каждого жаждущего мирового господства на этой грешной и суетной земле…

Еще раз окинув ненавистным взглядом страны Южной Европы, преграждающей путь Германии к теплому морю, кайзер перевел взгляд на другую карту, представляющую восточные границы империи, от Балтики на севере до Анатолийского полуострова на юге, и занявшую почти всю противоположную стену. Заложенная им в основу новой политики пангерманская идея планировала отторгнуть от Российской империи Прибалтику, царство Польское, Украину, Белоруссию и установить над ними германский контроль. Для реализации этой ставшей для Вильгельма навязчивой идеи необходимы были огромные средства. И прежде всего на активную подготовку к войне, милитаризацию страны, строительство грандиозного военно-морского флота и перевооружение сухопутных сил…

«Как мне не хватает советов Филиппа Эйленбурга, – неожиданно подумал он, окидывая вожделенным взглядом необъятную территорию Российской империи, – кто как не он, мой самый близкий друг, когда-то советовал отказаться от похода на Францию и всю мощь германской армии направить на Россию, на примере великого Наполеона доказывая возможность победоносной войны. И при этом мой верный друг уверял, что Англия и Франция и пальцем не пошевелят для оказания помощи русским. Интересно, что скажет на этот счет недавно назначенный мной шефом германской разведки подполковник Николаи…

– Ваше величество, подполковник Николаи ждет вашего вызова в приемной, – доложил генерал-адъютант, оторвав Вильгельма от грустных мыслей о некогда преданном друге и военном советнике, графе Эйленбурге, которого после скандала о гомосексуалистах ему пришлось отправить в вечную отставку.

– Просите! – нетерпеливо приказал он, вновь занимая место за столом.

Прежде чем назначить этого смышленого и достаточно дальновидного офицера на ключевой в Большом Генеральном штабе пост, император долго перебирал досье каждого из кандидатов. Большинство из офицеров разведки были достаточно опытными, результативными и исполнительными, но все они страдали одним недостатком, не видели дальше своего носа. А Вильгельм хотел иметь во главе своей спецслужбы офицера, подобного Штиберу, никогда не стеснявшего себя нормами морали и в то же время искреннего и дальновидного, как Эйленбург. Единственный, кто примерно отвечал этим его жестким критериям, был Николаи, который, несмотря ни на что, стремился внести свой достойный вклад в дело дальнейшего развития разведки и для достижения этой цели зачастую попирал моральные нормы. То, что агенты из разведывательного бюро Николаи при штабе первого армейского корпуса были даже при дворе российского императора, было лучшей ему характеристикой. А о его дальновидности говорил очередной его доклад о необходимости реформирования спецслужбы в преддверии надвигающейся войны. Теперь, когда в подчинении шефа германской разведки находились военные атташе, легальные агенты и шпионские группы в европейских и восточных странах, разведывательные отделы армейских и пограничных корпусов, он должен был знать о потенциальном противнике все, и даже немного больше.

Подполковник Николаи бесшумно проскользнул в кабинет и, по-армейски четко щелкнув каблуками, остановил свой холодный, бесстрастный взгляд на челе кайзера.

– Прошу, – сухо промолвил Вильгельм, указав офицеру место у длинного библиотечного стола, украшенного двумя старинными китайскими вазами. Проследив взглядом за тем, как устроится Николаи, он нетерпеливо спросил:

– Как по-вашему, итоги балканских баталий могут быть нам чем-то полезны? С реакцией европейских бирж на окончание войны я уже ознакомился, так что можете сразу приступать к анализу военных действий.

– Ваше величество, анализируя ход военных действий наших врагов и наших союзников, я хотел бы заострить ваше внимание на двух аспектах. Прежде всего необходимо отметить, что, несмотря на победу в этой войне, значительно ослаблен экономический и военный потенциал возможных союзников России – Сербии, Греции, Черногории, Румынии и Болгарии. Турция, потеряв все свои приобретенные ранее территории, сегодня все больше и больше склоняется к союзу с Австро-Венгрией. Плодотворно работающие в Константинополе наши агенты влияния настраивают правящую элиту Турции на союз с Германией. Думаю, что до конца года этот вопрос будет решен…

– Следующим, немаловажным итогом войны, – продолжал свою мысль Николаи, – являются существенные изменения в способах ведения войны, обусловленные развитием военной техники, в первую очередь повышением мощи огня, дальнобойности и скорострельности артиллерийских систем, увеличением количества пулеметов. Так, у бывших союзников по первой Балканской войне было 474 пулемета, у турок – 556. В ходе боевых действий использовались новые виды оружия и военной техники – самолеты, которые помимо воздушной разведки стали применяться для бомбометания, а также бронеавтомобили и радио. Все это привело к переходу в сухопутных войсках к разреженным боевым порядкам, использованию для укрытий складок местности и окопов, появилась необходимость защиты войск от авиации. Армии развертывались по фронту на сотни километров. В то же время стало очевидно стремление сторон группировать основные силы на главных направлениях. Подтвердилось преимущество манёвренных действий и ударов по сходящимся направлениям, обходов и охватов. Возросшие огневые возможности войск усилили оборону, поэтому важным условием успешной атаки стало создание значительного огневого превосходства над противником. Вместе с тем увеличение прочности обороны усложнило ведение маневровых боевых действий. Усилились тенденции перехода к позиционным формам борьбы. Четко определилось, что для достижения успеха в коалиционной войне необходимо хорошо налаженное стратегическое взаимодействие войск союзников, объединенное единым командованием…

– Ну, это вы хватили, – возразил Вильгельм, – Франц-Иосиф ни за что на свете не позволит нашему Большому Генеральному штабу командовать своими армиями…

– Подобное наблюдалось и в Балканской войне, – согласился Николаи, – когда войска Сербии, Греции, Черногории и Болгарии действовали разрозненно, вразнобой, то терпели одно поражение за другим, пока не объединили свои усилия. Я бы хотел добавить к этому еще один немаловажный факт. По данным агентурной разведки, французский Генеральный штаб всячески подталкивал Россию к вступлению в Балканскую войну, только сильно просчитался. Французы не брали в расчет, что русским тоже была невыгодна победа балканских стран, которая могла создать неблагоприятные условия при решении вопроса о черноморских проливах.

– Даст бог, мы сами решим проблему проливов раз и навсегда, закрыв совместно с Турцией проход для российских судов, и тем самым изолируем Россию от Средиземноморья, – высказал еще одну свою идею фикс император.

– Разрешите продолжать, ваше величество? – спросил Николаи, когда кайзер, повернувшись к нему спиной, проследовал к своему столу.

– Да! Продолжайте, – величественно разрешил Вильгельм, поудобней устраиваясь в кресле.

– Нашим агентам удалось заложить на нескольких крупных британских транспортных кораблях мины с часовым механизмом. Две сработали, в результате чего два британских корабля пошли на дно в Атлантическом океане…

– А Рейтер сообщило, что корабли уничтожены в результате пожаров.

– А что другое это агентство могло сообщить? Ведь владельцы судов сами заинтересованы в таком страховом случае. Они прекрасно знают, что при подрыве Ллойд и компания вряд ли что-либо им возместит. Продолжая морскую тему, я хотел бы сообщить, что в России, на Николаевском, Металлическом, Путиловском и Невском заводах, осуществляется строительство 12 быстроходных миноносцев на базе кораблей типа «Новик». Согласно контрактам, заключенным военным ведомством, корабли подлежат окончательной сдаче в казну летом 1914 года. Морское министерство уже выплатило за каждый корабль по два миллиона рублей. Для контроля за постройкой кораблей на Черном море от Морского министерства назначена наблюдательная комиссия под председательством контр-адмирала Данилевского. Корабли будут снабжены самыми современными паротурбинными двигателями и котлами высокого давления, отапливаемыми только жидким топливом, и будут развивать скорость до 35 узлов. Артиллерийское вооружение миноносцев включает три 102-миллиметровых орудия с длиной стволов 60 калибров. Боеприпасы размещаются в трех артиллерийских погребах вместимостью по 150 патронов. Для подачи патронов погреба снабжены элеваторами с электрическим приводом. Торпедное вооружение: 5 двойных торпедных аппаратов и 13 торпед. Кроме того, миноносец будет способен принимать на борт не менее 80 мин заграждения, не теряя своих мореходных качеств. На базе «Новика» создаются эскадренные эсминцы и другие быстроходные боевые корабли…

– Я постараюсь лично ознакомиться с русским эсминцем из этой серии, – доверительно сообщил император, – скоро русский корабль этой серии должен прибыть в Штеттин для установки наших самых современных паровых котлов и турбин фирмы «Вулкан». Я думаю, русские мне в этом не откажут.

– Господин подполковник, а как осуществляется сбор экономических данных, необходимых нашему Большому Генеральному штабу для подготовки наступления на Францию и Россию? – полистав свой гроссбух, осведомился Вильгельм.

– Нашим агентам и помощникам в России доведен циркуляр Генерального штаба № 2348, по которому германским фирмам за границей предлагается зачислить в штат своих служащих лиц, командируемых Большим Генеральным штабом. Правда, следующим циркуляром мы вынуждены были принять на себя большие расходы, указав, что командируемым лицам значительное содержание выплачивается за счет сумм нашей службы. Таким образом…

– Не стойте за расходами, – прервал Николаи кайзер, – каждая марка, выплаченная агентам, возмещается на поле боя сторицей… Вы, как никогда, обрадовали вашего императора своим подробным и обстоятельным докладом, – после небольшой паузы торжественно промолвил кайзер, – я благодарен вам за хорошую и плодотворную деятельность по обеспечению безопасности Отечества и хотел бы знать, кто эти беззаветные герои, которые, рискуя жизнью, информируют нас о военных приготовлениях противника?

– Ваше величество! Таких героев много, это все ваши верноподданные. Но особо я хотел бы отметить директоров Путиловской верфи – Орбановского, Бауэра, Поля, а также начальника отдела военного судостроения Шилленга и начальника отдела эллингов Летчера, и господ инженеров, и почти всех чертежников, то есть свыше ста работников. Правда, я стараюсь пользоваться их услугами только в крайнем случае. Для получения информации о военных заказах русского военного ведомства мы пользуемся данными русских и германских страховых обществ, с которыми поддерживаем самые тесные деловые связи. Германские общества и банки – по нашей рекомендации, разумеется, – берут на себя риск перестрахования военных кораблей в процессе их строительства. Русская перестраховочная контора «Шварц, Бранд и

К°», общество «Фейгин и Тотин» и другие компании по страховке судов сообщают нам все данные о классе судна, тоннаже, назначении, месте постройки, вооружении и машинах, управлении и тому подобном. И так – до самого спуска на воду, когда страховка прекращается…

– Все это прекрасно, но с началом войны русские скорее всего прекратят сотрудничество с этими страховыми компаниями. Так что на всякий случай продумайте, как сохранить эту систему в ходе войны через нейтральные страны, – порекомендовал кайзер.

– Всенепременно, – услужливо отозвался Николаи, – я уже привлек к этому делу опытных юристов.

– Отменно, отменно, господин подполковник, – благожелательно промолвил император, – представьте мне список особо отличившихся ваших помощников и компании, внесшие большой вклад в добывании вражеских секретов, – добавил он, вставая из-за стола, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

ГЛАВА VI Белгородский уезд. Имение Баташовых. Июнь – июль 1914 г

1

Денис, сын Афанасия – управляющего имением Генерального штаба полковника Баташова, рос не по годам рослым, крепким, любознательным и настойчивым парнем и потому окончил первый курс Белгородского уездного училища с похвальной грамотой. Глянув на гербовую благодарственную бумагу, отец, ласково потрепав сына по голове, задумчиво произнес:

– Помощник мне надобен грамотный, не управляюсь я один с хозяйством-то.

– Я готов помочь, чем смогу, – предложил Денис.

– Мне не временный работник нужен, а постоянный, – строго сказал Афанасий.

– Но, батя, ведь ты же видишь, что выпала мне стезя учиться. Дается мне учение-то. Интересно читать ученые книги, которые дают мне учителя. Да и пользы от дальнейшей учебы будет больше…

– Ладно, там видно будет, – сказал неопределенно отец и больше ни о чем не заговаривал с сыном за всю дальнюю дорогу.

У крыльца Кульневых встретил дворецкий, названный еще отцом барина Евгения Евграфовича в честь бога Аполлона Аполлинарием. С причудами был барин, называя своих крепостных именами главных греческих богов. Выйдя из армии в отставку, он, уподобясь великому Зевсу, управлял своим имением с помощью громов и молний. Эту его манеру в обращении с дворовыми людьми перенял и Афанасий, прислуживавший «громовержцу» в юности.

– Я тут маненько за хозяйством в ваше отсутствие присматривал, – поклонился в пояс дворецкий.

– Небось мужиков-бездельников привечал, вместо того чтобы работы работать. Только и знают, дармоеды, как поменьше потрудиться, да побольше поспать. Да еще к тому же норовят объесть барина-то. Никакой от тебя помощи, – заключил управляющий. Заметив, что явно обиженный Аполлинарий вот-вот рухнет ему в ноги, прося прощения, Афанасий милостливо произнес:

– Ладно уж, прощаю твою нерадивость. Занимайся домом, а хозяйством я сам распоряжусь.

– Вишь, помощничек у меня подрастает. Похвальную грамотку от инспектора народных училищ получил, – с гордостью добавил он, глядя на явно засмущавшегося сына.

– Я хочу поручить твоей заботе контору, – сказал отец, когда они остались одни. – Будешь вести список рабочих да отмечать их рабочие дни, иногда выполнять поручения на почте. Сможешь?

– Да как не смочь! Знамо дело. Я по поручению самого попечителя заполнял классный журнал! Ничего, справился. Однажды он похвалил меня даже.

Потекли длинные, ничем не примечательные дни. Свободного времени у Дениски было много, и он временами скучал по училищной вольнице. Чтобы не терять время даром, ночи напролет запоем читал книги из хозяйской библиотеки. Читал все, что попадалось под руку. О далеких путешествиях, о великих открытиях и, конечно же, о божественной, овеянной сладострастной тайной любви. После встречи с прекрасным, сказочным миром литературы ему особенно трудно было привыкать к обыденной, зачастую жестокой действительности. Особенно тяжелые впечатления производили на него частенько происходящие в конторе сцены. Отец его был человек не злой, но вспыльчивый, гневливый и часто выходил из себя иногда из-за пустяков или из-за неудачного ответа работника. Тогда он, как истинный громовержец, гремел на

весь дом, и всё притихало. Денис мало понимал причины его вспышек. Иногда ему казалось, что рано или поздно и он может попасть под его горячую руку за какой-нибудь пустяк. А этого бы он уже перенести не смог. Хотя еще год назад он мужественно, без звука переносил все отцовские «ременные» наставления. Но если бы тот поднял на него руку сейчас, то еще неизвестно, чем бы все это кончилось. Парень не знал, что бы он в этом случае сделал, но прекрасно понимал, что и морально, и физически он готов дать отцу достойный отпор. Афанасий, в свою очередь, явно чувствуя, что сын его уже не тот мальчишка для битья, на котором можно было сорвать плохое настроение или очередную неудачу, уже не покрикивал на него, как бывало раньше, и тем более не поднимал на него руку.

Однажды отец поручил Денису ответственное, как он сказал, задание – привести в порядок густо заросший травой и осокой сад.

– Со старостой сам договоришься насчет работников, – сказал он в заключение, – скажи, что заплачу каждому по гривеннику в день. Я думаю, что при хорошей работе сад за два-три дня можно в полный ажур привести. Если, конечно, спуску работникам давать не будешь…

Староста направил на работы молодок. Девки, поступившие под командование Дениса, вооружившись тяпками и серпами, перебрасываясь шутками и прибаутками, без всякого понукания принялись за знакомую работу. Видя, что молодухи управляются и без его распоряжений, он сбегал за косой и начал обкашивать центральную дорожку, ведущую к дому. Дело явно спорилось. К вечерне, о которой оповестил колокол на ближайшей церквушке, большая часть сада была очищена от густых зарослей осоки и прилипчивых репейников. А на главной аллее остался лишь невысокий травяной ворс, нежно облегающий задубевшие подошвы босых ног.

– А что, приказной, не пора ли нам до хаты? Темно на двори уже, – подошла к Денису полнотелая девка, оттирая на ходу пот со лба. За ней несмело выходили из сада товарки.

– Скажи-ка, красавица, как звать-то тебя, да подруг своих назови. Мне для ведомости надобно.

– Кличут Хвеклой. Тильки кажу я тэбэ, что у нас билше по вуличному кличат. Вин Катька – курчатка, з ней Варвара – танцорка, а там Стешка – гарбуз, та Галка – хохлушка. Вит и вси мийи товарки.

– Вы неплохо поработали, – похвалил он работниц. – Теперь можно и отдохнуть.

– Неча нам отдыхать-то, в хлевах коровы недойяные, – полоснула парня насмешливым взглядом дебелая, – мы, чать, не дворовы девки.

– А когда же вы отдыхаете?

– В страдну пору неколи отдыхать. Бураки поспевают та картохи. Се год урожа на йаблука. Аграфена-Купальница прийдет, вид тогда трошки и погуляйимо!

– Аграфена-Купальница? – удивленно произнес Денис. – Что-то я о такой слыхом не слыхивал.

– У нас это заместо Ивана-Купалы. Прийиходи к берегу Оскола обривисти, девку там тоби красиву та ладну сосватаем.

Да Иваны, да Купалы,
Пот горамы да скакалы,
Да он девок шукалы,
Да и кашу варилы,
Да и девок скликалы, —

пропела она приятным бархатистым голосом и искренне, зазывно рассмеялась.

– Прийиходи, приказной, уж больно гарны та голосисты у нас в деревне девки. Глядишь, и прийсмотришь себе какую. Мы и на роаботи и на гулайунки, падки! Все молоди, та гладки – шукай любую. – Она широким жестом указала на подошедших к ним краснощеких девок, которые с интересом прислушивались к разговору, то и дело бросая смущенные взгляды на рослого, ладного парня, одетого по-городскому.

– А что, и вправду, вот возьму да и приду! – подмигнул он молодкам, чем ввел их в еще больший конфуз.

– А хлопцев наших не забоишься? – игриво стрельнула взглядом в глаза молодца, разбитная бабенка.

– Волков бояться – в лес не ходить, – смело парировал Денис, пытаясь обхватить необъятную талию игривой толстушки. Та для порядка испуганно ойкнула и бегом припустила к деревне. За ней табунком испуганных пташек упорхнули остальные. Только пятки засверкали.

Через неделю, когда Денис обратился к отцу с просьбой отпустить его в деревню на празднование Ивана-Купалы, тот удивленно на него взглянул:

– Самая страда наступила, сенокос на носу, а ты на языческие игрища собрался…

– Насколько я знаю, это древний народный обычай, который перешел к нам от пращуров. В нем нет ничего противного нашей вере…

– Грамотей какой нашелся. Вот мой сказ – неча по гулянкам шастать! – твердо сказал отец. – Займись лучше «лобогрейками», с прошлой жатвы без присмотра стоят. А любая механизма требует ласки, чистоты и смазки…

– Я все ко времени сделаю, батя! Отпусти только. – В хриплом от волнения голосе сына Афанасий почувствовал незнакомый ему ранее металл.

«Возмужал сынок за этот год, ох как возмужал!» – подумал он, окинув удивленным взглядом его упрямый, широкий лоб, немигающие угольки глаз, играющие под кожей желваки и плотно сжатые губы, готовые в случае отказа выплеснуть ему в лицо горячечные, скоропалительные и обидные слова.

– Хорошо! – сдался Афанасий. – Как управишься с косилками, скажи. Я проверю!

– Спаси Христос, батя! – обрадованно воскликнул Денис, сделав невольное движение, чтобы, как это было раньше, по-детски прижаться к груди родного человека.

– Будя! Будя! Не люблю телячьих нежностей, – сделал шаг назад отец, – только смотри, чтобы тебе там деревенские не накостыляли.

Управившись по хозяйству, Денис, смыв в ручье пот и усталость, надел алую атласную рубаху, новые брюки и мягкие сафьяновые сапожки. Подпоясавшись широким ремнем с медной, надраенной до блеска бляхой, которая в нужный момент могла стать довольно увесистым аргументом в любом, самом нетерпимом деревенском споре, он, весело посвистывая, вышел из ворот имения. До деревни петляла неширокая пыльная дорога, и, чтобы не запачкать свои вычищенные до блеска сапоги, Денис пошел напрямки, через лес. Тропинка, вытоптанная ногами мальчишек, облюбовавшими пологий, усеянный мелкой галькой и песком берег Оскола для купания, вела к броду и далее к околице села.

Немного не доходя до деревенского пляжа, Денис вдруг услышал звонкие девичьи голоса, задорно выводящие:

На нашей горке калына,
На нашей горке калына.
Да там девчонка ходила,
Да там девчонка ходила.
Да цвет малину сбирала,
Да цвет малину ломала…

Он прибавил шагу, и вскоре впереди, сквозь заросли сосняка, заметил проблески огня.

Вскоре в ярком зареве костра Денис увидел необычное дерево, возвышающееся посреди поляны, сплошь разукрашенное гирляндами полевых цветов, разноцветными лоскутками и ленточками, вокруг которого водили хороводы парни и молодки. Девичий смех и визг слышались вокруг, волнуя мужские сердца, наполняя их сладострастной истомой, ожиданием чего-то сказочного, неведомо прекрасного, которое обязательно должно произойти в эту таинственную, колдовскую ночь.

– Калына-малына, где найти мне милова! – кричали девки.

– Калына-малына, кого спымаю, то и она! – отвечали парубки, и хоровод распался. Молодки припустили в лес, хлопцы за ними.

Денис только выступил из лесной тени на поляну, как на него кто-то неожиданно налетел.

– Ой! – воскликнул высокий женский голос. – Царица небесна, кто это здесь шалит?

– Я, Дениска, – ошарашенно произнес парень, не сразу поняв, что невольно стал участником праздничного действа.

– Хто енто там к тоби пристает? – неожиданно раздался ломающийся мужской басок.

– Так ось, приблудився, хто тут, – весело ответила девушка, прячась за спину своего ухажера.

– Ты пошто наших девок хапаешь? – набычившись двинулся вперед парень, но узнав при свете костра в незнакомце сына управляющего имением, нерешительно остановился.

– А я к вам с миром пришел, – нашелся Денис, – меня ваши девки на праздник пригласили.

– А-а-а, ну раз с миром, то смотри и радуйися вместе со всеми, – миролюбиво пробасил паренек, – тильки к нашим зазнобушкам не приставай.

– А що це ти за мене говориш? – неожиданно огрызнулась молодка, – а мобыть «калына-малына» мне другую судьбинушку заказала, – добавила она внимательней разглядывая незнакомца. Девушка повернулась к нему вполоборота, и Денис сразу же узнал в ней Дуняшу – дочь сельского кузнеца, которую когда-то, во время репетиций в церковном хоре, дергал за косички. С тех пор прошло лишь несколько лет. За это время она из худой, голенастой девчонки вдруг превратилась в стройную, круглолицую чаровницу, которая, стрельнув в него угольками светящихся в пламени костра колдовских глазищ, насмешливо бросила:

– Хто мене першим дотроне, того и приголублю, – и тут же исчезла под покровом непроглядной лесной темени.

Денис, краем уха уловив движение беглянки сквозь кусты и густые заросли папоротника и, не разбирая дороги, кинулся следом. Несколько минут он, словно гончая по горячему следу, несся вперед, интуитивно угадывая в темноте каждое движение Дуняши. Казалось, что вот-вот и схватит он молодуху в охапку, прижмет ее к себе насколько хватит сил, но нет, руки хватали воздух, а желанная чаровница, словно тень, вновь и вновь исчезала в колдовском лесу. И только ее звонкий, будоражащий кровь смех раздавался где-то далеко впереди.

Не раздумывая, Денис снова и снова кидался на звук ее голоса, раздирая о сучья атласную рубаху и брюки. От быстрого бега казалось, что сердце вот-вот готово было выскочить из груди, но он, не обращая ни на что внимания, одержимый единственной целью – во что бы то ни стало догнать неуловимую беглянку, летел сломя голову на ее зов. Вскоре перекликающиеся голоса парней и девчат, которые он периодически слышал то справа, то слева от себя, растворились в лесной глуши, и ощущался ему лишь заразительный смех Дуняши.

Сквозь густую крону деревьев внезапно проглянула полнотелая луна, залив млечным светом небольшую прогалину, сплошь заросшую папоротником. Еще колыхались многолистные стебли колдовской травы, указывая путь беглянки. Вскинув взгляд, Денис наконец-то уви-

дел девушку, которая замерла, спрятавшись за развесистой березой, белолицей красавицей, возвышающейся почти на середине поляны.

– Дуня! Дуняша! – позвал он.

В ответ – тишина.

Делая вид, что осматривает в полчеловеческого роста вытянувшиеся к ночному светилу заросли папоротника, Денис все ближе и ближе подходил к заветному месту, где спряталась девушка.

– Огнецвет кабыть шукаешь? – неожиданно вышла из тени Дуняша.

– Уже нашел!

– Багатим стати хочеш? – спросила она.

– Ты мой огнецвет! Ты мой жар-цветок! – несколько выспренно, но искренне воскликнул Денис, приближаясь к ней.

– Много балакаешь ти, як я подивлюся! – охладила пыл его молодка, но, увидев, что парень в нерешительности остановился, топнула ножкой, воскликнув:

– Бери обийцяне, раз догнав!

Приблизившись к девушке вплотную, он почувствовал жар и аромат разгоряченного бегом женского тела, увидел раскрывшийся бутон алых губ. Денис, словно путник, прошедший через безводную пустыню, приник к ее губам, как к неиссякаемому источнику, ощущая свою неимоверную силу и трепет ее ладного женского тела.

– Пусти, охальник, – уперлась она кулачками в его грудь, – получил, что обийцяне, и поди прочь!

– Нежели ты меня не узнала? – отступил на шаг ошарашенный Денис.

– А що ж не дизнатися, дизналася! Дениско ти, управлящего панським маєтком, синку. Доси помятую, як ти мене за коси на церковних хорах тягав…

– Так это же так давно было, – сконфузился Денис.

Девушка звонко рассмеялась.

– Бабы кажут, что косицы с детства привораживают. Мабуть правду кажуть, не брешут, – примирительно сказала она, но, заметив, что Денис пытается ее обнять, строго добавила:

– Тильки ти особливо руки-то не розпускай!

– Нравишься ты мне, Дуняша. С тех пор еще. Ведь не зря же я тебя за косы тягал. Еще тогда хотел, чтобы ты обратила на меня внимание…

– Пийшли до вогнища, скаженный. Мабуть, зачекалися нас там.

Но прежде чем направиться к костру, откуда в глубь леса изредка долетали слова хороводных песен, девушка принялась под млечным лунным светом собирать цветы, рясно усыпавшие поляну. Через несколько минут она сплела венок и ловко накинула его на голову Дениса.

– Здается мэни, что тепер все по правилам, – задумчиво сказала она и уверенно направилась в сторону доносящихся издалека голосов.

Як пишли девочки в лес по ягодочки.
Калына моя, малына моя ягода червон.
Як у тому дворе, дай волки завыли.
Калына моя, малына моя ягода червон.
Як купався Иван, дай у воду упав.
Калына моя, малына моя ягода червон…

Услышав эту песню, Дуняша заволновалась.

– Пийшли швидче. Сичас станут «калыну-малыну» топити на ричке, а потим стрибати через огнище.

Когда Денис да Дуня вышли на луг, там уже во всю шла потеха. Разобравшись по парам, парни и девчата очищались огнем. Слышался мужской смех и повизгивание девок, которые, задрав юбки, смело преодолевали пламя, тем отгоняя от себя нечистую силу.

Кто-то из мужиков пытался перепрыгнуть костер с зазнобой на руках. Редко у кого это получалось, и потому большинство парней от этой затеи скоро отказались.

– Що ж ви, хлопци, зовсим знесилили, – подперев руки в бока, задорно прокричала Фекла, молодка, пригласившая Дениса на игрища, – невже не знайдеться смиливця мене через вогонь перенесть.

– На твою стать, Хвекла, еще мужик не народился, – крикнул кто-то из парней, вызвав среди участников забавы безудержный смех.

– Ось так завжди, як робити, так Марфа – в перших, а як на руках пронести, та приголубити, так серед останних. Мало того, виявляється, за мойими статями мужик ще не родився, – беззлобно рассмеялась Фекла.

– А что, – сказал решительно Денис, – попытка не пытка!

Подхватив на руки Дуняшу, он стремглав бросился к костру и, резко оттолкнувшись ногами от земли, взмыл вверх, оставив пламя костра далеко внизу.

Все и ахнуть не успели, как смельчак со своей прекрасной ношей в руках приземлился почти у самой кромки воды, почти по щиколотки войдя в песок своими сапожками.

– Ой, – только и успела пискнуть Дуняша, крепко-накрепко прижавшись к груди своего избранника…

ГЛАВА VII Киль – Берлин. Июль 1914 г

1

Бело-золотая яхта кайзера Вильгельма II «Гогенцоллерн» водоизмещением 4000 тонн величаво качалась на волнах, поднятых свежим нордом, у входа в Кильскую бухту. От того что плуг форштевня яхты выступал вперед, а две ее трубы и мачты были чуть склоненные назад, казалось, что она, даже стоя на якоре, несется по волнам, наперегонки с многочисленными яхтами, прибывшими со всех концов света для участия в международных гонках парусников, посвященных традиционному празднику германских мореходов – Кильской неделе. За последние несколько лет кайзер не пропустил еще ни одного состязания, во время которых не только удовлетворял свой спортивный интерес, но и запросто встречался с иностранными государственными и политическими деятелями. Вот и на этот раз его приглашения были направлены французскому премьеру Бриану и британскому лорду адмиралтейства Черчиллю. Накануне император узнал, что Бриана среди почетных гостей Кильской недели нет. Это испортило ему настроение, и теперь он искал, на ком бы сорвать свое недовольство. Под руку подвернулся подполковник Николаи, который только что прибыл на паровом катере к утреннему докладу.

– Ваше величество, в Сербии уже в ближайшее время может произойти непоправимое… – с ходу огорошил кайзера шеф германской разведки.

– Что вы имеете в виду? – недовольно проворчал кайзер. – Что такое могло произойти в Европе, пока я путешествую?

– Ваше величество, Балканы вновь сотрясают Европу, – невозмутимо продолжал Николаи, – аннексия Боснии и Герцеговины провоцирует резкий рост радикально-националистических настроений среди местных сербов и части мусульман, которые создали националистическую организацию «Млада Босна», стоящую на радикальных националистических позициях. Боснийских радикалов поддерживали и поддерживают ультранационалистические круги в самом Белграде. Центром и движущей силой этих кругов являлась тайная организация сербских офицеров «Черная рука» во главе с руководителем сербских спецслужб полковником Драгутином Дмитриевичем. Главной целью этой организации является объединение всех сербов в рамках единого государства и создание Великой Сербии. «Черная рука», или другое ее название – «Объединение или смерть», является тайным обществом и очень хорошо законспирирована. Ее члены придерживаются террора по отношению к «противникам сербской идеи», к которым они относят высокопоставленных представителей австро-венгерской монархии. С момента создания этой организации по сегодняшний день руководителями «Черной руки» было организовано шесть покушений на видных сановников Австро-Венгрии…

– Но почему же Франц-Иосиф бездействует? – удивленно воскликнул император. – У меня они уже давно в назидание другим болтались бы на виселице!

– Насколько мне известно от моего коллеги, шефа австро-венгерской разведки полковника Урбанского, они прекрасно осведомлены о террористических делах и планах «Черной руки» и ведают немало «секретов» сербских националистов. Урбанский только мне лично по секрету сообщил, что против эрцгерцога замышляется покушение. В июне австро-венгерским Генеральным штабом запланированы крупномасштабные учения двух армейских корпусов в Боснии, на которых обязательно будет присутствовать наследник. Зная об этом, националисты из «Млада Босны», не без основания решив, что эти маневры явятся подготовкой к нападению на Сербию, вынесли эрцгерцогу Францу-Фердинанду смертный приговор как главному врагу славянства…

– Опять эти славяне жаждут крови, – негодующе произнес кайзер, – и что же Вена на это ответила?

– Когда об этом сообщили императору Францу-Иосифу, он просто не поверил в возможность покушения на наследника престола. Приказал истерии не раздувать и не лезть в «это славянское осиное гнездо» до его особого распоряжения. Единственное, что предпринял император в ответ на это предупреждение, – перенес учения на июль…

– Вы считаете, что покушение на Франца-Фердинанда при попустительстве сербского правительства возможно? – спросил озабоченно Вильгельм.

– Вполне! Вы же знаете, как сербы в 1903 году жестоко расправились со своим собственным монархом – король Александр Обренович и королева были выброшены из окна своего дворца. По имеющимся у меня сведениям, сербские власти прекрасно знают о решении националистов и не одобряют их действий. Сербский посланник в Вене предупредил австрийского министра Билинского, в ведении которого находились территории Боснии и Герцеговины, о готовящемся заговоре, но и это предостережение было оставлено без внимания.

– Значит, вполне возможно, что casus belli мы будем иметь уже в ближайшее время, – задумчиво произнес кайзер.

– Повод к войне? – ошарашенный неожиданным предвидением императора, воскликнул Николаи. – Теперь я понимаю, почему император не стал реагировать на предупреждения о возможном покушении на Франца-Фердинанда…

– Если покушение произойдет, то престарелый император убивает сразу двух зайцев, – хитро улыбнулся кайзер, – устраняет единственного наследника, назначение которого было ему навязано, и получает повод для нападения на Сербию!

– Но, насколько я знаю, ваше величество, – сказал Николаи, – австрийский канцлер Берхтольд против конфронтации с Сербией, больше того, он выступает за союз с Россией…

– Да, я знаю об этом, – отозвался император, – недавно на охоте в поместье Франца-Фердинанда, Конопиште, у нас зашел разговор об этом. Берхтольд сказал, что он за возрождение Тройственного союза Германии, Австрии и России и считает разумным привлечь к нему англичан. В ответ на это я был вынужден признать, что после смерти Александра III перед ними уже другая Россия, ею правят совсем другие люди, а окружение моего друга Ники спит и видит, как бы напасть на Германию и нанести нам поражение. Поэтому меня ныне не столь уж волнует проблема, что станется с монархическими принципами, которые мне всегда были дороги. И мне все равно, что случится с Россией, раз она отдалилась от Германии. Эти мои слова поддержали Мольтке и даже мой новый канцлер Бетман, ревниво оберегающий европейский мир. Мне кажется, что Франц-Иосиф рекомендовал своему главе правительства узнать мою позицию по Балканам и России, в частности. Я прямо сказал Бертхольду, что Австрия просто потеряет свой престиж мировой державы, если не предпримет жесткую акцию против выходящих из повиновения сербов. Если обстановка ухудшится и мирным путем Сербию утихомирить не удастся, то надо применить свою силу. Конечно, я не призывал наших союзников к войне, но всему есть предел. В конце концов, может возникнуть такая ситуация, при которой великая держава не может ограничиться ролью наблюдателя, а должна взяться за меч. Думаю, что Бертхольд довел мою мысль до Франца-Иосифа.

– Но если Вена направит свои войска на Белград, тогда за своих славянских братьев, обязательно заступится Россия, – воскликнул Николаи, – не останутся в стороне Франция и Англия!

– Англии и Франции только того и надо, чтобы любым путем ослабить Россию, втянуть ее в локальную или общеевропейскую войну! – уверенно промолвил кайзер. – Я уже раскусил большой политес этого Тройственного союза. И прекрасно знаю, что если мы в случае нападения русских на Австро-Венгрию заступимся за нашего союзника, то европейское общественное мнение, конечно же, будет на нашей стороне.

– Но, ваше величество, это же полное отступление от плана Шлиффена, – удивленно промолвил Николаи…

– Я уже заранее дал указание Мольтке разработать план на случай войны только с Россией, – многозначительно взглянув на разведчика, как уже о решенном деле промолвил император.

Только теперь Николаи понял, для чего начальнику Большого Генерального штаба месяц назад так срочно понадобились все последние разведывательные данные по России.

– Пока мы не нападем на Францию, британский лев будет сидеть на своем острове и ждать, пока мы вместе с Австро-Венгрией не загоним русского медведя в его сибирскую берлогу. Потом, пополнив за счет русских свои ресурсы, мы поочередно разделаемся сначала с Францией, а затем и с Англией, и тогда на всем континенте наконец-то восторжествует наш прусский орел. Так что, господин подполковник, для вас наступают особенно напряженные дни…

– И ночи, – добавил Николаи и возбужденно взмахнул головой, словно застоявшийся в яслях кавалерийский конь, заслышав тревожный сигнал горниста. – В течение месяца я подготовлю план широкой политической операции на Восточном фронте. Чтобы не только немцы, но и вся Европа знала о том, что больше всех в будущей войне заинтересованы русские, а мы всего лишь намерены выполнять союзнические соглашения…

– Но обладает ли Россия ресурсами, необходимыми для нападения на Австро-Венгрию в нынешнем году? – неожиданно спросил император. – На недавнем совещании Мольтке доложил мне, что русские не только готовы к войне, но и планируют на нас напасть!

– Нет! – уверенно заявил Николаи, почувствовав в голосе кайзера сомнение, которое навело его на мысль сделать последнюю попытку и хотя бы оттянуть начало неминуемой войны. – Российская программа вооружения и железнодорожного строительства рассчитана до 1916 года и не выполнена даже наполовину…

– Да-а, у нас тоже слишком мало железных дорог на Западном фронте, у границ с Францией, – сделал свой неожиданный вывод кайзер и, немного подумав, категорически заявил: – Как солдат, я придерживаюсь того взгляда, который находит подтверждение у всех моих военных советников, сходящихся в одном, что не может быть ни малейшего сомнения в том, что Россия ведет систематическую подготовку к войне против нас. С этого момента с российско-прусской дружбой покончено раз и навсегда! Мы стали врагами. И теперь, чем ждать нападения русских, не лучше ли ударить первыми?

Зациклившись на мысли, что рейху грозит упадок и гибель, если он не одержит победу в тотальной войне, кайзер и его Большой Генеральный штаб фанатично вели Германию к войне. Николаи не оставалось ничего, кроме как с сожалением согласиться с его воинственными словами. И потому выходил он из кабинета императора с низко опущенной головой, ничего не замечая вокруг. Не обращая внимания на легкие суденышки, которые, распустив свои белоснежные паруса, бесшумно скользили по взволнованной нордом глади залива, Николаи поспешил к дожидавшемуся его у выстрела[11] императорской яхты катеру. Он уже хотел перешагнуть через борт, когда его остановил вахтенный офицер.

– Господин подполковник, его величество император приглашает вас на обед, – торжественно объявил он.

Несмотря на всю напряженность внешнеполитической обстановки, которую шеф германской разведки ощущал, можно сказать, физически (у него с утра в предчувствии чего-то страшного, непоправимого щемило сердце), и огромного потока информации, которую необходимо было срочно проанализировать, он не мог отказаться от приглашения кайзера.

---

[11] Выстрел – рангоутное дерево или металлическая балка, прикрепленные к борту судна шарнирным соединением. В отведенном от борта положении служит для постановки и крепления шлюпок и катеров во время якорной стоянки судна, а также для посадки людей в шлюпку.

Небольшая облачность предвещала жаркий и солнечный день, и потому экипаж судна заранее растянул над креслом, больше похожим на трон, парусиновый полог. И вовремя, потому что вскоре на палубу в сопровождении флаг-офицера вышел сам император. Черный адмиральский мундир плотно облегал его полное тело, правая, здоровая, рука в белоснежной лайковой перчатке твердо сжимала цейсовский бинокль, левая, сухая, была заложена за спину. Удобно устроившись в кресле, Вильгельм с явным удовольствием стал наблюдать за гонками. Флаг-офицер, стоя рядом, со знанием дела что-то объяснял ему, указывая на вырвавшиеся вперед яхты.

Заметив стоявшего на самом солнцепеке Николаи, кайзер жестом указал ему место около себя. Флаг-офицер, предвидя интерес подполковника к регате, протянул ему бинокль. Но к его удивлению, тот, вместо того чтобы любоваться легкими и быстроходными судами, спешащими к финишу, начал тщательно и скрупулезно осматривать окрестности, словно там могли затаиться потенциальные враги кайзера и империи. И вскоре нашел их. В виде двух британских дредноутов, которые грозно чернели мористее, в северной части залива. Николаи знал, что среди почетных гостей кайзера на регате присутствовал Первый лорд британского Адмиралтейства Уинстон Черчилль, и потому, не задерживаясь на военных кораблях, перевел бинокль поближе к берегу. Ему на глаза сразу же попали десятки парусных судов и суденышек, которые летели по волнам наперегонки. Напротив Фридрихсортенского маяка яхты делали поворот и устремлялись к финишу, обозначенному оранжевым буем, болтавшимся на волнах между «Гогенцоллерном» и причалом у входа в канал.

Впереди на всех парусах неслись две британские яхты. Это вызвало у кайзера явное недовольство.

– Ферфлюхте хуре! – проворчал он. – Вновь эти несносные англичане хотят отобрать у нас главный приз! – и, негодуя, добавил: – Проклятый лорд, сначала выражал желание быть приглашенным на Кильскую неделю, а теперь хочет увильнуть от встречи со мной. Но, ничего я достану его и на дредноутах, – грозно промолвил он.

Склянки отбили три часа пополудни. Николаи, не обращая внимания на ворчание императора, оторвав взгляд от регаты, продолжал осматривать прибрежную акваторию. Его сразу же заинтересовал паровой катер, который бесстрашно пересек курс приближающихся к финишу яхт и вскоре подошел к выстрелу «Гогенцоллерна». Какой-то офицер, явно генштабист, чтобы привлечь к себе внимание и получить разрешение на швартовку, отчаянно махал над головой руками.

Флаг-офицер сразу же доложил об этом кайзеру и увидел, как тот недовольно шевельнул левой рукой, давая знать, чтобы его оставили в покое.

Но настойчивый офицер, несмотря на полученный отказ в швартовке, начал махать над головой какой-то бумажкой, но видя, что и это не вызывает у приближенных императора особого интереса, он вложил бумагу в свой портсигар и метнул его на палубу прямо к ногам кайзера. Император запоздало дернулся, словно это был фугас. Но флаг-офицер успел закрыть портсигар своим телом.

Николаи, на глазах у которого все это произошло, подошел к морскому офицеру и помог ему подняться, а заодно и поднял злополучный портсигар.

– Какая неслыханная дерзость! – возмутился император и собрался было уже наказать назойливого генштабиста, посмевшего оторвать его от регаты, но Николаи, раскрыв портсигар, вытащил оттуда бланк срочной правительственной телеграммы, на которой было всего лишь несколько слов, которые на долгие годы взорвали европейский мир:

«Три часа тому назад в Сараеве убиты эрцгерцог и его жена».

Шеф германской разведки, несмотря на то что сам только что предупреждал императора о возможном террористическом акте по отношению к эрцгерцогу Францу-Фердинанду, побледнел и, протягивая телеграмму кайзеру, глухо произнес:

– Свершилось…

Прочитав телеграмму, кайзер сначала побледнел, а затем побагровел, но, не теряя самообладания, чуть слышно промолвил:

– Казус белли! – И уже громче, окинув своим проницательным взглядом Николаи, добавил: – Теперь все придется начинать с начала!

2

Июль 1914 года выдался необычно жарким, и Европа, чуть погоревав о трагическом происшествии в Сараеве, теперь самозабвенно нежилась под лучами солнца на морских курортах и на загородных виллах, весело проводила время в парках и ресторанах, выезжала по выходным на природу и отдавала должное синематографу и кафешантанам. Только европейские политики, дипломаты и военные, проявляя невиданный энтузиазм, днем и ночью корпели над новыми мобилизационными планами, потому что прежние не соответствовали настоящим реалиям и в большинстве своем из-за продажности чиновников и результативной работы тайных агентов находились в руках врагов. Довольно заметная суета на Вильгельмштрассе, Кэ д'Орсе, Даунинг-стрит и Певческом мосту вызывала у обывателей лишь недоумение и страх, который постоянно подогревали средства массовой информации. Руководители внешнеполитических ведомств Германии, Франции, Англии и России, не поспевая за слишком часто меняющимся настроением глав государств, лихорадочно обменивались телеграммами с коллегами и своими послами, то ратуя за мир, то резко обостряя отношения между странами.

Германский статс-секретарь по иностранным делам Ягов стал теперь в Потсдамском дворце чуть ли не каждодневным спутником кайзера. С раннего утра, когда император делал гимнастику, Ягов докладывал ему последние политические новости, а во время его прогулки в Тиргартене, чтобы развеселить монарха, рассказывал ему анекдоты о чопорных англичанах, мужиковатых русских и распутных французах. В 11 часов уже с полным правом он представлял доклад по полной форме, с анализом внешнеполитической обстановки и своими предложениями, с которыми кайзер соглашался довольно редко. Но перед тем как уделить должное внимание советам и рекомендациям своего статс-секретаря, он обязательно консультировался с шефом разведки Николаи.

Вот и вначале июля, когда большинство дипломатов и генералов, за исключением военного министра Фалькенгайна, который не верил в победу, всячески подталкивали императора к реализации плана Шлиффена, он вызвал к себе Николаи и с ходу огорошил его вопросом:

– Вы можете сказать мне однозначно: вступит в войну Англия в случае реализации нами плана Шлиффена? Перед запланированным мной Коронным советом, на котором будет принято окончательное решение, я бы хотел выслушать ваше мнение на этот счет.

– Наш лондонский военный агент утверждает, что король Георг V не желает войны…

– Да! Об этом же меня уверяет и Лахновский, – нетерпеливо перебил разведчика кайзер, – я всегда считал, что противоречия между Великобританией, с одной стороны, и Россией и Францией – с другой, гораздо значительнее, чем противоречия между Германией и Россией и даже Францией…

– Но, ваше величество, это уже давно не так. На самом деле экономические противоречия между нашими странами стали сильнее, чем некогда наше общее стремление воспрепятствовать русской экспансии в Азии и на Балканах. Сегодня немецкие товары успешно вытесняют английские не только на Востоке, но и на рынках России, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Румынии, Турции и других стран. В настоящее время особенно обострилась конкуренция английских и немецких банков за сферы вложения капиталов в странах Латинской Америки и Дальнего Востока. Все это не может не сказываться на внешней политике этой страны. Поэтому я бы не особо доверял высказываниям британских политиков. Даже тот факт, что в ответ на

ваше дружественное приглашение принять участие в парусной регате Первый лорд Адмиралтейства Черчилль прибыл отнюдь не на яхте, говорит о многом…

– Вы правы! Он явно хотел продемонстрировать своими дредноутами силу британского флота. А это уже явно не дружественный жест, а скорее наоборот.

– Если Англия задумает принять участие в войне на стороне Франции, – после небольшого раздумья решительно воскликнул император, – я зажгу мировую войну, которая потрясет весь свет. Я подниму весь ислам против Англии, и султан мне обещал свою поддержку. Англия может уничтожить наш флот, но у нее кровь будет сочиться из тысяч ран.

«Для кого он это говорит? – подумал Николаи. – Ведь рядом никого, кроме меня и генерал-адъютанта». Но заметив, что тот что-то старательно записывает, все понял. Кайзер так бескомпромиссно и грозно говорил не для него, а для истории.

После слов, сказанных в высоком запале, с лихорадочным блеском в глазах, взор императора вдруг померк. Медленно и тяжело ступая, он подошел к Николаи и, доверительно глядя ему в глаза, неожиданно заметил:

– Но не могу же я упустить случай, который ниспослало благожелательное к германской нации провидение. Что же делать?

– Если Англия вопреки всем своим заверениям все-таки захочет принять участие в схватке, то большую войну придется отложить на другой раз, – попытался еще раз отсрочить начало войны Николаи, – к тому времени, когда мы создадим более мощный флот и сумеем поссорить Альбион со своими нынешними союзниками.

– Фалькенгайн тоже не верит в победу, – обреченно произнес кайзер, – разбить Францию за шесть недель – за пределами возможного, даже нашей, лучшей в мире армии, и поэтому он считает, что самое большее, чего можно добиться на западном театре военных действий, это лишь избежать поражения. Может быть, начать сначала поход на Восток? – неуверенно произнес кайзер, ни к кому не обращаясь.

Николаи понял, откуда у императора такая нерешительность. Перед поездкой в Потсдам он навестил военного министра Фалькенгайна. В откровенной беседе с ним генерал, говоря о неизбежности войны, сказал, что предложил императору программу наступления на западном театре военных действий. Фалькенгайн предупредил его, что старые вояки, генералы Гинденбург и Людендорф, на счету которых были самые громкие победы германского оружия, предложили свой план военной кампании, намереваясь реализовать план Шлиффена «наоборот»: вначале разгромить русских, а затем приняться за французов.

Именно поэтому, еще ничего для себя не решив, кайзер метался между двумя враждебными лагерями, невольно возникшими в Большом Генеральном штабе, не зная, к какому из них примкнуть.

– Ваше величество, существует третий вариант решения европейского вопроса, который может ограничиться локальным конфликтом, – предложил Николаи.

– Что вы имеете в виду?

– Надо подтолкнуть нерешительных австрийцев, чтобы они сделали первый шаг, оккупировали Сербию и остальные Балканы, не ожидая ответа сербов на свой ультиматум…

– В этом есть рациональное зерно, – прервал кайзер размышления шефа разведки, – сейчас или никогда… с сербами надо покончить, и побыстрее. Судя по нынешнему состоянию дел, русские никоим образом не готовы к войне и должны будут дважды подумать, прежде чем призвать свой народ к оружию, для того чтобы оказать помощь славянским государствам. Мы же, для того чтобы подтолкнуть Австро-Венгрию к решительным действиям, должны продемонстрировать своим союзникам «верность нибелунгов. Надо дать понять Францу-Иосифу, что германские интересы требуют сохранения сильной Австрии, и Германия ни за что и никогда не покинет Австро-Венгрию в эти тяжелые времена. Все это я выскажу на Коронном совете, –

посветлел лик кайзера, ненадолго вышедшего из своего обычного состояния испуганной нерешительности.

– Но, ваше величество, по-моему, еще рано принимать какие-то определенные решения. Не лучше ли ограничиться простым совещанием в кругу императорской семьи, а также ваших ближайших советников и военных, без оформления протоколов. Ничто не должно раньше времени раскрывать ваши великие намерения. Ведь кардинальные изменения как в политике, так и в экономике могут произойти каждый божий день. И история не простит вам скоропалительных решений.

Кайзер с некоторой долей скептицизма слушал возражение своего главного шпиона, но последние его слова попали на благодатную почву, и он, величественно пожав плечами, высокопарно изрек:

– В истории остаются только великие дела! – И после небольшой паузы добавил: – Я подумаю над вашими словами.

Через несколько дней Николаи, получив официальное приглашение в Потсдамскую резиденцию кайзера, направился на очередную аудиенцию, прихватив на всякий случай с собой самые последние аналитические заключения и прогнозы. Встретив авто шефа разведки перед дворцом, флигель-адъютант сразу же сопроводил его не в приемную кайзера, как обычно, а в довольно прохладную, несмотря на жару, Мраморную галерею своего нового дворца. Выходившие в парк огромные окна были распахнуты настежь, пропуская внутрь прохладный воздух, смешанный с тонким ароматом деревьев и цветов. Недалеко от галереи с самым равнодушным видом прохаживались офицеры из личной гвардии императора. Вокруг царили тишина и мрачная торжественность.

К полудню в галерее собрались самые близкие родственники и советники императора. Принц Генрих Прусский и кронпринц Вильгельм с величественным видом прогуливались по галерее, о чем-то вполголоса разговаривая. У окна что-то шепотом обсуждали канцлер фон Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов. Статс-секретарь по военно-морским делам адмирал фон Тирпиц что-то решительно доказывал начальнику Большого Генерального штаба фон Мольтке, а тот, в свою очередь, апеллировал к главе военного ведомства фон Фалькенгайну, яростно доказывая военному министру, что армия по вине правительства еще не готова к ведению войны на западном театре военных действий и тем более на Востоке. Эти упреки Мольтке Николаи слышал уже не раз, прекрасно понимая, что генерал заранее пытается отвести от себя ответственность за будущие поражения германской армии, стараясь свалить все на нерасторопность правительства и военное министерство, в частности.

– Господа, – негромко произнес генерал Фолькенгайн, чтобы слышали только офицеры Генштаба, окружающие его, – сегодня нам предстоит решить кардинальный вопрос, где начинать войну, на западе или на востоке, так что не будем забивать свои головы текущими проблемами, которые можно решить и в рабочем порядке…

Услышав знакомый, серебристо-малиновый звон шпор императора, появившегося с последним ударом напольных часов, отбивших полдень, в Мраморной галерее в полной полевой кавалерийской форме, с боевым палашом, Фолькенгайн повернулся лицом к монарху и замер в положении смирно. Его маневру тут же последовали остальные офицеры и члены императорской фамилии.

Кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн, величественно кивнув головой, занял место во главе стола, в кресле, украшенном резным золоченым гербом империи. Только после этого все участники совета заняли подобающие рангу места.

– Статс-секретарь фон Ягов! – обратился кайзер к министру иностранных дел. – Прошу высказать ваше мнение о теме сегодняшнего совета!

– Ваше величество! Ваши высочества! Ваши высокопревосходительства! Господа! – обратился фон Ягов к присутствующим. – Сегодня мы должны решить определенно, готова ли

Германия к войне, и окончательно определиться, куда направить наши железные дивизии, на восток или на запад? Прошу высказывать свои мнения.

Первым взял слово начальник Большого генерального штаба фон Мольтке:

– Ваше величество, господа, война неизбежна! – с ходу возбужденно заявил он. – Больше того, война просто необходима. Латинская раса уже давно миновала пору своего расцвета, а англичан и галлов интересуют лишь корысть и распутство, только германская раса способна влить свежую кровь в дряхлеющее тело Европы, и будущее европейской культуры теперь во многом зависит от Германии…

– Ближе к теме и покороче, – подал недовольный голос кайзер.

– Сегодня Генштаб больше всего озабочен расширением российских железных дорог на запад, – уже менее пылко продолжал фон Мольтке, – одновременно русские наращивают свой военный потенциал на наших восточных границах. Российская программа вооружения и железнодорожного строительства представляет собой не что иное, как подготовку к большой войне, которая, по прогнозам российского Генштаба, должна разразиться в 1916 году. Русские не готовы к войне. При таком стратегическом раскладе через год-два мы не просто сможем дать достойный отпор русским. Поэтому я предлагаю осуществить упреждающий удар на Востоке…

Предложение начальника Генштаба было встречено напряженным молчанием, все смотрели на императора, который, подперев подбородок здоровой рукой, отрешенно глядел в окно.

– А что скажет на это наш военный министр? – перевел он свой взгляд на фон Фалькенгайна.

– Ваше величество, господа, сейчас в Европе нет противной нам силы, готовой к войне. Поэтому я придерживаюсь программы, которая состоит из трех элементов: массированного наступления на Западном фронте, подводной войны с целью подрыва английской торговли и сепаратного мира на Востоке…

– Да, я знаком с вашей программой и в основном поддерживаю ее как глава Великой германской империи, – удовлетворенно промолвил кайзер, – но как солдат я придерживаюсь того взгляда, который находит подтверждение во всех поступающих ко мне донесениях и который сводится к тому, что не может быть ни малейшего сомнения в том, что распутные французы с их богопротивной республиканской системой, при которой у них никогда не будет обученной армии и хорошего флота, долго не продержатся, а русский медведь, если он полезет на защиту своих склочных братьев-славян, будет очень долго запрягать, и мы сможем повернуть против него наши железные корпуса, освободившиеся после разгрома Франции…

Николаи ужаснулся. Он прекрасно понимал, что за шесть недель, которые, согласно плану Шлиффена, отводились для полного уничтожения французской армии, никакая, даже самая сильная армия в мире, просто не сможет поставить французов на колени и заставить капитулировать. А раз так, то Россия будет иметь достаточно времени, чтобы отмобилизовать свою армию, и, верная союзническому долгу, двинет свои войска на Запад. И тогда Германия будет вынуждена воевать на два фронта.

Он уловил искреннее недоумение на лице генерала Фалькенгайна и думал, что тот возразит, объяснит императору опасность войны на два фронта. Но военный министр промолчал. Остальные радостно приветствовали мудрое решение императора, мнившего себя вторым Наполеоном.

Здесь же канцлер и ближайшие советники рекомендовали кайзеру не отменять свою обычную «северную экспедицию» на яхте «Гогенцоллерн» по норвежским шхерам, иначе в Европе могут подумать, что война на пороге.

После окончания совещания Вильгельм II пригласил всех на обед.

Кроме участников совещания, на обеде присутствовал и австрийский посол Сегени.

Перед тем как провозгласить тост за императора Австро-Венгрии, кайзер, заверив дипломата в том, что Германия поддержит австрийского императора в самых решительных действиях по отношению к Сербии, отметив при этом:

– Судя по нынешнему состоянию дел, русские никоим образом не готовы к войне и поддержать оружием своих братьев-славян просто не смогут. Вы можете передать мои слова императору Францу-Иосифу о том, что Германия не покинет ее в эти тяжелые времена. Европе нужна сильная Австрия, а Германии нужен сильный союзник.

– За нашего союзника, австрийского императора Франца-Иосифа! Прозит!

Зазвенел богемский хрусталь, и польщенный вниманием кайзера посол, подождав, пока лакеи вновь наполнят бокалы шампанским, восторженно произнес:

– Позвольте мне от имени народа Австро-Венгрии и императора Франца-Иосифа выразить вам, ваше величество, искреннюю благодарность за заботу о нашей многострадальной стране и поднять бокал за истинного последователя нибелунгов, который никогда не оставит своих друзей и союзников в беде. За вас, ваше величество!

Перед отъездом в Киль, где стояла яхта «Гогенцоллерн», Вильгельм провел совещание с военными, чтобы выяснить степень готовности вооруженных сил. Услышав бодрые отзывы своих генералов, кайзер с легкой душой выехал на побережье. Наступил сезон отпусков, и вслед за кайзером по курортам и своим летним поместьям разъехались его приближенные. Тирпиц отправился на швейцарский курорт Тарасп, получив указание не возвращаться досрочно, чтобы не возбуждать нежелательных слухов. Мольтке был на водах в Карлсбаде, Бетман-Гольвег в своем Гогенфинове. Ягов проводил медовый месяц в Люцерне, генерал-квартирмейстер Генштаба отправился хоронить тетушку. Только Вальтер Николаи, верный своему долгу, остался в Берлине, для того чтобы успеть до начала неминуемой войны спешно насадить свою тайную агентуру не только на Востоке, но и на Западе.

3

– Во что бы то ни стало необходимо всеми имеющимися информационными средствами создавать стойкое общественное мнение, не только оправдывающее будущую войну, но и призывающее с оружием в руках ополчиться против извечных германских врагов, – расставлял все точки над «i» Николаи на совещании офицеров идеологического отдела германской разведки, – при этом можно вопреки исторической истине замалчивать времена сотрудничества с этими странами и постоянно выпячивать любые их агрессивные намерения, направленные против Германии…

Накануне семейного совета в Потсдаме кайзер вполне благосклонно выслушал идею фикс подполковника Николаи по информационно-идеологическому обеспечению внешней политики Германии, категорически при этом заметив:

– Несмотря ни на что, в этом важном для нас деле германская пресса должна выглядеть в глазах мировой общественности предельно миролюбивой.

– Но, ваше величество, ваши соратники по пангерманскому движению уже анонсировали в ряде периодических изданий свои публикации в великогерманском духе…

– Впредь без одобрения ваших цензоров ни одна статья политического и военного содержания не должна просочиться в германскую прессу! – еще более категорично объявил император. – Наши газеты должны избрать направление не объективно мыслящих информаторов, а незаметных для глаза подстрекателей. – Сказав это, Вильгельм хитро усмехнулся: – Газеты посредством управления общественным вниманием должны определять приоритет международных тем, а также то, над какими темами население и политики должны размышлять в первую очередь.

– Я прекрасно вас понял, ваше величество, – ухватил на лету мысль кайзера подполковник Николаи, – я уже рекомендовал газетчикам почаще подавать материалы по странам-союз-

никам. Чтобы немцы видели реальные военные успехи Тройственного союза и понимали, что рано или поздно, но нам придется от них защищаться. В частности, в «Военном еженедельнике» значительно увеличилась публикация статей, посвященных вооруженным силам Англии, России и Франции, а также их реорганизации. В издании по нашей рекомендации создана новая рубрика под названием «Армейское обозрение», которая будет знакомить офицеров германской армии и других интересующихся военной тематикой читателей с нововведениями в армиях европейских государств и в России. В наборе находятся статьи: «Французская армия; ее численность и организация», «Русская авиация», о преобразованиях английского пехотного батальона. В процессе подготовки очередные материалы о России: «Военная опасность, исходящая от России» и статья «Русская пресса о германской военной миссии», в которой наши военные эксперты будут обсуждать публикацию русского «Голоса Москвы» под названием «Враждебная позиция Турции по отношению к России»…

– Я ознакомился с этой статьей, – нетерпеливо прервал Николаи кайзер, листая лежащий перед ним перевод русского издания, представленный ему накануне руководителем департамента иностранной печати подполковником Гервартом, – и думаю, что при ее обсуждении основной акцент необходимо сделать на утверждении «Голоса Москвы» о том, что с момента вступления германской военной миссии в Константинополь началась новая эпоха, «эпоха вражды против России». Я, конечно, нисколько не одобряю слова представителя турецкой армии, заявившего в беседе с русским корреспондентом о том, что «…в случае беспорядков в стране генерал фон Сандерс лишь в ситуации крайней необходимости поддержит жандармерию, однако не упустит возможности взяться за Босфор и Дарданеллы». Вы же прекрасно знаете, что черноморские проливы для русских словно красная тряпка для разъяренного быка. Поэтому в этих словах турецкого офицера русский корреспондент видит причину «вызывающего тона в адрес России» во «влиянии сияющих доспехов и бряцании германского оружия».

– Я обязательно проинформирую наших военных экспертов, на чем заострить внимание читателей. Ибо считаю, что вопрос о германской военной миссии в Турции для нашей прессы достаточно щепетильный. Об этом, как вы знаете, пишут и в лодзинской газете. В статье «Разрядка в германо-русских отношениях» со ссылкой на вышеупомянутое «Русское слово» газета утверждает о натянутых отношениях между Россией и Германией. В ответ на это в военном еженедельнике запланирована серия статей о реформах и перевооружении русской армии. В частности, готовится к публикации статья «Численность русской армии в мирное время», в которой автор, ссылаясь на французское издание «Die France militaire», проинформирует наших читателей об усилении воинского контингента на западе и юго-западе российской империи…

– И о какой численности говорят французы? – вновь перебил подполковника император.

– В настоящее время численность русской армии составляет 1 843 295 человек, из них 1 323 248 – в европейской части России, – мельком глянув в свой блокнот, доложил Николаи.

– И это соответствует действительности?

– На апрель нынешнего года соответствует. Но с апреля военное ведомство России осуществляет планомерное сокращение. В настоящее время в русской армии 1 418 000 человек, из них 1 020 000 человек – в европейской части России.

– О сокращении, я думаю, сейчас писать не обязательно. Статья должна убедить не только представителей германских вооруженных сил, но и простой народ в том, что Россия является нашим серьезным противником, требующим постоянной готовности германской армии, с тем чтобы дать достойный отпор российскому милитаризму. Но мы слишком много уделяем внимания русским, забывая о наших западных, не менее враждебных соседях.

– Один из ближайших выпусков газет мы планируем посвятить франко-германским отношениям, – уверенно заявил Николаи, – запланированы статьи, которые не оставляют сомнений относительно намерений Франции в отношении Германии: «Замечания по карте

германо-французских пограничных областей», «Как можно усовершенствовать французское развертывание на германской границе?», «Недостатки французского военного дела». Основная цель этих материалов, которые готовят наши дипломаты, военные эксперты и профессионалы пера, состоит в том, чтобы поставить в известность широкую общественность, равно как и военных, о мобилизации во Франции, агрессивном настрое ее генералов по отношению к Германии. Таким образом, благодаря стараниям «Военного еженедельника» немцы будут не только знать своих настоящих союзников и противников, преимущества и недостатки их вооруженных сил, но и то, что враги всячески готовятся к нападению на Германию. Все это непременно послужит тому, что в нужное время они будут морально и психологически настроены на оборону собственного государства…

– Я одобряю ваши предложения по информационному обеспечению нашей политики, – удовлетворенно сказал кайзер, – и прекрасно понимаю, что склонить сознание общества в сторону признания необходимости начала военных действий возможно только при том условии, что эта война будет носить справедливый и оборонительный характер. Этого направления мы и будем придерживаться. А свои идеи в отношении объединения Европы под нашим флагом и уничтожения тех, кто выступит против этого объединения, мы придержим до лучших времен. Во всяком случае, не будем затрагивать эту тему прилюдно, чтобы иностранные журналисты не вынесли их в свои сенсационные заголовки. С нами бог!

– Яволь, ваше величество, – резко склонил голову Николаи и, четко развернувшись на месте, строевым прусским шагом вышел из кабинета императора.

В управлении его ждали неотложные дела, разрешить которые мог лишь он один. Привыкший постоянно ощущать на себе всю полноту власти и ответственности, Николаи никогда не перекладывал дела, которые мог решить сам, на плечи подчиненных, которым еще не в полной мере доверял вследствие их неопытности. В отличие от уже известных в Генштабе отделов военной разведки, Военное ведомство печати, которое он создал, было в новинку не только в Германии, но и, наверное, во всех европейских странах. Это был, по сути дела, последний бастион на пути к универсальному и всеобъемлющему военному разведывательному органу, который Николаи пришлось с трудом преодолеть не без помощи генерала Фолькенгайна и моральной поддержки кайзера. Прежде чем создавать свою новую структуру, Николаи порядком проштудировал архивы и документы своего коллеги, великого шпиона Бисмарка – Штибера, который создал не только военную контрразведку, но и организовал Центральное информационное бюро. Это бюро для поднятия духа армии и населения в ежедневных сводках сообщало о тяжелых потерях врага, о панике, царящей в его рядах, о болезнях, недостатке боеприпасов, о раздорах. Этой тенденциозной информацией Штибер наводнял не только Германию, но и другие европейские страны. А чтобы противодействовать информационным усилиям противника, он организовал в Берлине полуофициальное агентство доктора Вольфа, которое, в отличие от Рейтера и других иностранных агентств, снабжалось первоочередной правительственной информацией, скоординированной в нужном направлении Генеральным штабом. Все это Николаи непременно хотел применить и в своем новом ведомстве, но в более расширенном виде. В своей информационно-пропагандистской структуре он основал три основных департамента: по делам отечественной печати, который возглавлял руководитель ведомства, майор Дойтельмозер. Этого опытного и дотошного во всем корпусного разведчика Николаи знал по совместной службе и не раз убеждался в его добросовестности и работоспособности.

Особое внимание Николаи уделял обработке иностранной прессы. Именно поэтому департамент по делам иностранной печати возглавил знаток многих европейских языков, подполковник Герварт, который вместе со своими аналитиками тщательно просеивал все материалы иностранной печати, постоянно обогащая и пополняя картотеку ведомства. Под его руководством выпускались объемистые бюллетени «Сообщения иностранной прессы», которые рассылались военным и гражданским властям, а также крупным монополиям – для све-

дения и органам печати – для организации контрпропагандистских выступлений в печати. Довольно кропотливую и ответственную работу по перлюстрации почты и контролю за прессой он поручил майору фон Ольбергу, который возглавил департамент цензуры. Таким образом, разбор почты, разведывательная обработка материалов иностранной печати, цензура газетной информации и пропаганда за границей были сконцентрированы в Военном ведомстве печати разведывательного управления Большого Генерального штаба III-b. И теперь, чтобы подготовить исчерпывающую информацию для доклада кайзеру, подполковнику Николаи не надо было выходить из стен управления. Все необходимые данные у него всегда были под рукой. Вскоре к этому быстро привыкли и в Большом Генеральном штабе, удивляясь, как это они работали раньше. Ведь еще совсем недавно, чтобы получить необходимую разведывательную информацию, офицерам Генштаба приходилось обращаться в самые разные инстанции, в том числе и чисто гражданские, которые не всегда добросовестно относились к запросам военных.

– Если Штибер считается родоначальником немецкой разведки в ее успешном практическом применении, – откровенно признался Николаи руководитель военного министерства Германии генерал Фолькенгайн, – то отцом организационной структуры немецкой военной разведки можно по праву называть вас. И неудивительно, что теперь вам подвластна вся система разведывательных органов в армии и стране. Все это стало возможным благодаря тому, что вы сумели сформулировать не только новую теорию разведки применительно к современной действительности, но и создали нечто большее – идеологию разведки. С чем я вас от всей души и поздравляю. Я всегда верил в вас и не ошибся!

Эти слова человека, который за многие годы совместной службы стал для Николаи, наверное, роднее отца, были для него высшей похвалой, затмевающей даже награды и похвалы кайзера. И прежде всего потому, что и он, и фон Фолькенгайн стремились по карьерной лестнице вверх не для удовлетворения своих амбиций, а для принесения наибольшей пользы своему Отечеству, какое бы оно ни было.

Реализуя обещанный кайзеру широкомасштабный план политической операции против заклятых врагов Германии, Николаи в период июльского кризиса все свои информационно-идеологические силы бросил на оболванивание своих соотечественников.

Перед самым началом войны в центре внимания германской прессы находились два события: убийство в Сараеве 28 июня и 48-часовой ультиматум Австро-Венгрии, предъявленный Сербии 23 июля. После убийства австрийского престолонаследника и его жены число статей многократно увеличилось. Так, «Берлинские ведомости» («Berliner Lokalanzeiger») напечатали ряд статей, в которых выразили общее впечатление от австро-венгерской ноты следующими словами: «резко, но справедливо. <…> Сербия исполнит австрийские требования или же погибнет», и т. п.

Хемницкий «Голос народа» задавался вопросом: «…Хотим ли мы победы? <…> Прежде всего мы сознаем свой долг бороться против русского кнутодержавия. Немецкие женщины не должны стать жертвами озверевших русских. Ибо если тройственное соглашение победит, то над Германией будет властвовать не английский губернатор или французский республиканец, а русский царь…»

Общее же настроение немецкого общества выразила «Военная газета»: «После того как наш кайзер перепробовал все средства для сохранения мира, для того чтобы уберечь немецкий народ от ужасов ожидаемой кровавой войны, благодаря хитрости и подлости наших врагов на Востоке и Западе… настало величайшее время, когда мы заставим почувствовать наш острый меч, время, которое осыпало нас ненавистью и завистью и которое мы должны встретить с божьей помощью и в гордом осознании справедливого дела…»

Таким образом, массовую эйфорию, переросшую непосредственно перед началом войны в массовый психоз, поддерживало не только германское руководство, тесно связанное с военными кругами и ведущими монополиями, но и пресса – основной источник получения обще-

ством информации. Благодаря всеобъемлющей деятельности информационного бюро Николаи получить достоверную информацию в Германии было практически невозможно, так как, согласно его плану, основополагающий принцип деятельности печатных органов заключался в том, чтобы предоставлять читателям правду, но не в полном объеме. Используя соответствующие приемы, как, например, повторение одной и той же информации, свободная интерпретация сообщений иностранной прессы, публикации сообщений из сомнительных источников. Сообщения в печати создавали агрессивные образы стран Согласия, готовящихся в подходящий момент напасть на Германию.

Если война была вызвана гонкой вооружений, которая захватила не только Европу, но и Америку, то ее развязывание провоцировала пресса, усиливая существующее недоверие между странами. Органы печати Германии, Британии, России или Франции подстрекали свои народы к войне, манипулируя понятиями чести и славы. К этим манипуляциям приложил свою руку и Николаи. Много позже он в свое оправдание заявит: «…германская пресса сыграла провокационную, но не решающую роль в развязывании мирового конфликта…»

Информационное оболванивание не только немцев, но и их союзников и в большей мере врагов продолжалась до самого критического момента. Последними эпистолярными обманками, усыпляющими бдительность враждебных монархий, были телеграммы кайзера своим кузенам, Николаю и Георгу, направленные по рекомендации Вальтера Николаи 31 июля 1914 года. В депеше, адресованной русскому «другу Ники», германский «друг Вили» писал:

«Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России… Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанная мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна… Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии».

В телеграмме королю Георгу говорилось, в частности, следующее:

«По техническим причинам моя мобилизация, объявленная уже сегодня днем, должна продолжаться на два фронта – Восточный и Западный, согласно плану. Это невозможно отменить, поэтому я сожалею, что твоя телеграмма пришла поздно. Но если Франция предлагает мне нейтралитет, который должен быть гарантирован флотом и армией Великобритании, я, конечно, воздержусь от нападения на Францию и употреблю мои войска в другом месте. Я надеюсь, что Франция не будет нервничать. Войска на моей границе будут удержаны по телеграфу и телефону от вступления во Францию. Вильгельм».

Приказ о мобилизации, которая должна была начаться на следующий день, 1 августа, был подписан в 5 часов пополудни 31 июля, когда телеграммы еще не успели дойти до адресатов. Кайзеру, который долго не решался подписать этот приказ, его ближайшие советники буквально вложили перо в руку. В это время из Лондона пришла депеша с сообщением о британских гарантиях Бельгии. Вырисовывалась перспектива общеевропейской войны, и вести ее Германии пришлось бы на два фронта. Вильгельм не на шутку испугался. Он приказал Мольтке остановить удар на запад, заявив: «Мы лучше бросим все силы на восток». Мольтке категорически ответил, что в этом случае Германия будет беззащитна перед вероломным нападением Франции. Это слова стали последним аргументом, определившим начало Великой войны со стороны Германии.

ГЛАВА VIII Петербург – Красное Село. Июль 1914 г

1

– Ставьте ноль! Ставьте ноль! Сейчас едем к церкви Преображения, где вы, господа юнкера, будете произведены в офицеры, – вскричал полковник Соколовский, неожиданно влетая в барак и видя, как Казакевич вывешивает на стене так называемое дежурство – небольшой плакат, на котором четким штабным шрифтом выведено: «Сегодня дежурит 24-й Драгунский приморский полк» (это значило, что до долгожданного производства в офицеры, которое должно было произойти в день Преображения Господня, осталось 24 дня). Эта традиция, символически означавшая преображение нижнего чина, юнкера, в офицеры, соблюдалась в российской императорской армии вот уже которое десятилетие, и потому команда полковника вызвала у юнкеров искреннее недоумение.

– Господа, вы прекрасно знаете об угрозе, нависшей над Россией. В связи с чем его величество император и самодержец всея Руси приказал произвести церемонию производства вас в офицеры сегодня, – пояснил командир эскадрона.

– Ур-р-а! – закричали юнкера, подбрасывая в потолок бескозырки.

– Господин полковник, – обратился к Соколовскому портупей-юнкер Баташов, дождавшись пока курсанты вдосталь накричатся, – а на параде по случаю производства в офицеры государь император будет присутствовать?

– А как же! Неужели вы могли подумать, что батюшка-царь, несмотря на всю свою занятость, пропустит такое важное в жизни армии событие? Производство, как и в прежние времена, будет проходить в присутствии его императорского величества и высочайшего двора! Итак, господа, поспешайте, – добавил он, видя, что накричавшиеся до хрипоты юнкера, вместо того чтобы готовиться к параду, о чем-то возбужденно переговариваются, – его величество прибудет в Красное Село с минуты на минуту.

– Господа! Прошу вас поскорее надеть полное походное снаряжение, – приказал портупей-юнкер Баташов, – через пять минут построение на линейке.

Через десять минут на центральной линейке лагеря Николаевского кавалерийского училища выстроились кавалерийский эскадрон и казацкая сотня.

Увидев приближающегося на породистом кауром жеребце начальника училища генерала Родимцева, командир эскадрона Соколовский скомандовал:

– Смирно, глаза направо! Ваше превосходительство, юнкера старшего курса Славной школы для парада построены!

– Здравствуйте, юнкера!

– Здравия желаем, ваше превосходительство!

Окинув орлиным взором своих питомцев, генерал привстал на стременах и хриплым от волнения голосом, доходящим до сердца каждого юнкера, прокричал:

– Господа офицеры! Великая честь идти на Царский смотр, но не забудьте, что и эту честь надо оправдать и заслужить. Мы не можем быть хуже других, а должны сделать все для того, чтобы постараться быть, если только это возможно, лучше всех. Помните это твердо. Не посрамим же нашу Славную школу!

– Не посрамим! Не посрамим! – раздался многоголосый шепот из задних рядов, который был услышан всеми.

Генерал чуть заметно сделал глазами знак командиру эскадрона. Тот, придерживая своего норовистого Буцефала, выехал вперед:

– За мной, повзводно, ма-а-ар-рш!

Под звуки марша «Под двуглавым орлом» серебристотрубного училищного оркестра кавалерия поскакала к передней линейкой, где после долгих эволюции и заездов наконец наступил желанный момент церемониального марша. Конники Славной школы отменно прошли перед Царским валиком, заслужив похвалу его величества.

После прохождения всего гарнизона царский штаб-трубач конвоя подал сигнал «Труби отбой». По этой команде кавалерийский эскадрон и сотня построились развернутым фронтом.

Полковник Соколовский скомандовал:

– Господа юнкера старшего курса… слезать… отдать коней младшему курсу!

Баташов, ловко спрыгнув с коня, ласково потрепал его по загривку и, по привычке, выудив из кармана несколько кусочков сахара, поднес лакомство к морде своего любимца.

– Кушай, мой славный товарищ, – грустно произнес он, – больше не скакать нам по полям и долинам, не глотать дым у походного костра…

Поцеловав коня в морду, Баташов передал поводья своему крестнику, юнкеру младшего курса Пафнутьеву.

– Держи моего Мрамора и помни, с сегодняшнего дня это твой верный друг. Люби его, как я, и он ответит тебе тем же…

Не дожидаясь, пока кавалеристы распрощаются со своими верными четвероногими друзьями, полковник Соколовский скомандовал:

– Строиться! К центральной линии, шагом марш!

Вскоре выпускные пажи и юнкера Николаевского кавалерийского, Павловского и Владимирского военных, Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ были построены тремя фасами у большой Красносельской палатки.

После команды «смирно» фронт обошли флигель-адъютанты, раздавая каждому из выпускников царский приказ о производстве, напечатанный в виде брошюрки в несколько страниц, где каждый паж и юнкер могли найти свое имя и полк, в который вышли.

После этого в сопровождении Свитского дежурства к фронту юнкеров от Царского валика спустился улыбающийся государь император. Не спеша он начал обходить ряды, пристально вглядываясь в лица своих будущих офицеров. Проходя мимо строя николаевцев, он остановился против Аристарха.

– Портупей-юнкер Баташов, – представился тот, вытянувшись в струнку, поедая глазами высочайшее начальство.

– В какой полк изволили выйти?

– В Н-ский гусарский генерала Дениса Давыдова, Ея Императорского Высочества великой княгини Ольги Александровны полк, ваше императорское величество, – внутренне собравшись словно перед кавалерийской атакой, без запинки отрапортовал Аристарх.

– Это не ваш отец служит в Варшавском военном округе?

– Так точно, ваше императорское величество! Генерального штаба полковник Баташов – мой отец.

– А не хотели бы вы служить под его началом?

– Никак нет, ваше императорское величество!

– Но почему? – искренне удивился император.

– Я хочу быть на первой линии, а не в штабе, видя, какая опасность нависла над нашим Отечеством, – твердо сказал Аристарх.

– Ну что же, похвально, очень даже похвально. Другого ответа от корнета из славной офицерской династии Баташовых я не ожидал. За богом молитва, а за царем служба – не пропадет. Скажу по секрету, намедни я подписал приказ о производстве вашего отца в чин генерал-майора генерал-квартирмейстерской службы. Я думаю, у вас есть с кого брать пример. Знаменательно и то, что вы начинаете службу в полку, в котором начинал службу ваш дед, собутыльник и верный товарищ Дениса Давыдова! Удачи вам, корнет!

– Буду стараться, ваше императорское величество!

Чести удостоиться короткой беседы с самим царем получили не многие, один-два курсанта каждого училища, и тем значимее было это событие для каждого из удостоенных этой высочайшей милости. В стройном ряду юнкеров Владимирского училища стоял тогда и 21-летний петербуржец Аполлон Яковлевич Крузе, российский военачальник, который дослужится до генеральского чина сначала в Белой, а затем и в Красной армии. При этом он не будет репрессирован, благополучно доживет до 1967 года и будет торжественно похоронен в Ленинграде, на Богословском кладбище.

Закончив обход, государь император вышел на середину фронта и, окинув взглядом пажей и юнкеров, благожелательно произнес:

– Благодарю вас, господа, за прекрасный смотр!..

– Рады стараться, ваше императорское величество! – громко и радостно прозвучало в ответ.

Государь сделал два шага вперед и громким голосом торжественно произнес:

– Я пожелал сказать вам несколько слов перед предстоящей для вас службой. Помните мой завет: веруйте в Бога, а также в величие и славу нашей Родины. Старайтесь служить ей и мне изо всех сил и исполнять, в каком бы положении вы ни были и какое бы место ни занимали, свой долг. Относитесь с уважением к вашим начальникам и дружески друг к другу, к какой бы части вы ни принадлежали, памятуя, что каждый из вас, составляя частицу нашей великой армии, служит одной Родине и своему государю. Относитесь строго, но справедливо к подчиненным вам нижним чинам и старайтесь во всем служить им примером как на службе, так и вне ее. Желаю вам от души во всем успеха и уверен, что при всякой обстановке каждый из вас окажется достойным потомком наших предков и честно послужит мне и России. Поздравляю вас с производством в офицеры.

Оглушительное «ура» начало перекатами греметь по всей округе, тревожа, поднимая с насиженных мест в приозерных камышах Дудергофского озера стаи воронья. Испуганно каркая, огромная черная туча вдруг заслонила собой солнце, наложив на лица воинов легкую тень, словно предупреждая новоявленных офицеров о грядущем черном лихолетье. Но продолжалось это всего лишь одно мгновение. Вскоре ласковое светило вновь засияло во всей своей красе. Солнечные лучики, отражаясь всеми цветами радуги от алмазной россыпи на орденах, драгоценностей и золотых позументов императорской свиты, сверкая на остро отточенных штыках и серебряных шпорах, возвратили в ряды парадного расчета праздничное настроение, вселили в душу каждого офицера тот извечный, до сих пор не понятный иностранцам русский дух, который в сражениях за Бога, Царя и Отечество окрылял воинской славой целые полки.

Строй сломался, как только император поднялся на валик.

– Господа офицеры – к вашим коням! – впервые услышали долгожданную команду от своих офицеров-наставников бывшие юнкера, а теперь корнеты. Вскочив на коней, которых держали в поводу юнкера младшего курса, они понеслись сумасшедшим карьером в лагерные бараки вне всякого строя, что являлось также старым обычаем. На кроватях бараков их уже ожидала приготовленная лакеями новая парадная форма, в которую все спешно переодевались и один за другим выходили к уже ожидавшим у передней линейки кем-то заблаговременно извещенным извозчикам, готовым доставить новоявленных корнетов и подпоручиков хоть в Питер, хоть на край света.

2

Аристарх прискакал к бараку одним из первых. Спешно надевая свою гусарскую форму, он то и дело ловил на себе восхищенные взгляды товарищей. Окончив училище по первому разряду, он имел право поступить в лейб-гвардию, но предпочел служить в прославленном

гусарском полку. И вот теперь, надев коричневый доломан с золотистыми шнурами и красные чакчиры, он с гордостью возложил на голову черную барашковую шапку с коричневым шлыком, белым султаном и двуглавым орлом.

– Ну как? – неожиданно обратился он к Казакевичу, который, облачившись в серый уланский наряд, с восхищением глядел на преобразившегося на глазах у всех Баташова.

– Да тебя хоть сейчас в бой! – с нескрываемой завистью промолвил Казакевич. – Недаром праотец всех гусар Денис Васильевич Давыдов говорил: «Гусар! Ты весел и беспечен… пиров и битвы гражданин!» Так вот, ты самый, что ни на есть «пиров и битвы гражданин».

Корнеты, удовлетворенно цокая языками и негромко переговариваясь, обступили Баташова. Одни с удивлением рассматривали необычный гусарский зигзаг офицерского погона, другие вертели в руках шапку, любуясь султаном, третьи рассматривали золоченую ленту с надписью «За отличия 14 августа 1813 г.», положенную по форме одежды.

– А ты знаешь, за что гусарский полк получил эту ленту? – стремясь отвлечь всеобщее внимание от молодцеватого красавца-гусара, спросил кто-то из новоиспеченных лейб-гвардейцев.

– Мне ли, внуку гусара, прошедшего Бородино, об этом не знать, – с вызовом ответил Баташов. – 14 августа 1813 года при реке Кацубах завязался упорный бой союзной армии с войсками Наполеона. После того как французские кирасиры из дивизии Себастиани обратили в бегство прусскую конницу, на помощь союзникам пришли гусары Мариупольского и Александрийского полков. Завершили же этот бой полным разгромом французов гусары Ахтырского и Белорусского полков. Пользуясь успехом этого боя, отряд, в который входили гусары Ахтырского и Белорусского полков, под командованием Дениса Васильевича Давыдова превосходным маневром вышел к Дрездену и занял половину города, защищаемого корпусом Даву, – словно заученный урок, с чувством, с толком, с расстановкой гордо продекламировал он…

– Вот это да!

– Вот это настоящий полководец!

– Настоящий герой, – послышались отовсюду возгласы офицеров.

– А вы знаете, что этот ваш герой после захвата Дрездена попал в опалу и был отлучен от войск? А все потому, что не выполнил предписания вышестоящего командования не брать город, а только подготовить торжественное его взятие генерал-адъютантом Винценгероде, любимцем императора…

– Все это правда, господа, – откровенно признался Баташов, – но император вскоре простил его, и Денис Васильевич потом еще не раз показал свои полководческие таланты…

– И не только полководческие, – добавил Казакевич.

– Ну что, удовлетворен таким ответом? – повернулся к гвардейцу корнет Сорокин. – А вот скажи-ка нам, братец, чем может похвастаться твой лейб-гвардейский полк?

Не найдя, что на это ответить, гвардеец заторопился к выходу.

Проводив его долгим, пристальным взглядом, Баташов, обернувшись к окружившим его офицерам и указывая на лежащую на кровати газету, пестрящую жирными призывными заголовками, доверительно сказал:

– Я сегодня, откровенно признаться, думал, что выпуск наш пройдет буднично, без фанфар и парада. Ведь что ни говори, а на Отечество наше война надвигается. Страшная война… И знаете, я был искренне удивлен не тому, что наше производство в офицеры будет ускоренным. Это было ясно как божий день. Я был искренне удивлен тому, что император, несмотря ни на что, не манкировал вековую традицию лично приветствовать офицерское пополнение. Все происходило так торжественно и величаво, словно в былые времена, что я вдруг всей душой и сердцем понял, что с сегодняшнего дня для меня Бог, Царь и Отечество – единое целое, словно божественная Троица. Я понял, главное, что с таким императором нас никогда и никто не победит…

– Да здравствует император!

– Да здравствует Россия!

Неожиданно офицеры в едином порыве торжественно и величаво запели гимн:

Боже, царя храни, Сильный, державный, Царствуй на славу нам, Царствуй на страх врагам, Царь православный. Боже, царя храни!

Боже, царя храни! Славному долги дни Дай на земли! Гордых смирителю: Слабых хранителю, Всех утешителю – Всё ниспошли!

Перводержавную Русь Православную Боже, храни! Царство ей стройное, В силе спокойное, – Все ж недостойное, Прочь отжени!

О, провидение, Благословение Нам ниспошли! К благу стремление, В счастье смирение, В скорби терпение Дай на земли!

С последними словами гимна в бараке наступила звенящая тишина. Офицеры продолжали стоять по стойке смирно, готовые в едином порыве тотчас же рубить, крушить в хузары всех, кто посягнет на любимое Отечество. У многих корнетов на глаза набежали слезы, и они, чтобы скрыть эту свою слабость и сентиментальность, быстро-быстро заморгали глазами, зашмыгали носами. Но никто не обращал на это внимания. Все смотрели на Баташова. Все ждали от своего любимца и курсантского командира тех необходимых слов, которые не говорят на парадах и высочайших смотрах.

– Господа, товарищи и друзья мои! В этот долгожданный и незабываемый для всех нас час производства в офицеры я хочу сказать, что сегодня у меня нет роднее и ближе вас, моих юнкерских товарищей. Мы стоим сегодня на пороге войны. Кого-то она призовет сегодня, кого-то завтра, через неделю или месяц. Но мы все как один должны понимать, что никто из нас не останется в стороне от предстоящей схватки. Пусть газетные заголовки кричат о том, что мы шапками закидаем германцев, что война с тевтонами продлится не больше месяца, но мы-то знаем, какой серьезный враг стоит у наших западных границ. И потому должны ясно осознавать, что наше место не в глубоком тылу, а на фронте. Я верю, что все вы, мои дорогие корнеты, не станете искать обходных дорог, а предпочтете прямой путь доблести и чести. А раз так, то мы еще не раз встретимся на этом трудном, но достойном пути!..

– Господин корнет, – неожиданно прервал горячую речь Баташова дежурный юнкер, – к вам вестовой.

– Извините, господа, – виновато промолвил Аристарх и поспешил вслед за юнкером.

На линейке его ждал посыльный в гусарском мундире, с двумя лычками на погонах. Увидев офицера, гусар лихо спрыгнул с коня и, вытянувшись во фрунт, доложил:

– Ваше благородие господин корнет! Вам срочный пакет! – и, вынув из сумки конверт, протянул его Баташову.

– Спасибо, братец, – поблагодарил гусара Аристарх и тут же, сломав печать, вскрыл письмо.

На узкой полоске бумаги было всего лишь две строчки:

«Приказываю в 20.00 явиться в часть.

Командир полка, полковник Нелюдов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.